

22
388

801-88
4005-9

801-16
1070

ТУЗЕМЦЫ

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ.

Очеркъ В. П. Наливкина.

Издание А. Л. Кирснера.

ТАШКЕНТЪ

Электрич. типо-лит. „Турк. Т-ва Печатнаго Дѣла“.

1913 г.

Печатано съ разрѣшенія Начальства.

Въ началѣ 1905 года Н. Н. Тевяшевѣ, тогда Туркестанскій генераль-губернаторъ, въ частной бесѣдѣ просилъ меня познакомить его, устно или письменно, съ тѣмъ, насколько и въ какихъ отношеніяхъ измѣнились туземцы Туркестанскаго края со времени занятія его русскими.

Имѣя въ виду, что вопросъ этотъ можетъ представлять интересъ для многихъ лицъ, я предпочелъ изложить свои мысли и наблюденія письменно.

Насколько мои личные симпатіи къ покойному Николаю Николаевичу, отличавшемуся большой простотой, прямою и добродушіемъ, настолько же и интересъ къ этой работѣ, постепенно возраставшій по мѣрѣ ея выполненія, заставили меня отнестись къ ней съ возможной добросовѣстностью.

Удѣляя этому труду свои вечерніе досуги въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ іюлѣ того же года я уже имѣлъ возможность вручить Николаю Николаевичу рукопись очерка, предлагаемаго вниманію читателей.

Нынѣ, при чтеніи этого очерка, необходимо имѣть въ виду, что онъ былъ написанъ въ первой половинѣ 1905 года, и что туземцы, вмѣстѣ съ нами пережившіе „дни свободъ“, пережили ихъ далеко не безрезультатно въ отношеніи ихъ интел-

2015186500

лектуального роста вообще и политическаго въ частности.

Поэтому въ настоящее время этотъ очеркъ, строго говоря, долженъ бы быть дополненъ перечисленіемъ всего того, что влилось въ народную жизнь, въ народное міровоззрѣніе за послѣдніе 6--7 лѣтъ; но, съ другой стороны, эти новыя наслоения, быть можетъ, еще не настолько ассимилировались съ умомъ и жизнью народа, чтобы подведеніе этихъ итоговъ могло считаться уже вполне своевременнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усердно прошу читателей, туземцевъ и русскихъ, вѣрить, что предлагая ихъ вниманію мой трудъ, я совѣмъ далекъ отъ желанія бросить въ кого либо какими либо обвиненіями.

Совѣмъ нѣтъ. Напротивъ, я хотѣлъ бы сказать совѣмъ другое. Я хотѣлъ бы сказать такъ: посмотрите, что дѣлаетъ всемогущая и неумолимая жизнь; посмотрите, напримѣръ что дало балканскому союзу единеніе, и къ чему привела Турцію ея замкнутость.

Постараемся взглянуть на наше прошлое безстрастно и объективно; постараемся лишь разсмотрѣть и уразумѣть это прошлое для того, чтобы имѣть возможность въ будущемъ сознательно устранить все то, что должно считаться нежелательнымъ, и вспомнимъ слова Корана: „миръ есть доброе дѣло“ *)

А затѣмъ—sans rancune: забыть старые счеты; разъ на всегда повернуться спиной къ злопамятству; и дружно, весело, рука объ руку идти по широкому пути общечеловѣческаго прогресса и общечеловѣческаго единенія.

*) Глава 4, ст. 127.

I.

Этнографическій составъ населенія

Въ этнографическомъ и въ бытовомъ отношеніяхъ главнѣйшими народностями, входившими въ составъ туземнаго населенія трехъ коренныхъ областей *) края во время ихъ завоеванія, были: осѣдлые *сарты*, кочевники *киргизы*, полукочевники (*журама* въ Ташкентскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области, такъ называемые *узбеки* въ Самаркандской и *кипчаки* и *каракалпаки* въ Ферганской), *татары* и туземные, такъ называемые бухарскіе *евреи*.

Подъ именемъ *сартовъ* въ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областяхъ разумѣется мѣстное мусульманское осѣдлое населеніе, городское и сельское, которое, не представляя въ разныхъ мѣстностяхъ названныхъ областей особенно рѣзкихъ различій въ бытовомъ отношеніи, въ этнографическомъ подраздѣляется на собственно сартовъ, давно уже осѣвшихъ *тюрокъ* (или *узбековъ*), ведшихъ раньше кочевой образъ жизни, и *таджиковъ*, издравле осѣдлыхъ аборигеновъ этой страны, говорящихъ на болѣе или менѣе своеобразныхъ нарѣчіяхъ персидскаго языка, въ большей или меньшей мѣрѣ подвергшихся вліянію языка пришедшихъ завоевателей тюрокъ, (именуемыхъ также и *тюрко-монголами*).

Одной изъ характерныхъ національныхъ чертъ таджиковъ является ихъ тяготѣніе къ горамъ.

*) Сыръ-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская области. Семирѣченская и Закаспійская, мнѣ незнакомыя и сравнительно недавно присоединенныя къ Туркестанскому краю, не имѣлись мною въ виду при составленіи этого очерка.

Наибольшая часть таджикских селеній находится въ горахъ и предгорьяхъ, при чемъ наибольшая же часть всѣхъ вообще таджиковъ края проживаетъ въ Самаркандской области; въ Ферганской, въ предгорныхъ частяхъ Наманганскаго, Кокандскаго и Маргеланскаго уѣздовъ ихъ значительно (вдвое) меньше, а въ Сыръ-Дарьинской области нѣсколько небольшихъ таджикскихъ селеній имѣются лишь въ Ташкентскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ.

Кромѣ тюрковъ и таджиковъ, въ составъ этнографическаго конгломерата, именуемаго нынѣ общимъ именемъ сартовъ, вошли также: часть арабовъ—завоевателей, одновременно принимавшіе исламъ евреи и цыгане и осартившіеся татары и персы, постепенно и очень прочно ассимилировавшіеся съ главнѣйшей, осѣдлой частью мѣстнаго населенія.

Составляя въ указанную эпоху около $\frac{1}{3}$ всего мѣстнаго населенія, будучи по преимуществу земледѣльцами и садоводами, сарты въ то же время держали въ своихъ рукахъ наибольшую часть мѣстныхъ промышленности и торговли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ же рукахъ находился и камертонъ мѣстной мусульманской духовно-нравственной жизни, (не исключая и духовной жизни кочевниковъ), ибо преимущественно изъ ихъ же среды, кромѣ длинной вереницы лицъ составлявшихъ правящій классъ, выходили также и казін, и ишаны, руководившіе помыслами многихъ десятковъ (если не сотенъ) тысячъ своихъ *мюридовъ*, и учителя мѣстныхъ мусульманскихъ школъ, и *имамы*, настоятели мечетей, и, наконецъ, шумный рой тѣхъ мусульманскихъ книжниковъ, *улема*, которые всегда играли очень крупную роль въ духовно-нравственной жизни туземнаго общества и о

которыхъ нѣсколько подробнѣе будетъ упомянуто ниже.

Такимъ образомъ, въ общемъ, сарты являли собой наиболѣе культурную, а потому во многихъ отношеніяхъ и наиболѣе сильную часть мѣстнаго населенія.

Эта частью нравственная, а частью матеріальная сила сартовъ, которую, быть можетъ, правильнѣе было бы назвать не столько активной силой, сколько выносливостью, зиждилась главнымъ образомъ на умѣнны приспособляться къ обстоятельствамъ, на врожденной переимчивости, благодаря которой они чрезвычайно быстро усваиваютъ самые разнообразные практическіе навыки, на врожденной способности и склонности къ торговлѣ, на крайней ограниченности ихъ потребностей, въ чемъ съ ними могутъ соперничать развѣ только китайцы, на отсутствіи у нихъ рѣзкихъ сословныхъ различій, дѣлавшемъ туземное общество относительно весьма однороднымъ, и, наконецъ, на колоссальности той роли, которую мусульманская школа, въ особенности высшая, *мадраса*, играла въ жизни туземной толпы въ воспитательномъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ.

Подъ именемъ *киргизовъ* далѣе мы будемъ разумѣть всѣхъ вообще тѣхъ тюрко-монголовъ*), которые вели кочевой образъ жизни и занимались преимущественно скотоводствомъ, изъ не пищевыхъ продуктовъ котораго на мѣстѣ обрабатывалось главнымъ образомъ шерсть.

Изъ нея женщины, на которыхъ лежали всѣ хозяйственныя работы кочевого быта, за исключе-

*) Тюрко-монголы подраздѣляютъ себя на 92 рода: Тюркь, Багышъ, Найманъ, Кипчакъ, Кыргызы, Тюркманъ, Юзъ, Кыркъ, Мингъ, Мангытъ, Каракалпакъ, Кенегастъ, Мо-голъ, Уйгуръ, Хытай и др.

ніемъ пастбы скота, и по нынѣ изготовляютъ кони, паласы, ковры, грубыя шерстяныя ткани и арканы.

Объектами торговли, по преимуществу мѣно вой, были: скоть, невыдѣланныя кожи и издѣлія изъ шерсти.

Главнѣйшимъ отхожимъ промысломъ киргизской бѣдности издревле былъ извозъ, транспортирование кладей на верблюдахъ. Въ этихъ случаяхъ киргизы попадали въ положеніе наемниковъ, предлагавшихъ свои услуги купцамъ сартамъ и татарамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и у степныхъ и у горныхъ киргизъ издавна имѣлись также и запашки, при чемъ однако-же земледѣліемъ, къ которому сколько нибудь состоятельный кочевникъ—скотоводъ не имѣлъ рѣшительно никакой врожденной склонности, лично занимались только такъ называемые *икинчи* (пахари), обѣднѣвшіе киргизы, лишившіеся при разнаго рода обстоятельствахъ своего скота, а потому не имѣвшіе ни надобности, ни даже возможности кочевать вмѣстѣ съ своими болѣе счастливыми и благополучными сородичами. Эти *икинчи* воздѣлывали или свою собственную, или чужую землю, получая въ послѣднемъ случаѣ условленную часть урожая.

Запашки находились (и находятся) преимущественно при зимнихъ стойбищахъ, и представляли по большей части незначительныя участки въ нѣсколько десятинъ. Однако же рѣдкій *икинчи* того времени былъ или становился, такъ сказать, вѣковѣчнымъ пахаремъ. Каждый разъ, когда его дѣла поправлялись, когда онъ вновь дѣлался обладателемъ достаточнаго количества скота, онъ бросалъ землю и вновь начиналъ вести кочевой, исключительно скотоводческій образъ жизни.

Посредствующимъ звеномъ между осѣдлыми и кочевниками являлись *полукочевники*, *курама* въ бывшемъ Ташкентскомъ вилайетѣ, (въ долинахъ Чирчика и Ангрена), такъ называемые *узбеки* въ теперешней Самаркандской области и *кипчаки* и *каракалпаки* въ Ферганѣ.

Въ этнографическомъ отношеніи ташкентскіе кураминцы и самаркандскіе узбеки являли собой полусѣвнѣйшій сбродъ разныхъ киргизскихъ (тюркомонгольскихъ) родовъ: Юзъ, Кыркъ, Хытай, Найманъ и др.

Въ бытовомъ отношеніи отличительной чертой полукочевника вообще было относительно удачное, по условіямъ того времени, сочетаніе скотоводства съ земледѣліемъ. Попрежнему любя пастбищное скотоводство, отнюдь не отказываясь отъ него совсѣмъ, а лишь нѣсколько ограничивъ его размѣры, въ зависимости отъ новыхъ условій своего быта, полукочевникъ, пользуясь обиліемъ принадлежавшихъ ему земель, усердно принялся и за земледѣліе, въ видѣ полеводства. важнымъ подспорьемъ которому служилъ навозъ, получавшійся отъ скота, значительная часть котораго на зиму пригонялась съ лѣтнихъ пастбищъ на хутора.

Въ политическомъ отношеніи, въ особенности въ теченіе послѣднихъ 30—40 лѣтъ существованія бывшаго Кокандскаго ханства, безусловно выдающаяся роль принадлежала ферганскимъ полукочевникамъ—*кипчакамъ*. Упрочивъ на почвѣ вышеуказаннаго разумнаго сочетанія скотоводства съ земледѣліемъ свое матеріальное благосостояніе, сплотившись въ прочно скрѣпленную родовымъ началомъ политическую партію и не утративъ, подобно сартамъ, присущій ихъ предкамъ духъ воинственности, кипчаки въ теченіе всей первой половины неудачнаго, дважды прерывавшагося, царствованія

Худоярь—хана держали въ своихъ рукахъ судьбы внутренней жизни ханства, омрачивъ, къ сожалѣнію, этотъ періодъ кипчакскаго самовластія длиннымъ рядомъ насилій надъ сартами.)

Почти во всѣхъ туземныхъ городахъ имѣлись (и имѣются) такъ называемые „ногай махалле“, татарскіе кварталы, издавна заселенные *татарами*, одновременно эмигрировавшими сюда изъ Россіи, главнымъ образомъ съ Урала и изъ Поволжья*). Привыкнувъ въ Россіи къ осѣдлому образу жизни и эмигрировавъ затѣмъ въ Среднюю Азію, эти татары естественнымъ образомъ старались найти пріютъ и обосноваться среди осѣдлаго мѣстнаго населенія, сартовъ, а не среди кочевниковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ сарты, не отказывая эмигрантамъ—татарамъ въ убѣжищѣ, какъ единовѣрцамъ, мнимо—гонимымъ невѣрными**), во первыхъ, относились къ нимъ всегда нѣсколько презрительно, какъ къ люду, недостаточно строго соблюдающему всѣ требованія и постановленія шаріата и недостаточно знакомому со всѣми тонкостями, схоластической мусульманской науки, а, во вторыхъ, непрестанно сталкиваясь съ татарами на поприщѣ мѣстной торговли, сарты и въ этой сферѣ всегда имѣли надъ ними весьма значительный перевѣсъ.) Эти обстоятельства издавна заставили татаръ, имѣя мѣста постоянного жительства въ сартскихъ городахъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ здѣсь же брали себѣ и женъ, перенести свою торговую дѣятельность въ степь, къ киргизамъ, среди кото-

*) Ко времени занятія края въ трехъ вышеназванныхъ областяхъ проживало около 5000 душъ татаръ обоего пола.

**) Одни изъ упомянутыхъ татаръ бѣжали сюда отъ стѣсненій, тяготѣвшихъ въ Россіи надъ ихъ религіозной жизнью; другіе отъ рекрутской повинности; третьи ради возможности жить среди чисто—мусульманской обстановки; четвертые скрылись сюда отъ каръ грозившихъ имъ за разнаго рода правонарушенія и т. п.

рыхъ они чувствовали, и понынѣ чувствуютъ, себя гораздо свободнѣе, чѣмъ среди сартовъ, ибо киргизы были, во первыхъ, еще достаточно дики для того, чтобы конкурировать съ ними по части торговли, а, во вторыхъ, очень слабы по части нетолько знакомства съ шаріатомъ, но даже и по части самаго поверхностнаго знакомства съ наиболѣе обыкновенными отдѣлами мусульманской религіозной обязанности для того, чтобы не считать татаръ способными быть руководителями ихъ, киргизъ, въ дѣлахъ правовѣрія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во первыхъ, татары, по складу своего характера и по многимъ своимъ привычкамъ, къ киргизамъ стоятъ несравненно ближе, чѣмъ къ сартамъ; а, во вторыхъ, до нашего прихода сюда между сартами и киргизами шли безконечныя усобицы во время которыхъ татары старались соблюдать возможно строгій нейтралитетъ.

Все это постепенно привело къ тому, что до послѣдняго времени, когда въ мѣстной жизни многое въ корень измѣнилось, татары, какъ мѣстные, такъ и постепенно наѣзжавшіе изъ Россіи, были въ значительной мѣрѣ хозяевами киргизской степи, ибо они не только держали въ своихъ рукахъ значительную часть мѣстной торговли съ кочевниками, но долгое время были даже и главнѣйшими насадителями *ислама* и мусульманскаго книжничества среди киргизъ, до того времени отличавшихся весьма индифферентными отношеніями къ религіи.

Въ большей части туземныхъ городовъ, подобно татарскимъ кварталамъ, имѣются также и еврейскіе, населенные мѣстными, такъ называемыми бухарскими *евреями*, говорящими на жаргонѣ персидскаго языка, при чемъ письмена ими употребляются древне-еврейскія, а священный для нихъ древне-еврейскій языкъ большинствомъ ихъ изу-

чается лишь очень поверхностно, исключительно для цѣлей богослуженія*).

Невозможно съ точностью опредѣлить, когда именно и откуда переселились въ Среднюю Азію предки туземныхъ евреевъ; несомнѣнно, однако же, что это совершилось въ весьма отдаленную отъ насъ эпоху, быть можетъ даже вскорѣ послѣ плѣненія ассирійскаго, когда часть израильтянъ, плѣненныхъ Салмонасаромъ, была поселена въ теперешней восточной Персіи, входившей въ составъ Ассирійскаго царства, откуда впоследствии эти израильтяне, издревле отличавшіеся большою подвижностью и склонностью къ торговлѣ, судя по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, несомнѣнно проникли въ бассейны Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи.

При мусульманскомъ правительствѣ, туземные евреи, въ виду неодобрительныхъ отношеній корана къ іудейству, занимали положеніе паріевъ: они должны были ѣздить на ослахъ, а отнюдь не на лошадахъ; они были обязаны опоясываться веревками, а не обыкновенными, общепринятыми у туземцевъ поясами и т. п. (Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ корана, характеризующихъ отношенія ислама къ еврейству).

„Вѣрующіе! въ друзья себѣ не берите ни іудеевъ, ни назарянъ (христіанъ); они друзья одному; а кто изъ васъ подружится съ ними, тотъ, истинно, будетъ въ числѣ ихъ“. Коранъ 5,26.
„Они (евреи) стараются распространить нечестіе по землѣ, но Богъ не любитъ распространителей нечестія“ Коранъ 5,69.

„И вотъ Господь твой возвѣститъ, что онъ будетъ воздвигать противъ нихъ (евреевъ), до сама-

*] Ко времени занятія края въ трехъ вышеупомянутыхъ областяхъ туземныхъ евреевъ проживало около 5000 душъ обо-
его пола.

годня воскресенія такихъ, которые будутъ подвергать ихъ злымъ страданіямъ“ Коранъ. 7,166 и т. п.

Псдобно татарамъ, наибольшая часть мѣстныхъ евреевъ проживала въ городахъ а не въ селеніяхъ, при чемъ громадное большинство ихъ занималось ремеслами; въ Ферганѣ, на примѣръ, они были по преимуществу красильщиками пряжи. Лишь наиболѣе состоятельные занимались торговлей.

То обстоятельство, что при ханскомъ правительствѣ, торговлей занималось относительно небольшое число мѣстныхъ евреевъ, находилось въ зависимости отъ совершенной безправности послѣднихъ, что заставляло всѣхъ евреевъ, не имѣвшихъ покровителей среди правящаго класса, тщательно скрывать свои сбереженія и капиталы, которые при царившихъ тогда среди правящаго класса, до хановъ включительно, произволъ и беззаконіи, конфисковались при всякомъ мало мальски подходящемъ случаѣ, что, впрочемъ, верѣдко случалось и съ богатыми сартами.

Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, если не принимать во вниманіе періодъ политической силы кипчаковъ въ Ферганѣ, не будетъ ошибкой сказать, что въ бытовомъ отношеніи, (а равно и въ численномъ) главнѣйшими группами мѣстнаго населенія были сарты и киргизы.

Сартъ пахалъ землю, сѣялъ, жалъ и молотилъ, сажалъ деревья, строилъ зданія, ковалъ, точилъ, красилъ и ткалъ, выдѣлывалъ кожи и торговалъ, выдѣляя на долю своей жены лишь небольшой кругъ чисто домашнихъ работъ.

Киргизъ, наоборотъ, вваливъ на жену и дѣтей все бремя своего скотоводческаго хозяйства до сѣдланія и разсѣдыванія своей лошади включительно, ѣлъ, пилъ, грѣлся на солнцѣ, пѣлъ или

слушалъ пѣсни, въ особенности же пѣсни о народныхъ герояхъ, ѣздилъ въ гости и время отъ времени занимался дѣлами своего рода, участвуя въ судбищахъ, производя кровавую месть, дѣлая набѣги на сартовъ и принимая участіе въ *барантъ**), которая въ послѣднее время была, уже не столько профессиональнымъ грабежомъ, сколько издревле облюбованнымъ средствомъ проявить свою удачу, размыкать накопившуюся отъ бездѣлья потенциальную энергію души и тѣла.

Во время частыхъ прежде междоусобій, а равно и во время набѣговъ киргизъ, сартъ, если только онъ не принадлежалъ къ числу сипа военныхъ, по большей части прятался въ джугарѣ или въ садахъ, при чемъ на киргизъ смотрѣлъ какъ на безбожниковъ и отчаянныхъ головорѣзовъ, съ которыми никому не справиться, ибо они не разъ разбивали даже и ханскія войска, не смотря на имѣвшіяся у нихъ пушки. За то каждый разъ, когда нужда заставляла киргиза мирнымъ образомъ прѣхать на базаръ въ городъ или въ сартовское селеніе, онъ считалъ себя потеряннымъ человѣкомъ, ибо ему доставалось рѣшительно отъ всѣхъ: сартовскія собаки лаяли на его лохматый *тумакъ* (малахай); сартята въ припрыжку бѣжали за нимъ по улицамъ, распѣвая непріятные для него куплеты, а лавочники—сарты нагло обмѣривали, обвѣшивали и обсчитывали его на базарѣ, зачастую глумясь при томъ и надъ его дѣтски растеряннымъ видомъ, и надъ его неотесанностью, и надъ его совершеннымъ незнаніемъ мусульманскихъ правилъ общежитія, и надъ его грубымъ, аляповатымъ выговоромъ.

За все это киргизъ искренно ненавидѣлъ и презиралъ сарта, считая его трусомъ, мошенникомъ и выжигай, съ которымъ нельзя имѣть ника-

*) Угонъ скота враждебныхъ родовъ.

кого дѣла, но отъ котораго никуда не уйдешь, разъ только является необходимость въ какихъ-либо вещахъ, которыхъ не могутъ смастерить аульные бабы.

Такимъ образомъ, туземное населеніе страны не только не было вполне однороднымъ въ этнографическомъ и въ бытовомъ отношеніяхъ, но, наоборотъ, дѣлилась даже на фракціи или группы, изъ которыхъ двѣ главнѣйшія, сарты и киргизы, издавна находились въ отношеніяхъ племенного антагонизма.

Государственный строй.

На степень народнаго развитія, а равно и на формы общественной жизни въ Средней Азіи, какъ вездѣ и всегда, не малое вліяніе оказывалъ, конечно, тогдашній государственный строй, тогдашнія формы государственной жизни, о чемъ тоже необходимо упомянуть хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ этой сферѣ, какъ и въ большей части остальныхъ, теоретическіе тезисы ортодоксальнаго ислама очень далеки отъ практики.

Съ ортодоксальной мусульманской точки зрѣнія мусульманское теократическое государство есть община вѣрующихъ, гражданскій представитель которой, *султáнъ* (властитель, правитель) есть не болѣе, какъ *шахивильдѣръ*, довѣренный, приказчикъ божій*), который обязанъ пещись, на почвѣ строгаго исполненія требованій шаріата, о гражданскихъ и религіозныхъ дѣлахъ довѣренной ему Богомъ общины, получая за это, наравнѣ съ *амилями*, сборщиками ритуальнаго налога, *заката*, и други-

*) Этимъ именемъ, между прочимъ, называетъ себя Тимуръ (Тамерланъ) въ своемъ, общезвѣстномъ среди ориенталистовъ, сочиненіи „*Тузукъ-и-тимури*“.

ми слугами общины, очень скромное денежное вознаграждение, около 40 коп. въ день на наши деньги.

На практикѣ, благодаря постепенно установившейся возможности самыхъ разнорѣчивыхъ толкованій мусульманскаго регламента и малой совѣстливости если не большинства, то во всякомъ случаѣ многихъ мусульманскихъ законовѣдовъ пропала (и настоящаго) времени, охотно дававшихъ (и дающихъ) толкованія и разъясненія, нужныя для того или другого лица, правители мусульманскихъ государствъ, еще во времена Багдадскаго халифата лишившіеся или вѣрнѣе, упустившіе изъ своихъ рукъ власть законодательную и судебную, сдѣлавшуюся достояніемъ книжниковъ, законовѣдовъ, признанныхъ обществомъ компетентными, и судей—казіевъ, сугубо вознаградили себя въ другихъ отношеніяхъ: широко игнорируя основныя положенія ислама о государственномъ устройствѣ и о *закатѣ*, они превратили мусульманскую общину въ *райятъ*, нѣ стадо послушныхъ и безотвѣтныхъ рабовъ; *закатъ**), который долженъ расходоваться на помощь бѣднымъ, сиротамъ и калѣкамъ, на веденіе войны съ невѣрными и вообще на удовлетвореніе общественныхъ и государственныхъ нуждъ общины, *закатъ*, который по существу не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ главнѣйшимъ ресурсомъ государственной казны мусульманской общины, въ рукахъ позднѣйшихъ мусульманскихъ правителей превратился въ ихъ личный доходъ, которымъ они распоряжались произвольно, безконтрольно и безусловно незаконно, недобросовѣстно; войска и даже народныя ополченія, на обязанности которыхъ лежали война съ невѣрными, распространеніе ис-

*) Этотъ терминъ мы разумѣемъ въ основномъ его значеніи всѣхъ вообще видовъ ритуальнаго мусульманскаго налога, т. е., и *ушри* (десятины), подраздѣливагося впоследствии на *ушръ* и *жераджъ*.

лама силой оружія и охрана общины отъ вѣншихъ враговъ, въ ихъ рукахъ постепенно превратились въ опричниковъ, давившихъ народъ и служившихъ лишь личнымъ или династическимъ цѣлямъ этихъ правителей.

Это послѣднее являло собой такое противорѣчіе основнымъ положеніямъ ислама, что позднѣйшіе мусульманскіе законовѣды, въ особенности средне-азиатскіе, въ своихъ трактатахъ стали называть военныхъ *„служителями тирановъ“*.

Многовѣковая практика столь широкаго игнорированія основныхъ тезисовъ мусульманскаго регламента постепенно привела къ совершенному искаженію первичныхъ формъ мусульманскаго государственнаго устройства, къ водворенію ничѣмъ почти не обуздывавшагося произвола правителей и ихъ сообщниковъ, власть имущихъ лицъ.

Въ Бухарѣ, на примѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ существованія этого ханства, былъ только одинъ *Эмиръ* (Ша-Мурадъ), стоявшій на почвѣ и буквѣ закона. Онъ получалъ изъ казны только то, что ему полагалось по шаріату, т. е., около 40 к. въ день на наши деньги. То, чего ему не хватало для скромнаго содержанія себя и своей семьи, онъ зарабатывалъ личнымъ трудомъ. Однажды, когда его денежныя дѣла оказались въ исключительно плохомъ состояніи, онъ велѣлъ заложить или продать свою единственную шубу; но она оказалась такой ветхой и вытертой, что на базарѣ за нее дали только 35 коп.

Какъ ни рѣдки были примѣры этого рода, но они были всетаки. Эти примѣры вмѣстѣ съ головами *улѣмъ*, не пресмыкавшихся передъ правителями, державшихся ортодоксальныхъ принциповъ и всегда являвшихъ собой оппозицію незаконно

водворившимся порядкамъ, напоминали народу о томъ, что гласить чистый, не погранный стяжателями и властолюбцами мусульманскій законъ.

Народъ всегда зналъ это и помнилъ, а потому не могъ ни любить, ни уважать своихъ правителей.

Не большими симпатіями со стороны народа пользовались и ближайшіе сотрудники средне-азиатскихъ хановъ и Эмировъ, тоже широко практиковавшіе всѣ виды самаго необузданнаго произвола, чему немало, конечно, способствовали какъ личный примѣръ и наклонности правителей, такъ равно и формы тогдашняго государственнаго устройства, ставившія дѣятельность большей части правительственныхъ агентовъ въ положеніе полной почти безконтрольности и безотвѣтственности.

Ханство подраздѣлялось на *вилаеты* или бекства, отдававшіеся, подобно нашимъ до-петровскимъ воеводствамъ, на *кормленіе* правителямъ, бекамъ или хакимамъ.

Будучи почти неограниченнымъ владыкой довѣреннаго ему *вилаета*, маленькимъ ханомъ или Эмиромъ ввѣренныхъ ему территорій и населенія, собирая на *quasi*—законныхъ основаніяхъ законные и незаконные налоги, озабочиваясь о спокойствіи въ *вилаетѣ* лишь въ смыслѣ непрекословнаго подчиненія населенія всѣмъ законнымъ и незаконнымъ, разумнымъ и неразумнымъ требованіямъ преобладающей власти, и будучи обязаннымъ по первому требованію хана или Эмира явиться на указанный пунктъ „конно, людно и оружно“, *бекъ* или *хакимъ*, былъ обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ указанные сроки являться къ своему повелителю съ *тартукомъ*, подаркомъ, состоявшимъ изъ денегъ, лошадей, дрессированныхъ соколовъ, ковровъ, халатовъ, разнаго рода тканей и тому подобныхъ предметовъ, а иногда и продуктовъ сельскаго хозяйства: зерна, муки, масла и пр.

Главнѣйшей гарантіей благополучнаго дальнѣйшаго управленія вилаетомъ была степень довольства хана представлявшимися *тартуками*.

Наиболѣе обычнымъ поводомъ къ смѣщенію съ должности бека (или хакима) былъ доносъ одного изъ недруговъ бека или одного изъ приспѣшниковъ хана о томъ, что часть того, что должно бы быть доставлено хану, утаено. Иныхъ способовъ контроля и отчетности почти не практиковалось. *Дафтары*, податныя записи, хотя и представлялись хакимами, но обыкновенно никѣмъ не провѣрялись и даже не просматривались.

Такимъ образомъ, для того, чтобы усидѣть на мѣстѣ, хакимъ долженъ былъ возможно больше *давать* хану; но чтобы сдѣлать это не только не въ убытокъ себѣ, но и при условіи возможно большаго и скорѣйшаго личнаго обогащенія, приходилось изыскивать способы возможно больше *взять* съ народа въ увѣренности, что сколь незаконными ни были бы эти поборы, они останутся безнаказанными до тѣхъ поръ, пока ханъ будетъ удовлетворяться вручаемыми ему *тартуками*.

Въ совершенно такихъ же отношеніяхъ къ беку (или хакиму) находились подвѣдомственные ему *алимы* и *аксакалы*, завѣдывавшіе относительно не большими районами и бывшіе посредниками между бекомъ и населеніемъ всего вообще вилаета, посредниками, конечно, не забывавшими себя и имѣвшими очень липкія руки, къ которымъ, какъ и къ бековскимъ, прилипало очень многое на длинномъ пути между сельскою хижиною и ханскою *урдой*.

Народъ былъ стадомъ, которое пасли, т. е., нещадно били и непрестанно стригли. Сарты, въ особенности городскіе, давно утративъ всякіе слѣды воинственности, сознавая свое безсиліе, по боль-

шей части молча покорялись этой тираніи, отводя душу лишь келейными пересудами творившихся бевобразій.

Киргизы, болѣе свободолюбивые, болѣе воинственные и энергичные, время отъ времени давали отпоръ, иногда наводя страхъ даже на ханскія войска, не смотря на то, что послѣднія обыкновенно бывали вооружены лучше киргизъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ рѣдко находилъ правду и въ судѣ, который у мусульманъ не коллегіальный, а единоличный, въ лицѣ *казія*, назначавшагося ханомъ (или хакимомъ), а потому въ случаѣ желанія удержаться на этой должности, иногда бывавшей очень доходной, находившагося въ непосредственной зависимости отъ того, кѣмъ онъ былъ назначенъ.

На судѣ *казія* въ громадномъ большинствѣ случаевъ правымъ оказывался тотъ, кто или имѣлъ сильныхъ покровителей, или могъ дать достаточную взятку.

Двоедушіе, продажность, а иногда и тупоуміе *казія* давно уже сдѣлались мишенью общественнаго сарказма; нѣтъ другой такой общественной дѣятельности, которая была бы осмѣяна и опозорена восточной литературой въ такой мѣрѣ, какъ дѣятельность мусульманскаго судьи.

Были, конечно, и исключенія; и среди *казіевъ* были люди правды, законности и нелюбостыжанія; но, во первыхъ, ихъ было сравнительно мало; а, во вторыхъ, значительный процентъ этихъ праведниковъ въ свое время погибъ отъ ножа или яда убійцъ, подсылавшихся ханами, хакимами или бекками, которымъ мѣшали, становились на пути эти хранители и поборники ортодоксальной чистоты мусульманскаго закона.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка

вещей была, въ особенности въ отношеніи осѣдлаго населенія, совершенная необезпеченность личности и ея гражданскихъ правъ и прежде всего правъ имущественныхъ; а это, въ свою очередь, клало на психической фیزیоміи народа отпечатокъ забитости, приниженности, низкопоклонства, продажности и двоедушія, всего того, что вездѣ и всегда являлось неизбѣжнымъ результатомъ растлѣвающаго вліянія продолжительной тираніи деспотическаго правительства.

Общая сумма столь неблагоприятныхъ для народной жизни условій въ значительной мѣрѣ усугублялось частовременностью династическихъ и иныхъ междоусобій, а равно и внѣшнихъ войнъ, бывшихъ особенно тяжелыми для осѣдлаго населенія.

Послѣ окончательнаго присоединенія Ташкента къ Кокандскому ханству, (при Алимъ-ханѣ, убитомъ въ 1816 году по приказанію его брата, Омара, воцарившагося по смерти Алима, подъ именемъ Омаръ-хана), Кокандскіе ханы вели войны главнымъ образомъ съ Бухарой, при чемъ яблокомъ раздора обыкновенно служили Ходжентъ и Ура-Тюбе, переходившіе то Бухарѣ, то Коканду, а въ поводахъ къ веденію войны никогда недостатка не было. Эти почти непрерывныя войны были весьма тягостны и разорительны для всего вообще населенія обоихъ ханствъ, такъ какъ вызывали совершенно непроизводительныя матеріальныя траты и человѣческія жертвы.

Особенно же тяжкими эти войны являлись для населенія тѣхъ районовъ, которые дѣлались театрами военныхъ дѣйствій, такъ какъ послѣднія всегда почти сопровождались разграбленіемъ и избиеніемъ ближайшаго мирнаго населенія. Такъ, напримѣръ, въ 1842 году, во время похода бухарскаго Эмира Наср-уллы на Кокандъ, около селенія Патаръ,

(неподалеку отъ теперешней желѣзно-дорожной станціи Мельниково), по приказанію Эмира было зарѣзано 400 человѣкъ плѣнныхъ, мирныхъ жителей, захваченныхъ бухарскимъ авангардомъ. Окружному населенію былъ отданъ приказъ, запрещавшій хоронить эти трупы, которые своимъ видомъ должны были свидѣтельствовать о могуществѣ Эмира. Долгое время вороны, вѣчно голодныя сартовскія собаки и волки питались этимъ гніющимъ человѣческимъ мясомъ. Лишь послѣ изгнанія бухарцевъ изъ Ферганы, кости были собраны и погребены, а надъ этой братской могилой былъ сооруженъ *мазаръ*. Впослѣдствіи около послѣдняго образовалось небольшое поселеніе, и по нынѣ существующее подъ именемъ *Шахидъ-мазара*, что значить — могила мучениковъ. Нерѣдко побѣдитель сооружалъ такъ называемую *Калля-минару*, пирамиду изъ головъ.

Эти войны были настолько разорительны для народа и бессмысленны, что Алимъ-ханъ, не взирая на совершившіяся за его время значительныя территоріальныя приобрѣтенія, въ видѣ Ташкента, Ходжента и Ура-Тюбе, палъ жертвой заговора потому только, что народъ, изнуренный нескончаемыми войнами этого хана, ничего не хотѣлъ такъ, какъ мира и возможности безпрепятственно заниматься своими обыденными житейскими дѣлами.

Однако же двадцать шесть лѣтъ спустя, когда племянникъ Алимъ-хана, Мадали ханъ, пьяница и развратникъ, пролившій массу неповинной крови, грабившій народъ и въ концѣ концовъ грубо нарушившій постановленія шаріата, женился на своей мачихѣ, сталъ нестерпимымъ болѣе для народа, послѣдній не задумался обратиться за помощью къ лютому бухарскому Эмиру Наср-уллѣ; когда же

бухарскія войска пошли на штурмъ Коканда, кокандская чернь бросилась грабить свой городъ.

Послѣ Мадали судьба послала Коканду добродушнаго и прямодушнаго Ширъ-Али хана. Но народъ, развращенный предшествовавшими правителями, привыкшій уже видѣть въ нихъ грабителей и палачей, привыкшій думать, что власть хана можетъ держаться только страхомъ производимыхъ имъ казней, привыкшій видѣть въ этихъ *quasi* — легальныхъ убійствахъ явленіе почти обыкновенное, — этотъ народъ уже лишился способности понимать что такое гуманность; онъ уже называлъ ее *слабостью* и сталъ издѣваться надъ *слабымъ* ханомъ.

Подводя итогъ сказанному выше о томъ государственномъ строѣ, который мы застали въ Средней Азій, приходится признать, что этотъ строй, отнюдь не удовлетворяя дѣйствительнымъ потребностямъ правильнаго развитія всей вообще народной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ не отвѣчалъ и главнѣйшимъ стремленіямъ наиболѣе культурной части населенія, сартовъ, ибо прежде всего лишалъ ихъ возможности исполнѣ спокойно отдаться излюбленнымъ занятіямъ: земледѣлію, промышленности и торговлѣ.

Общественная жизнь.

Говоря объ общественной жизни туземнаго населенія трактуемой эпохи, по необходимости приходится имѣть въ виду одну только наиболѣе культурную его часть, сартовъ, такъ какъ у киргизъ того времени, вслѣдствіе очень невысокаго уровня развитія, а равно и раздробленности на роды и клѣны, зачастую враждовавшіе между собой, нѣкоторые проблески только что нарождавшейся гражданственности, съ нашей точки зрѣнія, проявлялись лишь въ большемъ или меньшемъ интересѣ къ дѣ-

ламъ своего рода или колѣна и то лишь постольку, поскольку дѣла этой категоріи могли клониться къ выгодѣ или невыгодѣ того или другого частнаго лица или группы такихъ лицъ.

Что же касается сартовъ, то у нихъ ко времени нашего прихода въ Среднюю Азію общественная жизнь была уже развита въ значительной степени, а главнѣйшей особенностью ихъ общественнаго быта являлось отсутствіе потомственныхъ кастъ или сословій, при чемъ общественное положеніе лица опредѣлялось или его служебнымъ положеніемъ, или степенью его зажиточности, или степенью учености, или родомъ его профессиональнаго занятія.

Среди туземцевъ имѣлись и имѣются *сеиды* и *ходжи*, считающіе себя потомками пророка или первыхъ четырехъ халифовъ; но на аренѣ общественной жизни каждый *сеидъ* или *ходжа* занималъ то или другое положеніе въ зависимости не отъ своего происхожденія, а отъ своего служебнаго ранга, или отъ степени богатства, или учености.

Съ исто-мусульманской точки зрѣнія ничто не возвышаетъ человѣка такъ, какъ его ученость, обиліе и солидность его научныхъ познаній, подъ именемъ которыхъ разумѣлось однако же главнымъ образомъ знаніе мусульманскаго регламента, шаріата, являющаго собой обширный сводъ комментаріевъ къ корану.

Въ весьма обширномъ отдѣлѣ мусульманской духовно-нравственной литературы имѣется масса изрѣченій и разсужденій, выясняющихъ вопросъ о томъ, какъ долженъ истинный мусульманинъ относиться къ наукѣ и къ ученымъ. Такъ напримѣръ, въ *Дурр-уль-аджаибъ*, одной изъ книгъ упомянутого отдѣла восточной литературы, имѣются нижеслѣдующія указанія.

„Поддержкой государственнаго порядка служатъ: *знанія ученыхъ*, правосудіе султана, щедрость богатыхъ и молитвы бѣдняковъ“. „Слѣдуетъ уважать тѣхъ, кого Богъ просвѣтилъ свѣтомъ *знанія*; они украшеніе земли такъ же, какъ звѣзды украшеніе неба“.

„Быть въ обществѣ *ученаго* безребренника все равно, что быть въ обществѣ одного изъ пророковъ, что, въ свою очередь, равносильно прощенію грѣховъ въ день страшнаго суда“.

„Сонъ *ученаго* лучше, чѣмъ намазъ (молитва) неуча“.

Такимъ образомъ въ теоріи исламъ отводитъ наукѣ и ея представителямъ очень высокое, видное мѣсто.

Однако же на практикѣ постановленія, касающіяся отношеній къ наукѣ и ея представителямъ, исполнялись и исполняются лишь по наружности. На словахъ всѣми признавалось и признается регламентируемое шаріатомъ значеніе науки и учености; на дѣлѣ же наука цѣнилась и цѣнится тогда только, когда изъ нея можно извлечь какую либо матеріальную пользу, матеріальный доходъ.

То почтеніе, которое, согласно шаріату, должно оказываться знанію, въ большинствѣ случаевъ, минуя послѣднее, оказывалось и оказывается служебному положенію и туго набитому кошельку.

Наружное почтеніе, оказывавшееся завѣдомо ученому человѣку, всегда усугублялось съ того момента, когда онъ назначался на должность казія.

Выше мы замѣтили уже, что у сартовъ рѣзко разграниченныхъ потомственныхъ кастъ или сословій не было: сынъ обѣднѣвшаго купца зачастую дѣлался чернорабочимъ; сынъ чернорабочаго, окончивъ курсъ *мадраса*, впоследствии попадалъ иногда на должность казія; внукъ бывшаго *хакима* (губер-

натора) служилъ конюхомъ; сынъ кузнеца попадалъ при счастья въ *хакимы*.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, во первыхъ, что въ пріемныя высокопоставленныхъ лицъ, богачей и ученыхъ, по установившемуся обычаю имѣли доступъ лица самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, не выдворявшіеся отсюда ни во время трапезъ, ни во время бесѣдъ, не имѣвшихъ особо секретнаго характера; во вторыхъ, что у туземцевъ того времени, вслѣдствіе относительной патріархальности, не было, подобно тому, какъ у насъ, чрезмѣрной отчужденности прислуги, которая зачастую ѣла и бесѣдовала съ хозяевами въ качествѣ почти равноправныхъ лицъ; въ третьихъ, что ежегодно зимой мужчины самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, образовавъ артели, собирались по вечерамъ на посидѣлки, гдѣ пѣлись пѣсни, рассказывались новости, плясали *батчи* и читались вслухъ *произведенія различныхъ авторовъ*, и, наконецъ, въ четвертыхъ, что всѣ сколько нибудь интересныя новости, не смотря на отсутствіе почты и телеграфа, передавались съ изумительной быстротой на сотни верстъ.

Таковы причины, по которымъ все сартовское населеніе, не принадлежавшее къ разряду ученыхъ—книжниковъ, отличалось большой однородностью степени своего развитія, а потому и большой степенью взаимопониманія.

Опытный глазъ легко различалъ въ толпѣ чернорабочаго, кузнеца, ткача, лавочника и крупнаго торговца по ихъ внѣшности, по манерамъ, быть можетъ даже и по говору; въ этомъ отношеніи всѣ они имѣли характерныя профессиональныя особенности; но міровоззрѣніе всѣхъ ихъ было совершенно одинаковымъ, ибо съ дѣтства всѣ они прошли черезъ горнило одной и той-же житейской

духовно-правственной школы, о которой все необходимое будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ очерка.

Въ мусульманствѣ на всемъ лежитъ характерная печать ислама, старающагося все регламентировать, на все установить свой взглядъ, исключительно мусульманскій. Такой взглядъ исламъ пытается установить и на разнаго рода профессиональныя занятія, превознося одни, какъ науку, одобряя другія, какъ земледѣліе, мастерства и торговлю, неодобряя третьи, какъ занятія мясниковъ и акушеровъ, и, наконецъ, возбраняя четвертыя, какъ приготовленіе вина и всѣхъ вообще опьяняющихъ напитковъ, торговлю предметами, немогущими принести пользы человѣку, и т. п. На почвѣ сочетанія этихъ ортодоксально мусульманскихъ постановленій съ практической неумолимой жизни установились дѣйствительныя отношенія сарта къ разнаго рода извѣстнымъ ему профессиональнымъ занятіямъ, изъ которыхъ ни одного онъ не любилъ такъ, какъ земледѣліе, и ни за однимъ онъ не гнался такъ, какъ за торговлей.

Къ первому тяготѣла его душа. Ко второму его влекли меркантильныя соображенія, которыми жило все окружавшее его общество, давно уже признавшее, что для того, чтобы быть *хорошимъ*, чтобы имѣть возможность безпрепятственно выполнять хотя бы главнѣйшія требованія божественнаго закона, именуемаго шаріатомъ, чтобы имѣть возможность *угодить* Богу и людямъ и тѣмъ самымъ приобрести неотъемлемое право на вѣчное блаженство въ загробной жизни, необходимо быть богатымъ или по крайней мѣрѣ состоятельнымъ.

Достаточно упомянуть о томъ, что шаріатъ совѣтуетъ, напримѣръ, рѣзать жертвеннаго барана во время праздника „*курбанъ*“ (вспоминаніе о жер-

твояприношеніи Авраама) *только состоятельными* людьми, ибо иначе бѣдняки, которымъ такая жертва не по средствамъ, могутъ наносить ущербъ бюджету своихъ семей. вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзать жертвеннаго барана желательно и даже необходимо, ибо въ день страшнаго суда онъ провезетъ на себѣ жертвоприносителя черезъ тотъ ужасный мостъ *сыратъ*, который виситъ надъ адомъ, острѣ, какъ мечъ, и тонокъ, какъ волосъ; праведники пронесутся по нему съ быстротой молніи въ рай, а грѣшники низвергнутся въ геену огненную.

Мудрено ли послѣ этого, что исламъ, весь пропитанный такой мелочной меркантильностью, почти поголовно заразилъ ей и своихъ послѣдователей.

Кромѣ того, весьма важнымъ нравственнымъ оправданіемъ чуть не поголовнаго влеченія къ торговымъ операціямъ, какъ къ средству добиться матеріальной возможности быть *хорошимъ*, служило также и то обстоятельство, что это занятіе не было чуждо и самому пророку, одно время ведшему торговлю дѣла Хадиджи, сдѣлавшейся въ послѣдствіи его женой.

Однако же ни большая склонность къ торговлѣ, ни большое число лицъ, занимавшихся ей, не слѣдали въ то время сартовъ средне-азиатскими финансистами, ибо, во первыхъ, сартъ того времени былъ чрезвычайно мало подвиженъ, а потому старался торговать поблизости отъ своего мѣста жительства, по возможности въ своемъ же городѣ; во вторыхъ, вслѣдствіе непрестанныхъ между собой и внѣшнихъ войнъ, а равно и враждебныхъ соотношеній съ кочевниками, внѣшняя торговля робкамъ сартамъ того времени представлялась мало заманчивой. Лишь немногіе изъ нихъ лично вели торговые сношенія съ киргизами, съ Кашгаромъ и съ

Россіей. На этомъ поприщѣ, какъ уже было отмѣчено выше, съ ними широко конкурировали татары; въ рукахъ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивалась внѣшняя торговля съ Россіей, съ Кашгаромъ и съ киргизской степью, въ которой они, въ торговомъ отношеніи, были почти полными хозяевами.

Неподвижность сарта, являвшаяся слѣдствіемъ какъ его темперамента, такъ и тогдашней совершенной необезпеченности личности, была такъ велика, что, не говоря уже о женщинахъ, масса мужчинъ рождались, жили и умирали въ своихъ городахъ или селеніяхъ, не видѣвъ ничего, кромѣ ближайшихъ окрестностей своего мѣста жительства.

И это совершенно понятно, ибо для частнаго лица поѣздка, напримѣръ, изъ Намангана въ Андижанъ (около 75 верстъ) была тогда зачастую довольно рискованнымъ предпріятіемъ, а поѣздка изъ Коканда въ Ташкентъ (около 300 верстъ) представлялась большимъ, труднымъ и безусловно небезопаснымъ путешествіемъ, ибо въ каждомъ населенномъ пунктѣ можно было натерпѣться всякихъ непріятностей отъ разныхъ ханскихъ чиновниковъ, привыкшихъ къ вымогательствамъ; ни на одной переправѣ нельзя было проѣхать безостановочно, не ублаживъ главнаго заправилу и состоящую при немъ челядь, а въ любомъ пустынномъ мѣстѣ легко могли ограбить и даже зарѣзать разбойники.

Въ концѣ концовъ эта малая подвижность населенія, въ особенности въ городахъ и большихъ селеніяхъ Ферганы, доходила до того, что должникъ, сбѣгавшій изъ города и завѣдомо скрывавшійся въ ближайшемъ селеніи, иногда всего въ 5—6 верстахъ, считался уже неуловимымъ.

Не взирая на то, что релагія действительно

требуетъ отъ каждаго мусульманина совершенія имъ хоть разъ въ жизни *хаджа*, поклоненія меккскимъ святынямъ, *хаджи*, лицо, совершившее этотъ *хаджъ*, было большою рѣдкостью, ибо въ то время попасть изъ Ташкента, Кокавда или Самаркандъ въ Мекку, совершивъ длинное, трудное и опасное путешествіе черезъ Турцію или черезъ Индію, было болѣе чѣмъ затруднительно во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и неизбѣжности очень большихъ денежныхъ расходовъ.

Однимъ изъ прямыхъ послѣдствій малой подвижности населенія была, между прочимъ, чрезвычайная скудость географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Кромѣ сартовъ, киргизъ, татаръ и евреевъ, туземецъ хорошо зналъ только индусовъ, которые наѣзжали сюда частью въ качествѣ торговцевъ, а главнымъ образомъ въ качествѣ ростовщиковъ. Многимъ приходилось видѣть китайцевъ, дунганъ и калмыковъ, очень немногіе имѣли представленіе о туркменахъ, персахъ, туркахъ и арабахъ. Всѣ лишь по наслышкѣ знали о существованіи *урусовъ* (русскихъ) и *фаранговъ*, подъ именемъ которыхъ смутно представляли себѣ всѣхъ вообще западно-европейцевъ, не дѣлая еще различія между *фарангами* и *инглисами*, при чемъ изъ всей этой аморфной массы не менѣе смутно и безформенно выдѣлялся *румъ*, ассимилировавшій въ себѣ представленія о Византии, о Греціи, о Римѣ и о современной Турціи. Столь же смутныя представленія имѣлись о Персіи, Малой Азіи, Абиссиніи и Египтѣ. Большинство подъ именемъ *хабашъ* разумѣло и абиссинцевъ и негровъ; подъ *Мисромъ* разумѣли и Каиръ и весь вообще Египетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этого пробѣла не могла возмѣстить и тогдашняя мѣстная *гражданская* наука, такъ какъ положеніе ея было по истинѣ печаль-

нымъ. При багдадскихъ халифахъ мусульманскіе ученые, вслѣдствіе установившихся тогда постоянныхъ сношеній съ Индіей и съ Византіей, съ одинаковымъ усердіемъ и интересомъ изучали и двигали впередъ какъ богословскую и юридическую науку (*шаріатъ*), такъ равно и многіе отдѣлы науки общей или гражданской, къ числу которыхъ слѣдуетъ прежде всего отнести математику, астрономію, географію, медицину и философію.

Впослѣдствіи, по мѣрѣ перемѣщенія центра умственной жизни мусульманства все далѣе и далѣе на востокъ, сначала въ Персію, а затѣмъ и въ Среднюю Азію, въ Бухару и Самаркандъ, доминирующее значеніе получилъ исключительно *шаріатъ*, а гражданская наука постепенно превратилась въ жалкое искаженіе на особый, мусульманскій ладъ обрывковъ, клочковъ того, надъ чѣмъ столь усердно трудились когда-то багдадскіе мусульманскіе ученые.

Достаточно сказать, что здѣсь, въ Средней Азіи, совершенно замерли прежнія знанія астрономіи и даже математики. Ко времени нашего прихода сюда ученѣйшіе изъ мѣстныхъ ученыхъ уже не знали не только алгебры и геометріи, но даже и теоріи дробей; они знали только четыре дѣйствія съ простыми числами.

Въ сочиненіяхъ по географіи, трактующихъ землю, какъ плоскость, окруженную горами и подраздѣляющуюся на семь климатическихъ полосъ, говорится объ островахъ, населенныхъ людьми съ собачьими головами, о деревьяхъ, на которыхъ вмѣсто плодовъ вырастаютъ живые скорпіоны, и о другихъ подобныхъ же небылицахъ.

Въ совершенно такомъ же положеніи находились (и находятся) и другія отрасли научнаго знанія, за исключеніемъ исторіи, арабскаго языка и

шариата. (Говоря о наукѣ и научной литературѣ, мы умалчиваемъ пока о литературѣ общей, въ особенности персидской, о которой будетъ упомянуто ниже).

Не смотря на столь печальное положеніе науки съ нашей точки зрѣнія, мѣстная мусульманская школа, существующая на средства, разновременно пожертвованныя и жертвуемая частными благотворителями (и приходскими обществами),—сильная своей численностью *), не только процвѣтала, но еще имѣла и громадное народно-воспитательное значеніе

(Подробное изслѣдованіе образовательной и воспитательной роли туземной школы см. въ нашей статьѣ „Что даетъ средне-азиатская мусульманская школа въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніяхъ“, помѣщенной въ „Туркестанскомъ Литературномъ Сборникѣ въ пользу прокаженныхъ“ 1900 г.).

Представителями мѣстной мусульманской школы являются: *мактабъ* и *мадраса*.

Мактабъ—приходская школа, въ которой дѣти обучаются грамотѣ, получая вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальныя представленія о главнѣйшихъ религіозныхъ обязанностяхъ мусульманина, каковы ежедневная пятикратная молитва (*намазъ*) съ предшествующимъ ей омовеніемъ и постъ, а также и основныя представленія о Богѣ, о существѣ ислама, объ ангелахъ, о загробной жизни и т. п.

Въ *мадраса*, высшей мусульманской школѣ, учащіеся, *муллы*, изучаютъ арабскій языкъ, священный въ глазахъ мусульманъ, такъ какъ на

*) Въ трехъ областяхъ въ 1900 году числилось:

1) <i>Мактабовъ</i> , приходскихъ школъ	5,418
въ нихъ учащихся	57,159
2) <i>Мадраса</i> , высшихъ школъ	313
въ нихъ учащихся	7,502

немъ написаны коранъ и книги шариата, и шариатъ, включающій въ себѣ религіозное (каноническое) право, постановленія, касающіяся разнаго рода юридическихъ дѣйствій, личное и семейное право, уголовное право и государственное. Кроме того, въ *мадраса* изучаются также логика, догматика и діалектика.

До поступленія въ *мадраса*, что происходитъ обыкновенно не ранѣе 15-ти лѣтняго возраста, туземный мальчикъ въ религіозномъ отношеніи остается полу-ребенкомъ, въ большинствѣ случаевъ очень индифферентно относящимся къ исламу, ибо семья и начальная школа даютъ лишь очень слабую подготовку для будущаго постепеннаго превращенія его въ истого мусульманина.

Онъ знаетъ, что съ 10—12-ти лѣтняго возраста онъ долженъ наравнѣ со взрослыми ежедневно совершать пятикратныя моленія, не ѣсть и не пить съ утра до вечера во время поста, *имѣть нампране* когда либо отправиться на поклоненіе въ Мекку; онъ знаетъ, что есть мусульмане и *кяфиры*, невѣрные; что есть предметы чистые и нечистые, поганые; что есть дѣйствія богоугодныя и запрещаемыя религіей. Въ его головѣ роится уже большое число такихъ отрывочныхъ, ничѣмъ еще не объединенныхъ понятій; но всѣ они мало интересуютъ его, скользятъ по эластичной, упругой поверхности его ума и души.

Въ значительно большей мѣрѣ онъ оказывается подготовленнымъ въ этомъ юномъ возрастѣ по части правилъ уставной мусульманской вѣжливости, что представляется болѣе важнымъ и полезнымъ и въ житейскомъ отношеніи и въ качествѣ подготовительной ступени для поступленія въ *мадраса*, гдѣ почтительное складываніе рукъ на живо-

тѣ, напусканіе на себя смиреннаго вида, опусканіе глазъ долу и дѣланная мягкость рѣчи зачастую доводятся до степени значительной приторности.

Такимъ образомъ, большинство юношей, поступающихъ въ мадраса, приходятъ сюда лишь съ очень слабыми слѣдами воздѣйствія на нихъ мусульманскаго книжничества; они приходятъ сюда, будучи еще въ значительной мѣрѣ цѣльными, непосредственными натурами, отзывчивыми, наблюдательными, далеко не лишенными природнаго веселаго юмора, всегда готовыми посмѣяться и пошутить, когда весело, пожалѣть тѣхъ, кого жалко.

Поступая же въ мадраса, туземный юноша попадалъ (и попадаетъ) въ среду людей, которые стараются, по крайней мѣрѣ по наружности, думать, говорить и дѣйствовать *по уставу*, заключающемуся въ шаріатѣ и въ дополняющей его духовно-нравственной литературѣ, силящихся установить точныя правила, согласно коимъ человѣкъ долженъ мыслить и дѣйствовать во всѣхъ, даже мельчайшихъ случаяхъ его повседневной жизни.

Въ этомъ храмѣ мусульманской учености туземный юноша, воспринимая основы мусульманскихъ вѣро и законоученія, воспринимая представленія о правовѣрїи и невѣрїи, о разрѣшенномъ и запрещенномъ, о нравственномъ и безнравственномъ, усваиваетъ также не только умѣнье, но и привычку къ напускной вѣжливости, къ искусственно плавной походкѣ, къ рѣчи цвѣтистой, вкрадчивой и льстивой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, готовясь къ роли книжника, онъ, часто незамѣтно для самаго себя, превращается также и въ фари́сея, чему въ значительной мѣрѣ способствуетъ изученіе шаріата, тщательно разбирающаго, между прочимъ, вопросы о томъ, какимъ образомъ, не дѣлая прямого нарушенія закона, можно обойти ту или

другую его статью, (что въ шаріатной терминологіи именуется словомъ *хилъ*).

Такова, конечно въ самыхъ общихъ чертахъ, та обстановка, среди которой туземный юноша постепенно превращался (и превращается) въ лице мѣрнаго фанатика, въ послѣдователя тѣхъ представителей ветхозавѣтнаго уклада, о которыхъ либеральнѣйшій и гуманнѣйшій изъ древнихъ евреевъ сказалъ: „горе вамъ, книжницы и фари́сеи, лицемерѣи, яко затворяете царствіе небесное предъ человеки: вы бо не входите ни входящихъ оставляете внити“

Сдѣлавшись таковымъ, книжникъ обыкновенно на всю жизнь оставался вѣрнымъ принципамъ, воспринятымъ имъ въ стѣнахъ его *alma mater*, а выходя на арену общественной и государственной жизни, онъ выступалъ во всеоружіи насадителя въ окружавшемъ его обществѣ доктринъ и принциповъ ислама, во всеоружіи яростнаго гонителя всего того, на чемъ не лежитъ печати все—регламентирующаго шаріата, силящагося накрѣпко заковать въ свои цѣпи умъ, душу и совѣсть правовѣрнаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бухарѣ, по постановленію казіевъ, былъ казненъ черезъ побіеніе камнями туземецъ, уличенный въ оскорбленіи словомъ мусульманской религіи. Въ самомъ же началѣ этой ужасной, возмутительной казни большинство присутствовавшихъ въ ужасѣ бѣжали въ разныя стороны; въ роли же самыхъ лютыхъ палачей оказались *мударрисы*, (преподаватели) и *муллы* (учащіеся) мѣстныхъ мадраса.

Однако же справедливость требуетъ сказать, что какъ ни велики были отрицательныя стороны дѣятельности книжниковъ, за ними были всетаки и большія общественныя заслуги: они воспитывали туземную толпу въ сознательномъ представленіи о

совершенной необходимости общественного порядка, законности и сознательной общественной дисциплины. Благодаря имъ взаимныя отношенія людей отличались сдержанностью и вѣжливостью, а многотысячная народная толпа, собиравшаяся въ городахъ во время праздниковъ, не оставляла желать ничего лучшаго въ отношеніи благочинія и благопристойности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ общественное мнѣніе по необходимости, дабы быть мнѣніемъ исто-мусульманскаго общества, должно было держать сторону книжниковъ, безпомощно мечась между суровостью принциповъ, насаждавшихся и поддерживавшихся представителями ортодоксальнаго направленія, и небольшой долей либерализма, проводившагося въ жизнь нѣкоторыми изъ *ишановъ*—суфистовъ, нерѣдко проявлявшими большую склонность критически относиться къ буквѣ закона, что въ немалой мѣрѣ, и не взирая на старанія ортодоксовъ, усугублялось широкимъ знакомствомъ значительной части общества съ той частью персидской литературы, которая проникнута идеями свободомыслія и даже атеизма.

Такъ напримѣръ, персидскій поэтъ *Шамс-и тавризи*, скептически и иронически относясь къ необходимости *хаджа*, поклоненія меккскимъ святынямъ, обращаясь къ отправившимся въ Мекку паломникамъ говорить: „О, вы, отправившіеся на поклоненіе въ Мекку! Гдѣ вы? (Куда это вы отправились)? Возлюбленная здѣсь! (т. е., Богъ здѣсь, какъ и вездѣ; зачѣмъ же его искать непременно въ Меккѣ). Вернитесь же! Вернитесь!“

Поэтъ *Бидль* говорить: „Пей вино; сжигай священныя книги; сожги Каабу (священная мечеть въ Меккѣ); живи въ капищѣ идоловъ; одного только не дѣлай,—не обижай человѣка“.

Вышеупомянутый *Шамс-и-тавризи* говорить: „Что ты хочешь отъ неба? Чего ты ищешь на землѣ? То (небо)—куполь, въ которомъ царитъ не правосудіе. Это (земля)—театръ маріонетокъ (не имѣющихъ вполнѣ свободной воли)“. Одинъ изъ средне-азиатскихъ поэтовъ пошелъ въ этомъ направленіи, съ мусульманской точки зрѣнія, еще дальше и, жалуясь Богу на несправедливости неба, иносказательно обвинилъ послѣднее въ томъ, что оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдало совершенно незаслуженное предпочтеніе Мухаммаду передъ Христомъ.

Слѣдуетъ однако же имѣть въ виду, что этотъ отдѣлъ либеральной и даже атеистической литературы являлъ и являетъ собой лишь маленькій и до нѣкоторой степени обособленный уголокъ того широкаго и разносторонняго воздѣйствія, которое вся вообще литература въ теченіе многихъ вѣковъ производила на умъ и на душу мѣстнаго общества. Говоря же о воздѣйствіи литературы на мѣстное общество, слѣдуетъ имѣть въ виду, что издавна духовнымъ достояніемъ послѣдняго были литературы: арабская, персидская и своя, мѣстная. Та часть арабской литературы, которой пользовались и пользуются наиболѣе ученые туземцы, основательно знакомые съ арабскимъ языкомъ, преимущественно состоитъ изъ трактатовъ богословскихъ и юридическихъ и изъ сочиненій по части исторіи, рѣже географіи, космографіи и медицины.

Обширная персидская литература, наполовину стихотворная, издавна знакомая всѣмъ туземцамъ, прошедшимъ хоть часть учебнаго курса мадраса, въ теченіе каковаго періода ими всегда приобрѣтается, между прочимъ, и весьма основательное

знаніе персидскаго языка, можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько отдѣловъ, главнѣйшіе изъ коихъ суть:

1) Сочиненія духовно-нравственнаго содержанія, устанавливающія (весьма часто въ стихахъ) принципиальные взгляды на общіе и частные вопросы нравственности, что по большей части аргументируется текстами корана и иллюстрируется житейскими примѣрами, сравненіями, уподобленіями и проч.

Въ сочиненіяхъ этого рода говорится о добросовѣстномъ отношеніи человѣка къ лежащимъ на немъ обязанностямъ; о благодарности Богу за все то, что онъ ниспосылаетъ; о терпѣніи; о покорности волѣ Божіей; о цѣломудріи; о борьбѣ со страстями; о смиреніи; о правдивости и правосудіи; о всепрощеніи; о состраданіи; о щедрости; о необходимости заботиться о меньшей братіи и т. п.

Къ этой категоріи отнесемъ и тѣ многочисленныя книги, въ которыхъ съ большими подробностями излагаются какъ правила вѣжливости и общежитія, такъ равно и всѣ тѣ правила, которыми человѣкъ долженъ руководиться въ различнѣйшихъ случаяхъ общественной и частной жизни.

2) Сочиненія мистическаго содержанія (суфизмъ).

3) Многочисленныя сочиненія по части исторіи мусульманскаго Востока, иногда въ перемежку съ географическими свѣдѣніями о подлежащихъ странахъ, и мемуары.

4) Философія жизни (по большей части въ стихахъ).

5) Многочисленные сборники повѣстей, разсказовъ и анекдотовъ

6) Поученія, изрѣченія и афоризмы.

Что же касается мѣстной, туземной, литера-

туры, то оно, по содержанію и по внѣшней формѣ, является собой подражаніе персидской. Вполнѣ оригинальныя произведенія весьма немногочисленны.

Въ этой обширной и по своему весьма разнообразной совокупности трехъ литературъ каждый туземецъ, незнакомый до нашего прихода въ Среднюю Азію съ внѣшней, немусульманской жизнью и привыкшій думать, что исламъ и мусульманская литература исчерпываютъ абсолютно все то, что можетъ быть вопросомъ для пытливаго человѣческаго ума, всегда находилъ (въ этой литературѣ) что нибудь такое, что по условіямъ того времени удовлетворяло его умственные и духовныя нужды тѣмъ болѣе, что его собственная литература продолжала обогащаться новыми произведеніями мѣстныхъ авторовъ, довольно быстро распространявшимися въ рукописномъ видѣ, при чемъ трудъ переписчиковъ по большей части выпадалъ на долю бѣднѣйшихъ учениковъ матраца, зарабатывавшихъ на этомъ отъ 20 до 40 коп. въ день.

Въ Кокандскомъ ханствѣ особенно сильный подъемъ литературной дѣятельности относится ко времени Омаръ-хана, царствовавшаго съ 1816 по 1821 годъ. Омаръ-ханъ, самъ весьма недурно писавшій стихами, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большимъ меценатомъ, широко поощрявшимъ литературную дѣятельность мѣстныхъ писателей.

Такимъ образомъ, отрѣшившись отъ нашихъ обыденныхъ, иногда нѣсколько узкихъ и не совсѣмъ правильныхъ взглядовъ на способъ оцѣнки чуждыхъ и несвойственныхъ намъ формъ общественной и иной жизни, мы должны будемъ признать, что ко времени завоеванія нами Туркестанскаго края туземное, сартовское общество стояло уже на относительно высокой ступени общественности и культуры; что у него были уже общественные

и иные идеалы, созданные общественнымъ умомъ на почвѣ сопоставленія фактовъ жизни съ ученіемъ ислама и съ философскими идеями, проводившимися главнымъ образомъ персидской литературой, издревле находившейся подъ сильнымъ вліяніемъ суфизма, нѣкогда бывшаго ученіемъ весьма либеральнаго направленія.

Не взирая на тяжесть гнета ханскаго правительства съ одной стороны и припертаго къ стѣнѣ книжниками общественнаго мнѣнія съ другой, туземное общество, въ теченія вѣковъ зачитывавшееся персидскими поэтами, издавна привыкло, во первыхъ, быть очень наблюдательнымъ, а, во вторыхъ, критически относиться ко всѣмъ выдающимся и интересовавшимъ его явленіямъ общественной и государственной жизни.

Сфера духовно-нравственной жизни.

Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что во всѣхъ вообще человѣческихъ обществахъ законъ (въ смыслѣ какъ его существа, такъ равно и степени строгости выполненія его требованій) всегда игралъ роль одного изъ важнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія народной массы.

Если же такая роль кодекса несомнѣнна въ отношеніи тѣхъ человѣческихъ обществъ, гдѣ гражданскій законъ, непрестанно видоизмѣняющійся подъ вліяніемъ столь же непрестанной эволюціи формъ общественной жизни, совершенно отдѣленъ отъ религіи и признается всѣми не болѣе, какъ продуктомъ юридическаго мышленія человѣческаго ума, то эта воспитательная роль закона, конечно, дѣлается неизмѣримо большей въ такихъ теократическихъ государствахъ, какъ мусульманское, гдѣ вѣро и законоученія, каноническія правила и юридическій кодексъ, слились въ одно почти неразрыв-

ное цѣлое, гдѣ преступленіе является грѣхомъ, а грѣхъ преступленіемъ, ибо каждое постановленіе, каждая статья такого закона признаются основанными непосредственно на божественномъ откровеніи, каковымъ въ глазахъ мусульманъ является коранъ.

Мусульманскія вѣро и законоученія изложены въ книгахъ *шаріата*, являющаго собой обширный, многотомный комментарий къ корану, при чемъ само названіе шаріата, въ переводѣ съ арабскаго, означаетъ—„путь“, т. е., прямой, вѣрнѣйшій путь къ спасенію. Малѣйшее отступленіе отъ этого пути дѣлаетъ уже мусульманина грѣшникомъ.

Наравнѣ съ чисто каноническими правилами, касающимися омовеній, молитвы, поста и паломничества въ Мекку, шаріатъ включаетъ въ себѣ законы о разнаго рода правахъ, о договорахъ, о торговлѣ, о довѣренностяхъ, объ орошеніи земли, о вакфѣ, о наслѣдствѣ, объ охотѣ, о бракѣ и разводѣ, объ опекаѣ, о рабствѣ, о кровавой мести, о прелюбодѣянніи, объ употребленіи вина, о кражѣ и разбоѣ, о вѣроотступничествѣ, о верховной власти, объ отправленіи правосудія и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во первыхъ, шаріатъ силится установить взглядъ на себя, какъ на ученіе абсолютно—универсальное, дающее отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые могутъ возникнуть въ умѣ мусульманина, и при томъ какъ на ученіе исполнѣ законченное и неподлежащее болѣе никакимъ измѣненіямъ или усовершенствованіямъ, во вторыхъ, шаріатъ, съ невѣроятной подробностью регламентируя массу различнѣйшихъ обрядностей, требуетъ непремѣннаго выполненія *всѣхъ* устанавливаемыхъ имъ мелочныхъ деталей. Такъ напримѣръ, несоблюденіе одного изъ правилъ, установленныхъ относительно времени и мѣста совершенія молитвы, одежды, въ которой она можетъ совершаться, порядка

произнесения молитвословий, совершения поясных и земных поклонов и т. п., сь шаріатной точки зрѣнія дѣлаетъ такую молитву недѣйствительной. И такъ во всемъ.

Стараясь столь мелочно регламентировать по возможности всѣ явленія человѣческой жизни, шаріатъ подчиняетъ себѣ эту жизнь, проникаетъ въ ея самыя интимнѣйшіе уголки и этимъ путемъ закабалаетъ не только дѣянія, но даже мысль и воображеніе вѣрующаго мусульманина, при чемъ, сверхъ всего этого, являетъ собою ученіе, развивающее въ своихъ адептахъ большую нетерпимость къ другимъ религіямъ.

Настоятельныя, педантичныя требованія шаріата, предъявляемыя имъ мусульманину въ отношеніи мельчайшихъ подробностей совершенія молитвы, держанія поста, очищенія посуды послѣ соприкосновенія съ ней чего либо оскверняющаго, подробностей фактическаго сожителства съ женой и т. п., слишкомъ многочисленны и сложны, а многія изъ нихъ слишкомъ трудно-выполнимы для человѣка толпы, который не имѣетъ возможности ни знать, ни помнить всѣ эти мелочи, ни выполнять ихъ, вслѣдствіе недостатка въ досугѣ и въ матеріальныхъ средствахъ, которыя всегда и вездѣ облегчали и облегчаютъ человѣку возможность удовлетворенія всѣмъ вообще требованіямъ, предъявляемымъ ему частной, общественной и государственной жизнью.

Эта безпомощность человѣка толпы, не имѣвшая возможности ни знать и помнить, ни выполнить всѣхъ мелочныхъ требованій шаріата, человѣка, на каждомъ шагѣ рискованнаго преступить законъ, по незнанію его, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно трепетавшаго тѣхъ тяжкихъ каръ, которыми шаріатъ грозитъ за разнаго рода правонарушенія,—

эта безпомощность человѣка толпы, во первыхъ, заставила послѣдняго приспособляться къ тягостнымъ для него условіямъ, т. е., дѣлая видъ ревностнаго исполнителя закона, въ дѣйствительности исполнять очень немногое, наиболѣе удобоисполнимое; а, во вторыхъ, та же безпомощность явилась въ свое время главнѣйшей причиной непомѣрнаго размноженія книжниковъ, которые, поощряемые къ тому самимъ шаріатомъ, полнымъ противорѣчій и дающимъ возможность обхода однѣхъ его статей при посредствѣ другихъ, за весьма скромное по большей части вознагражденіе, очень охотно помогали — однимъ узнавать, какъ слѣдуетъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, дабы не преступить постановленій шаріата, а другимъ уклониться отъ исполненія требованій послѣдняго, не рискуя подвергнуться ни геенѣ огненной, ни плетямъ *кази-раса* *), ни порицаніямъ окружающихъ, изъ коихъ каждый старался маскировать производимыя имъ самимъ правонарушенія громогласнымъ порицаніемъ того, что онъ случайно замѣчалъ въ отношеніи своего сосѣда.

Помимо того, что профессиональные интересы книжниковъ побуждали ихъ сдѣлаться вмѣстѣ съ тѣмъ и полуоффиціальными инспекторами народной нравственности, издавна установился еще и инспекторскій надзоръ общественнаго мнѣнія, надзоръ тѣмъ болѣе тягостный и грозный, что участіе въ немъ принимали всѣ, отъ мала до велика, не брезгая при томъ даже и такими вспомогательными средствами, какъ дымовыя отверстія въ крышахъ и щели въ глинобитныхъ стѣнахъ.

*) Правительственный чиновникъ, на обязанности котораго лежало наблюдать за исполненіемъ населеніемъ требованій шаріата и карать нарушителей этихъ требованій и постановленій.

Въ этомъ отношеніи всѣ были противъ всѣхъ и это дѣлалось только ради огражденія самого себя, cadaго порознь, отъ возможности быть заподозрѣннымъ или уличеннымъ въ преступномъ игнорированіи требованій шаріата и уставныхъ общественныхъ приличій, или хотя бы лишь въ индифферентныхъ отношеніяхъ ко всему этому. Каждый многое преступалъ и игнорировалъ, но тщательно скрывалъ это, даже отъ членовъ своей собственной семьи, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ казаться ярымъ столпомъ правовѣрія, много и громогласно разглагольствуя о несомнѣнной необходимости строго исполнять всѣ мельчайшія требованія божественнаго закона.

Мало по малу официальнымъ, громогласно исповѣдывавшимся правиломъ туземца-мусульманина стало—жить по старинѣ, не допуская никакихъ еретическихъ новшествъ, ибо шаріатомъ и мудрыми творцами обширной духовно-нравственной литературы предусмотрѣно и регламентировано все и навсегда, а потому всякое новшество, неодобренное официально книжниками, лучше другихъ знающими законъ, не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, кромѣ ереси.

Но наряду съ этимъ официальнымъ правиломъ постепенно установилось и другое, не официальное, общее для громаднаго большинства, но тщательно скрывавшееся отъ постороннихъ взглядовъ въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ души cadaго. Согласно этому правилу каждый старался жить такъ, чтобы всѣ, даже и никому ненужныя, мелочи быта производили на окружающихъ впечатлѣніе полного соответствія съ требованіями шаріата и уставной этики. Согласно этому правилу можно подолгу не ходить въ мечеть, но для этого надо всегда имѣть наготовѣ *узръ*, такую законную

отговорку, которая должна быть принята и *кази-расомъ* и подневольнымъ, лишеннымъ своего собственного критерія, общественнымъ мнѣніемъ; можно нарушать шаріатныя постановленія о постѣ, но надо дѣлать это такъ, чтобы объ этихъ дѣяніяхъ *руза хура*, нарушителя поста, ничего не знали бы не только сосѣди, но даже и свои домашніе, которые во время первой же семейной перебранки могутъ случайно или умышленно проболтаться о такомъ интимномъ инцидентѣ.

Масса случаевъ такихъ нарушеній всегда была извѣстна большому числу лицъ, но о большей части ихъ обыкновенно молчали, ибо одни боялись разинуть ротъ въ виду большого ранга того или другого нарушителя; другіе потому, что за собой знали не мало подобныхъ же грѣшковъ; третьи потому, что не имѣли возможности доказать извѣстное имъ съ соблюденіемъ всѣхъ условій, требуемыхъ въ этихъ случаяхъ регламентомъ.

Поэтому все то, что шаріатъ заклеилъ названіями порока, грѣха и преступления,—всевозможныя нарушенія каноническихъ правилъ, употребленіе опьяняющихъ напитковъ, азартныя игры, прелюбодѣяніе, тайная проституція, лихоимство, воровство, ростовщичество, всякій обманъ въ торговлѣ и т. п., не взирая на ужасъ такихъ установленныхъ за все это каръ, какъ плети, отрубаніе кисти руки (за воровство) и побіеніе камнями,—все это издавна находило себѣ многочисленныя тайныя пріюты и въ закупоренныхъ, закрытыхъ отъ постороннихъ взоровъ ячейкахъ семейныхъ очаговъ, и въ кельяхъ *мадраса* и во внутреннихъ покояхъ ханскихъ дворцовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ, склонный если не все, то по крайней мѣрѣ многое поэтизировать, давно уже поэтизировалъ и многія изъ наиболѣе

своихъ ему закононарушеній, громогласно выразивъ этимъ свое сочувствіе тому, отъ чего по настоящему онъ долженъ бы былъ бѣжать или от-вернуться.

Такъ напримѣръ, въ одной мѣстной народной пѣснѣ, гдѣ слова сочетаны съ заунывнымъ плачу-щимъ мотивомъ, туземецъ, жалуясь на свою судь-бу, говоритъ, что ночью онъ отправился къ своей возлюбленной; онъ засталъ ее уже спящей и по-тихоньку, безъ шума, разбудилъ ее осторожнымъ прикосновеніемъ руки; проснувшись и испугавшись возможныхъ послѣдствій, красавица стала просить пощадить ее и скорѣе уйти, ибо иначе ихъ мо-гутъ услышать или увидѣть, и тогда завтра же она будетъ побита камнями; съ тоской въ душѣ онъ долженъ былъ уйти, успѣвъ получить только одинъ поцѣлуй.

Эти и подобныя имъ закононарушенія, издав-на находя себѣ тайные пріюты въ укромныхъ угол-кахъ, время отъ времени дѣлали попытки прор-ваться и наружу, выйти на улицу. Но мусульма-нинъ тоже издавна привыкъ думать, что наиболѣе опаснымъ представляется порокъ нескрываемый, ибо онъ легче заражаетъ собой все окружающее. Поэтому издавна же на Востокѣ возникла долж-ность *кази-раиса*, который былъ обязанъ возможно чаще объѣзжать городъ въ сопровожденіи служи-телей, вооруженныхъ толстыми плетями, наблюдать за исполненіемъ жителями всѣхъ требованій ша-ріата и уставной этики и на мѣстѣ же наказывать провинившихся.

Шаріатъ предъявлялъ массу крупныхъ и ме-лочныхъ требованій, всестороннее и добросовѣстное исполненіе которыхъ во всей ихъ совокупности оказывалось невозможнымъ; *кази-раисъ* съ плетью въ рукѣ настоятельно требовалъ исполненія всего

этого, смиренного несенія всѣхъ этихъ нравствен-ныхъ и матеріальныхъ веригъ; а пасомое обоими ими стадо дѣлало покорный видъ и, тайно злобст-вуя, приспособлялось къ душившимъ его веригамъ, на каждомъ шагу кривя душой въ силу необходи-мости. Поэтому общая картина народной духовно-нравственной жизни сарта того времени сводилось къ изуверству и фарисейству съ одной стороны и къ приниженности, забитости, криводушію и лжи-вости съ другой, ибо въ области религіи и этики плети *кази-раиса* не могли создать ничего, кромѣ *показного* благочестія и *показной* нравственности.

По мѣрѣ того, какъ наибольшая часть сар-товъ постепенно превратилась, въ вышеуказан-номъ отношеніи, въ достаточно однородное и въ до-статочной мѣрѣ наружно покорное стадо, пасомое сонмомъ книжниковъ и *кази-раисовъ*, книжники стали все чаще и чаще обращать свое вниманіе на полудикихъ, невѣжественныхъ, даже и съ сартов-ской точки зрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ин-дифферентныхъ къ религіи киргизъ, бывшихъ тог-да мусульманами только по имени.

Киргизъ того времени допускалъ нѣкоторое вліяніе шаріата на свою жизнь въ области одной только религіи, къ которой онъ относился доволь-но безразлично, въ большинствѣ случаевъ не зная даже тѣхъ молитвъ, изъ которыхъ состоитъ обяза-тельный для каждого мусульманина *намазъ*. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ своей семейной, обще-ственной и юридической жизни онъ, не взирая на номинальное принятіе ислама, безусловно отрицал шаріатъ, попрежнему руководствовался *адатомъ*, народнымъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе устно пе-редававшимся *обычаемъ*, не имѣющимъ ничего об-щаго съ мусульманскимъ кодексомъ, ибо *адаты*

возникъ въ ту отдаленную эпоху, когда тюрко-монголы были еще язычниками.

Такіе непорядки, съ мусульманской точки зрѣнія, мозолили глаза сонму сартовскихъ книжниковъ, которые издавна дѣлали попытки просвѣтить киргизъ и обратить ихъ въ истыхъ мусульманъ; но попытки эти по большей части имѣли лишь самый незначительный успѣхъ по нижеслѣдующимъ причинамъ.

Во первыхъ, вся сила общественнаго устройства киргизъ заключалась въ родовомъ началѣ, въ принадлежности лица къ *роду*, который, имѣя силу и обязанность защищать отдѣльное лицо отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, имѣлъ въ то же время и власть ограничивать многія личныя права того же лица, почему разнаго рода внѣшнія воздѣйствія на послѣднее зачастую оказывались весьма затруднительными. Во вторыхъ, индифферентный къ религіи киргизъ, отказываясь по большей части слушать мало интересовавшія его розсказни сладко и многорѣчиваго самозваннаго проповѣдника — сарта, въ значительной мѣрѣ ненавистнаго ему по старымъ бытовымъ счетамъ, — этотъ киргизъ былъ въ то же время грубъ, боекъ правомъ и весьма склоненъ къ кулачной расправѣ, а потому случалось, что, напившись *бузы*, онъ бивалъ надѣждавшихъ ему книжниковъ. Въ третьихъ, киргизъ издавна былъ головорѣзъ и разбойникъ, а потому, при царившей тогда политической неурядицѣ, всегда легко могъ безнаказанно не только ограбить, но даже и убить въ глухой, безлюдной степи, или въ еще болѣе глухихъ и мрачныхъ горахъ.

Поэтому такого рода просвѣтительныя и миссіонерскія попытки сартовскихъ книжниковъ въ то время по большей части оставались малоуспѣшными.

Немногочисленными вообще исключеніями представлялись лишь тѣ киргизскіе аулы, зимнія стойбища которыхъ находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ большими сартовскими селеніями, при чемъ нѣкоторое, въ общемъ всетаки довольно слабое, воздѣйствіе сартовскаго книжничества нѣсколько усиливалось въ случаяхъ установленія родства при посредствѣ браковъ или какихъ либо исключительныхъ, особенно тѣсныхъ матеріальныхъ соотношеній на почвѣ с пользованія землей, совмѣстной пастбы скота и т. п.

Вышеочерченная картина духовно-нравственной жизни туземной народной массы, туземной мусульманской толпы, осталась бы далеко не полной, не законченной, если не упомянуть, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, о былой дѣятельности *ишановъ*, духовниковъ и наставниковъ своихъ многочисленныхъ и покорныхъ *мюридовъ*; а прежде чѣмъ говорить объ ишанахъ, въ свою очередь, необходимо сказать нѣсколько словъ о *масаввуфѣ*, суфизмѣ, ибо всѣ ишаны, по крайней мѣрѣ ишаны прошлаго времени, были носителями и распространителями въ народѣ этого ученія.

Въ своей основѣ *масаввуфъ*, (суфизмъ, иначе называемый европейцами также дервишизмомъ или мюридизмомъ), зародившійся, какъ ересь, еще въ первые вѣка ислама, не только не имѣетъ ничего общаго съ послѣднимъ, но даже и противоположенъ ему, ибо исламъ проповѣдуетъ строгій монотеизмъ, а суфизмъ являетъ собой проповѣдь пантеизма въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Кромѣ того, суфизмъ, отличался мистическимъ направленіемъ, чуждымъ корану, рекомендуетъ сво-

имъ послѣдователямъ стезю навѣяннаго христіанствомъ и буддизмомъ подвижничества, аскетизма, безусловно отрицаемаго кораномъ *).

Исламъ не допускаетъ никакихъ критическихъ отношеній къ провозглашеннымъ имъ доктринамъ; самое большее, что дозволяется вѣрующему мусульманину,—это выводъ умозаключеній, не представляющихъ противорѣчій духу корана, при посредствѣ аналогій.

Суфизмъ, по крайней мѣрѣ въ его первоначальномъ видѣ, наоборотъ, даетъ самую широкую свободу религіозному и юридическому мышленію своихъ послѣдователей.

Исламъ есть преданіе себя Богу, покорность волѣ Божіей, безпрекословное исполненіе его велѣній. Вѣрующій мусульманинъ—ортодоксъ можетъ быть только *рабомъ* божіимъ, ищущимъ спасенія своей души, для котораго даже мечта о достиженіи святости уже сама по себѣ грѣховна, ибо святость есть даръ, ниспосылаемый Богомъ лишь его избранникамъ.

Суфизмъ есть стремленіе къ духовной чистотѣ (*сафа*), достигая которой *суфи* (*дервишъ*) постепенно приближается къ абсолютной чистотѣ или, вѣрнѣе, къ абсолютной святости, т. е., къ божеству. Путемъ непрестанныхъ упражненій въ разнаго рода мистеріяхъ и въ богоугодныхъ дѣлахъ онъ настолько очищаетъ себя отъ скверны грѣха, что съ теченіемъ времени, въ этомъ отношеніи, можетъ стать равнымъ не только своему *пиру* (*ишану*, наставнику), но даже и Богу. Съ пантеистической

*) „Потомъ по ихъ (Ноя и Авраама) стопамъ мы (Богъ) велѣли слѣдовать посланникамъ нашимъ, и велѣли слѣдовать Иисусу, сыну Маріи, и дали ему Евангеліе: въ сердца послѣдователей его Мы вложили добродушіе и состраданіе; а *подвижничество*—его выдумали они (христіане) сами; Мы имъ не предписывали его...“ (Коранъ 57,27).

точки зрѣнія суфизма это послѣднее тѣмъ болѣе возможно, что всѣ атомы единой міровой матеріи, въ зависимости отъ того, въ какой внѣшней формѣ они фигурируютъ на аренѣ міровой жизни, считаются въ одинаковой мѣрѣ проникнутыми духовной силой и разумомъ божества.

Послѣ продолжительной борьбы между исламомъ и суфизмомъ, главнымъ образомъ въ Персіи, гдѣ народная масса издревле отличалась большой склонностью къ свободомыслию и къ свободной критикѣ вопросовъ религіи, исламъ, не оказавшійся въ состояніи совсѣмъ подавить суфизмъ, долженъ былъ признать его мусульманскимъ ученіемъ.

Въ свою очередь и суфисты постепенно сдѣлали много уступокъ исламу, прикрывъ все неуступленное текстами корана и *хадисовъ**), что не представляло особой трудности, вслѣдствіе неясности многихъ мѣстъ обоихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ суфизмъ, поставленный въ необходимость, ради примиренія съ исламомъ, многое измѣнить въ первоначальномъ строѣ своего ученія, постепенно и въ значительной мѣрѣ омусульманился и, подраздѣлившись внутри самого себя на нѣсколько орденовъ, сдѣлался по наружности какъ бы сектой ислама.

Однако же, не взирая на это, суфизмъ и досего времени по существу все еще во многомъ отличается отъ ислама въ его чистомъ, ортодоксальномъ видѣ. *Суфи* (*дервишъ*) прошлаго времени громогласно отрицалъ необходимость для себя такихъ установленій ислама, какъ *намазъ* (уставная молитва), поклоненіе меккскимъ святынямъ, постъ и т. п. Нынѣшній *суфи* не рѣшается уже на это, но тѣмъ не менѣе говорить, что совершая *намазъ*

*) Сказанія о дѣяніяхъ и изрѣченіяхъ мусульманскаго пророка.

лишь какъ требуемый религіей, въ *зикръ*, въ мистической молитвѣ суфиста, онъ находитъ то, чего не даетъ и не можетъ дать *намазъ*: религіозный экстазъ и общеніе души молящагося съ божествомъ.

Не смотря на значительность уступокъ, сдѣланныхъ исламу, либеральный суфизмъ долгое время сохранялъ за собой роль не только замаскированного противовѣса, но иногда даже и явной оппозиціи схоластической сухости, деревянной неподвижности и излишней суровости многихъ доктринъ ортодоксальнаго ислама, одновременно съ чѣмъ *ишаны*, (или *пиры*), носители и распространители въ народной массѣ ученія суфистовъ, въ зависимости отъ степени либеральности каждаго изъ нихъ естественнымъ образомъ тоже становились въ положеніе оппонентовъ клану книжниковъ ортодоксальнаго направленія.

Въ старое время такихъ *ишановъ* было очень много; но, повидимому, ни объ одномъ изъ представителей этого направленія народная память не сохранила до сихъ поръ такихъ яркихъ воспоминаній, какъ о Машрабѣ, ученикѣ знаменитаго въ свое время наманганскаго *ишана* Муллы Базара.

Машрабъ, имя котораго нынѣ известно въ Кашгарѣ, въ Ферганѣ, въ Ташкентѣ, въ Самаркандѣ и въ Бухарѣ, въ теченіе всей своей жизни былъ бичемъ книжниковъ, которыхъ онъ жестоко казилъ и рѣчами и звучными стихами, впоследствии собранными въ сборникъ подъ названіемъ „*Мабда-и-нуръ*“, за ихъ недомысліе, буквѣдство, любостыжаніе и всестороннее фарисейство.

Каждый *ишанъ*, прежде чѣмъ сдѣлаться таковымъ, проходилъ (и нынѣ проходитъ) подъ руководствомъ добровольно избраннаго имъ *тира* (*ишана*) положенный по уставу того или другого ордена искусъ, послушничество, непрѣмнымъ усло-

віемъ котораго, помимо обще-суфистскаго стремленія къ достиженію возможной степени нравственной чистоты, является также безусловное подчиненіе воли послушника (*мюрида*) волѣ наставника (*тира*). По прохожденіи всѣхъ степеней послушничества, попутно съ изученіемъ теоріи суфизма, достойнѣйшіе *мюриды* получали (и получаютъ) отъ своихъ наставниковъ *ириады*, преемственные грамоты, снабжающія бывшихъ *мюридовъ* правомъ самимъ сдѣлаться *тирами*, наставниками добродетельныхъ *мюридовъ*.

Выше было уже замѣчено, что одной изъ главнѣйшихъ принадлежностей суфизма всегда былъ аскетизмъ. *Суфи* долженъ развивать въ себѣ терпѣніе, умѣнье бороться со всѣми присущими ему страстями, умѣренность въ пищѣ и питьѣ, умѣнье довольствоваться тѣмъ, что имѣется, умѣнье не только покоряться волѣ Божіей, но даже и радоваться всему, ниспосылаемому небомъ, не исключая всевозможныхъ несчастій.

Тѣмъ, кто въ состояніи достигнуть такой высокой степени нравственнаго совершенства, рекомендуется *факръ*, добровольная бѣдность, добровольное отреченіе отъ обладанія какимъ либо имуществомъ.

Но такъ какъ истинный, неподдѣльный аскетизмъ никогда не былъ и не можетъ быть усиленнымъ для средняго, зауряднаго человека, а вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность къ ордену и желаніе быть не хуже другихъ, въ свою очередь, не могли не порождать у суфиевъ желанія если не быть, то по крайней мѣрѣ казаться аскетами, то поэтому и здѣсь, какъ и въ сферѣ ортодоксальнаго ислама, въ концѣ концовъ въ результатѣ получились ханжество, притворство и лицемеріе.

Особенно крупныя послѣдствія это имѣло въ отношеніи *факра*, обѣта добровольной бѣдности.

На этомъ поприщѣ, какъ и въ другихъ сферахъ суфистскаго аскетизма, въ свое время было много совершенно искреннихъ подвижниковъ, передъ которыми благоговѣла толпа, ибо, отказавшись отъ обладанія какимъ бы то ни было имуществомъ, они по необходимости должны были существовать подавнiями, количества которыхъ, въ зависимости отъ популярности того или другого подвижника, доходили иногда до колоссальныхъ размѣровъ, причемъ искренніе подвижники тратили всѣ накопленныя такимъ образомъ богатства на дѣла благотворительности.

Но на ряду съ относительно небольшимъ числомъ искреннихъ было немало, а съ теченіемъ времени становилось все больше и больше неискреннихъ, которые постепенно стали обращать все большую и большую часть благихъ даяній въ свою личную собственность, превращая такимъ образомъ обѣтъ добровольной бѣдности въ способъ наживы на счетъ добродушно-довѣрчивыхъ мюридовъ.

Наряду съ этими стяжателями на глазахъ толпы продѣлывалось и многое другое. Достаточно сказать, что въ концѣ концовъ среди ишановъ появились даже и такіе, (въ одномъ изъ городовъ Ферганы), которые сдѣлали своей профессіей, неимѣющее ничего общаго съ основами суфизма, отчитываніе неплодныхъ женщинъ, изъ которыхъ ни одна сколько нибудь приглядная не уходила отъ такого ишана, не измѣнивъ своему мужу.

Народъ все это частью видѣлъ, а частью зналъ; а потому постепенно, параллельно паденію достоинства и нравственности большинства ишановъ, падали довѣріе и уваженіе народной массы къ значительной части этихъ по своему либеральныхъ на-

ставниковъ и руководителей народа въ сферахъ интимнѣйшихъ уголковъ его духовно-нравственной жизни, руководителей, предшественники которыхъ въ свое время были вѣрнѣйшимъ приближеннымъ для всего того люда, котораго душили вериги, налагавшіяся на него книжниками—ортодоксами, который въ (относительно) гуманныхъ, либеральныхъ рѣчахъ и проповѣдяхъ *муровъ* былого времени находилъ бальзамъ, врачевавшій духовныя раны, наносившіяся ему плетями уставного мусульманскаго изуверства.

Это постепенное, но чуть не поголовное паденіе ишановъ было тяжелой, невозмѣстимой потерей для духовной жизни народа, ибо лишаясь бальзама, онъ лишался вмѣстѣ съ тѣмъ и единственной сколько нибудь здоровой духовной пищи, которую при посредствѣ ишановъ онъ находилъ до того времени въ уголкахъ духовной темницы, созданной для него руками ортодоксальнаго книжничества, которое, въ свою очередь, отнюдь не могло удовлетворить спросы и потребности народнаго ума и народной души.

Извѣрившись въ гражданскую власть, умѣвшую только давить и обирать народъ и неумѣвшую создать сколько нибудь сносныя формы государственной и общественной жизни, тяготясь веригами, налагавшимися кликой книжниковъ на всѣ сколько нибудь значительныя явленія общественной и частной жизни, мѣстное общество или по крайней мѣрѣ та часть его, которая искала мирнаго убѣжища для своей души, начинала извѣриваться, а частью уже извѣрилась и въ это убѣжище, въ полезность духовнаго общенія съ ишанами.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей явилась, ко времени нашего прихода сюда, значительная распатанность всего стараго ук-

лада, распатанность не столько внешней облицовки этого уклада, сколько всего того, что должно было считаться и считалось основными его устоями.

А это, въ свою очередь, не могло не отразиться на семейномъ бытѣ. гдѣ по существу происходило то же, что и въ окружавшихъ его внешнихъ, общественныхъ сферахъ, ибо все то тлетворное, что фигурировало на аренѣ общественной жизни, проникало оттуда и въ семью, которая и въ мусульманскомъ обществѣ, не смотря на нѣкоторую долю замкнутости женщины, во многихъ отношеніяхъ болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной, далеко не совсѣмъ изолирована отъ болѣе или менѣе тѣснаго общенія съ жизнью общественной.

Въ семьѣ, подобно тому, какъ и въ общественной жизни, на улицѣ, на базарѣ, въ стѣнахъ школы, на разнаго рода сборищахъ, на всемъ лежали оковы устава, старавшагося не пускать живую мысль и живое чувство за очерченный и закодированный имъ кругъ.

Каждый членъ семьи, начиная съ 7—8 лѣтняго возраста, обязывался жить, т. е., дѣйствовать, мыслить и чувствовать по уставу, строго воздерживаясь отъ всего того, что не было освящено или допущено этимъ кодексомъ. Большинство въ тайникахъ своей души не удовлетворялось дѣйствительностью: тѣ, которымъ надлежало покоряться, тяготились тяжелой для нихъ нравственной, а частью даже и физической обузой уставныхъ веригъ семейной этики; тѣ, кто по уставу имѣлъ право властвовать, наоборотъ, роптали на житейскую дѣйствительность, видимо тяготившуюся уставомъ и всячески старавшуюся вырваться изъ его оковъ.

При бѣгломъ взглядѣ на семью, она казалась очень патриархальной: дѣти казались любящими и уважающими своихъ родителей; родители казались

очень заботливыми въ отношеніи дѣтей; супруги казались живущими въ добромъ согласіи.

Но все это казалось только, ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ дѣйствительности все это было только наружнымъ, показнымъ; все это продѣлывалось для того только, чтобы внешней соблюденіемъ требованій устава, отнявшаго у человека право на свободу мысли и чувства, прикрыть фактическое неисполненіе многихъ претиящихъ душѣ или даже совѣсть такъ невыполнимыхъ требованій.

Все это, подобно тому, какъ и въ другихъ сферахъ туземной жизни, внесло въ семью, въ сферу интимныхъ соотношеній между ея членами, значительную долю неискренности, холодности и даже отчужденности; все это въ концѣ концовъ привело къ крайней слабости тѣхъ нравственныхъ узъ, которыя при нѣсколько иныхъ условіяхъ могутъ значительно болѣе прочно цементировать семейный конгломератъ.

Обязывая дѣтей быть покорными и почтительными къ родителямъ, быть благодарными имъ и дѣлать имъ добро, коранъ въ то же время, желая сосредоточить все вниманіе мусульманина только на Богѣ и на обязанностяхъ въ отношеніи его, желая ради этого удержатъ вѣрующаго отъ привязанности ко всему вообще мірскому, житейскому, не исключая семьи, старается удержатъ мусульманина отъ любви къ дѣтямъ, устанавливая отношенія къ нимъ, какъ къ имуществу, отвлекающему отъ помысловъ о Богѣ.

„Знайте, что ваши имущества, ваши дѣти только искушеніе.“ (Коранъ 8,28). „Вѣрующіе! изъ вашихъ супруговъ, изъ вашихъ дѣтей есть враги вамъ, потому остерегайтесь ихъ.... Имущество ваше, дѣти ваши только искушеніе вамъ...“ (Коранъ

64,14). „*Богатство и дѣти*—украшеніе этой доли-ней жизни; но то, что постоянно,—добрыя дѣла, предъ Господомъ твоимъ, есть лучшее по отноше-нію къ тому, чего чаютъ“ (Коранъ 18,41) „*Обольсти-тельны* для людей страстная *привязанность* къ жен-щинамъ, къ сынамъ, къ полновѣснымъ талантамъ золота и серебра, къ отличнымъ конямъ, къ ста-дамъ скота, къ полямъ; но это наслажденіе только въ здѣшней жизни; прекраснѣе же жилище у Бо-га“ (Коранъ 3,12).

Правда, что такого рода отношенія къ дѣ-тямъ, устанавливаемыя кораномъ, но малосвойст-венныя среднему, обыденному человѣку. относитель-но слабо привились въ народной массѣ, ибо съ ними успѣшно конкурировала созданная суфиста-ми, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ буддизма и хри-стіанства, духовно-нравственная литература, ста-равшаяся влить въ общественную и частную жизнь, между прочимъ, и широкій потокъ гумани-тарныхъ идей, ратовавшая за братскія, любовныя отношенія не только между членами семьи, но и между людьми вообще, проповѣдывавшая кротость, ласковость, великодушіе, состраданіе и всепроще-ніе.

Тѣмъ не менѣе многія изъ провозглашенныхъ кораномъ доктринъ отнюдь не способствовали ус-тановленію прочныхъ семейныхъ узъ, чему не могли способствовать и мусульманскій брачный статутъ допустившій и освятившій многоженство, вносящее много диссонансовъ въ семейную жизнь, которая и ✓ внѣ этого неблагоприятнаго для нея условія у всего вообще человечества достигаетъ степени достаточ-ной гармоничности лишь при особо благоприятныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ ортодоксальный исламъ и суфизмъ и въ отношеніи семейной жизни оказа-

лись идущими далеко не рука объ руку; это были двѣ силы, дѣйствовавшія подѣ очень тупымъ уг-ломъ; а ихъ коротенькая равнодѣйствующая, въ смыслѣ соотношеній между дѣтьми и родителями, равнодѣйствующая, слагавшаяся, конечно, не безъ вліянія и обычныхъ свойствъ общечеловѣческой на-туры, выразилась въ концѣ концовъ въ соотноше-ніяхъ почти діаметрально-противоположныхъ тому, чего добивался коранъ: въ громадномъ большин-ствѣ случаевъ наибольшая привязанность наблюда-лась у родителей къ дѣтямъ, а не у дѣтей къ ро-дителямъ, что нашло себѣ выраженіе и въ народ-ной поговоркѣ: „сердце (сердечная привязанность) родителей въ дѣтяхъ; сердце дѣтей (ищущихъ сво-боды) въ полѣ“.

При этомъ въ большинствѣ случаевъ у дѣ-тей, даже взрослыхъ, наиболѣе сердечныя отноше-нія наблюдались (и наблюдаются) въ отношеніи ма-тери, а не отца.

Помимо чисто фیزیологическихъ причинъ, это объясняется еще и тѣмъ, что отношенія къ матери всегда были болѣе просты и естественны, всегда менѣе подрывались той уставной оффиціальностью, которая въ большинствѣ туземныхъ семей является отличительной чертой отношеній сына и дочери къ ихъ отцу.

Кромѣ того, мать (какъ жена) и ея дѣти все-гда находились подѣ однимъ и тѣмъ же гнетомъ главы семьи, мужа и отца, что также служило од-ной изъ причинъ ихъ солидарности.

Эпоха нашихъ завоеваній.

Наше поступательное движеніе изъ Оренбурга и Омска въ нѣдра Средней Азии, продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, сначала очень медленное и вялое, а затѣмъ, въ особенности

послѣ снабженія дѣйствовавшихъ здѣсь нашихъ войскъ скорострѣльнымъ оружіемъ, постепенно получившее все болѣе и болѣе энергичный и побѣдоносный характеръ, до конца всего періода этихъ завоеваній носило на себѣ отпечатокъ чего-то стихійнаго, фатальнаго.

Насъ влекла сюда та „невѣдомая сила“, которую, быть можетъ, умѣстно было бы назвать рокомъ, неисповѣдимою исторической судьбой, ибо мы шли и пришли сюда случайно, безъ зрѣло обдуманнаго плана, безъ сколько нибудь разработанной программы нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, безъ предварительнаго ознакомленія съ географіей страны, съ языкомъ и бытомъ туземнаго населенія настроеннаго по отношенію къ намъ безусловно враждебно, какъ къ завоевателямъ и невѣрнымъ, какими мусульмане считаютъ всѣхъ, непризнающихъ Мухаммада послѣднимъ и главнѣйшимъ пророкомъ, а провозглашеннаго имъ ученія божественнымъ откровеніемъ *).

Поскольку мы, (понимая это „мы“ въ самомъ широкомъ значеніи), были невѣжественны по части мѣстной географіи, явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ фактовъ.

Достоверно извѣстно, что когда покойному К. П. Кауфману**) съ большимъ трудомъ удалось наконецъ испросить согласіе Императора Александра II на осуществленіе хивинскаго похода, Горчаковъ убѣдительно просилъ Константина Петровича, по дорогѣ въ Хиву ни въ какомъ случаѣ не трогать *Каишара*, дабы не создать этимъ осложненій съ Китаемъ и съ Англіей.

*) Коранъ 2,99 и 3,93.

**) Тогдашній генералъ-губернаторъ и командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа.

Неизбѣжность похода въ Хиву предвидѣлось еще года за три. Поэтому офицерами генеральнаго штаба производились рекогносцировки Кызылкумской степи, которой нельзя было бы миновать туркестанскому отряду. Однако же, когда нашъ отрядъ отправился въ походъ, то вторую половину пути, начиная отъ колодцевъ Арыстанъ—бель, онъ шелъ ощупью, по совершенно неосвѣщенной мѣстности, и не погибъ между Адамъ—Кырылганомъ и Аму-Дарьей потому только, что въ отрядѣ случайно оказалось нѣсколько джигитовъ — киргизъ, тоже случайно бывавшихъ раньше когда-то въ этихъ мѣстностяхъ и вспомнившихъ о существованіи колодцевъ Алты-Кудукъ, находившихся нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги и спасшихъ насъ отъ вѣрной почти гибели въ маѣ 1873 года.

Столь же непростительно невѣжественными мы оказались и въ отношеніи культурной Ферганы, не взирая на то, что съ ней въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы вели уже постоянныя официальныя и торговыя сношенія, а потому имѣлась полная возможность обладать удовлетворительными маршрутными и другими географическими свѣдѣніями. Въ 1875 году, во время кокандскаго похода, наши свѣдѣнія объ этой странѣ оказались такими же скудными, какъ и о Кызылкумской степи во время хивинскаго похода; мы обладали сколько нибудь удовлетворительными свѣдѣніями лишь о большой дорогѣ между Ходжентомъ и Кокандомъ. Когда нашъ отрядъ двигался отъ Маргелана къ Намангану, то по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у офицеровъ генеральнаго штаба, предстоялъ, между Маргеланомъ и Сыръ-Дарьей, двухдневный переходъ по степи безъ воды. Большихъ трудовъ и хлопотъ стоило снабдить отрядъ двухдневнымъ запасомъ воды, которая потомъ оказалась совсѣмъ ненужной,

ибо безъ воды пришлось пройти лишь немного болѣе 20 верстъ между Язьяваномъ и Дарьей.

Кромѣ того, послѣдствіемъ нашего совершеннаго незнакомства съ тѣмъ, что представлялъ собой Андижанъ, было весьма безславное отступленіе нашего отряда отъ этого города, названное въ официальныхъ документахъ *„обратнымъ наступленіемъ на Наманганъ“*.

Однако же нашъ громадный общій военный успѣхъ въ Средней Азіи и страхъ, нагнанный на мѣстное населеніе нашимъ оружіемъ, были такъ велики, что загипнотизированные туземцы не видѣли ничего, кромѣ относительно, условно побѣдоноснаго вступленія нашихъ войскъ въ ихъ города и селенія, а на самихъ насъ, на выносливую и покладистую русскую душу, всѣ эти и длинный рядъ подобныхъ имъ шероховатостей производили впечатлѣніе мелочей, о которыхъ полезнѣе даже и умалчивать, дабы не вносить диссонанса въ общую гармонию горделиваго ликованія торжествующихъ русскихъ дружинъ и ихъ маститыхъ вождей.

Когда наши войска приближались къ Чимкенту и Ташкенту, среди здѣшнихъ туземцевъ ходили, какъ имъ казалось тогда вполне достовѣрные, слухи о томъ, что русскіе не похожи на обыкновенныхъ людей; что у нихъ лишь по одному глазу, помѣщающемуся по срединѣ лба; что у нихъ такіе же хвосты, какъ у собакъ; что они необычайно свирѣпы, кровожадны и употребляютъ въ пищу человѣческое мясо.

Когда Чимкентъ и Ташкентъ были заняты нашими войсками, здѣшніе сарты имѣли случай убѣдиться въ ложности распускавшихся среди нихъ до-сужими людьми слуховъ о русскихъ и даже болѣе, — вскорѣ же они увидѣли, что русскіе не только

не свирѣпый, а, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма добродушный народъ и при томъ, въ лицѣ своихъ патриціевъ, настолько тароватый, что бѣдному человѣку около него можно зашибить копѣйку гораздо легче, чѣмъ около своихъ прижизненныхъ сородичей.

Но эти болѣе достовѣрные свѣдѣнія о насъ долгое время распространялись въ народной массѣ очень слабо и главнымъ образомъ лишь среди того немногочисленнаго люда, который такъ или иначе приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ нами. Все остальное долгое еще время дичилось и сторонилось насъ, относясь къ намъ по-стольку же съ недоувѣріемъ, поскольку и съ отвращеніемъ, какъ къ невѣрнымъ, къ многобожникамъ*).

Когда нашъ отрядъ двинулся въ 1875 году въ Фергану, не взирая на наличность тамъ большого числа туземцевъ, выдававшихъ уже и даже лично знавшихъ многихъ русскихъ, народъ и тамъ ждалъ одноглазыхъ и хвостатыхъ людоедовъ, а потому многіе жители большихъ селеній и городовъ при нашемъ приближеніи бѣжали, но, вслѣдствіе отмѣченной выше ихъ малой подвижности, они бѣжали по большей части очень недалеко, верстъ за 5 за 10, при чемъ для многихъ даже взрослыхъ это была первая далекая поѣздка за предѣлы своего города или селенія.

* Многобожниками христіане считаются потому, что признаютъ существованіе Троицы.

„Читающіе Писаніе! не допускайте излишества, въ нашу вѣру; говорите о Богѣ только истину. Мессія Иисусъ, сынъ Маріи, есть только посланникъ Бога, есть слово Его, низведенное имъ въ Марію, есть духъ Его. Вѣруйте въ Бога и въ посланниковъ Его и не говорите: троица... Богъ только есть единый... не можетъ быть, чтобы у него были дѣти;..... Не можетъ статься, чтобы Мессія считалъ для себя униженнымъ быть рабомъ Богу, какъ и приближенные къ нему ангелы“. (Коранъ 4, 169—170).

Такъ какъ эпизоды, въ родѣ избиенія въ Гуръ-тюбе безоружныхъ жителей, женщинъ и дѣтей, были явленіемъ не особенно частымъ, а потому свѣдѣнія объ этого рода похищеніяхъ не могли имѣть особенно широкаго географическаго распространенія, то поэтому мнѣнія о насъ, на примѣръ, ферганскихъ сартовъ, на первое время были весьма различными; каждый судилъ о русскихъ только по тому, что случайно видѣлъ или слышалъ: одни продолжали отстаивать наличность хвостовъ, маскируемыхъ одеждой; другіе, категорически отрицая это, находили, что при такой военной силѣ русскіе могли бы всѣхъ перерѣзать, но не перерѣзали; слѣдовательно они милостивѣе бухарцевъ, которые приходили при Мадали-ханѣ и жестоко рѣзали; хотя, конечно, съ другой стороны, быть можетъ, это произошло и не отъ добродушія, а отъ глупости, которой Милостивый поражаетъ невѣрныхъ; третьи говорили, что хотя русскіе побили народа и меньше, чѣмъ бухарцы, но сравнивать ихъ съ послѣдними все же не годится, грѣшно, ибо бухарцы мусульмане, а русскіе *кафиры*, невѣрные; четвертые возмущались крайней невоспитанностью русскихъ начальниковъ разныхъ ранговъ, которые слишкомъ часто воспаляются гнѣвомъ, иногда по совсѣмъ пустячнымъ поводамъ, а воспламенившись, ведутъ себя до крайности неприлично, не только кричатъ и жестикулируютъ руками, но даже и топаютъ ногами, чего, какъ извѣстно, не позволить себѣ ни одинъ сколько нибудь воспитанный мусульманинъ; пятые, не заходя такъ далеко, утверждали только, что всѣ русскіе издаютъ какой то непріятный рыбный запахъ.

Несомнѣнно однако же, что большая часть по существу весьма не воинственнаго, миролюбиваго и относительно добродушнаго туземнаго осѣдлага на-

селенія, быстро научившись различать среди вторгнувшихся въ страну завоевателей племеевъ и патриціевъ, на первыхъ же порахъ вполне сознательно отдавала справедливость относительнымъ добродушію и гуманности представителей высшихъ классовъ, у которыхъ даже и въ теченіе героической, завоевательной эпохи часто находила защиту отъ разнаго рода насилій, производившихся нижними чинами нашихъ войскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти относительныя добродушіе и гуманность нѣкоторыхъ нашихъ представителей и тогда уже понимались населеніемъ лишь условно и только въ мирное время, ибо русскіе солдаты такъ безпощадно стрѣляли и кололи штыками, что соперничать съ ними, въ особенности послѣ того, какъ ихъ вооружили скорострѣльными винтовками, не представлялось возможнымъ.

Такимъ образомъ, послѣ занятія Чимкента, Ташкента, Ходжента, Ура-тюбе, Джизака и Самарканда слово „русскій“ вселяло тотъ „спасительный“ страхъ, который впоследствии долгое время обезпечивалъ намъ относительное спокойствіе и внутри края и на его границахъ. Этотъ страхъ былъ такъ великъ, что долгое время не только мужчины, но даже русскія женщины безбоязненно ѣздили по вновь завоеванному краю въ одиночку на сартовскихъ арбахъ, останавливаясь на ночлеги иногда въ очень глухихъ сартовскихъ кишлакахъ (селеніяхъ), при чемъ почти не было случаевъ не только какихъ либо насилій, но даже и мало-мальскихъ обидъ или притѣсненій.

Справедливость требуетъ сказать, что съ чувствомъ этого „спасительнаго“ страха туземное населеніе относилось тогда не къ одной только нашей военной силѣ, но и къ нашей административной

власти, водворявшейся здѣсь вслѣдъ за тѣмъ, какъ смолкали послѣдніе выстрѣлы.

Нашъ тогдашній уѣздный начальникъ, (не говоря уже о военномъ губернаторѣ), строевой офицеръ, случайно и то лишь по необходимости превратившійся въ администратора, снабженный тогда относительно широкими полномочіями, въ глазахъ народа всецѣло являлъ собой прямого замѣстителя *бека* или *хакима* ханскихъ временъ, окруженнаго въ народномъ представленіи ореоломъ большихъ авторитета и власти.

И этотъ ореолъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тоже служилъ намъ вѣрную службу: населеніе вѣками привыкшее или, вѣрнѣе, ханскимъ правительствомъ приученное если не уважать одну лишь грубую силу, то по крайней мѣрѣ легко ей подчиняться, боялось уѣзднаго начальника, а потому на первое время послѣдній не зналъ ни неисполненія его приказаній чинами туземной администраціи, ни недоимокъ, не смотря на то, что тогдашнее матеріальное благосостояніе народа отнюдь не было выше теперешняго, а количество денежныхъ знаковъ обращавшихся среди населенія, было безусловно меньше, чѣмъ теперь.

Такія соотношенія между народомъ и русской администраціей въ значительной мѣрѣ поддерживались еще и тѣмъ, что большая часть нашихъ уѣздныхъ начальниковъ того времени старались окружать себя возможно большей помпой; такъ, напримеръ, поѣздки по ввѣреннымъ имъ районамъ они совершали въ сопровожденіи громадной и совершенно ненужной свиты. Такое направленіе поощрялось высшей мѣстной властью воображавшей и утверждавшей, зачастую съ весьма небезкорыстными цѣлями, — (въ смыслѣ полученія суммъ на такъ называемую представительность), что престижъ рус-

ской власти въ краѣ можетъ держаться только на вышнемъ блескѣ, на помпѣ, что, какъ увидимъ ниже, было заблужденіемъ и дало много отрицательныхъ результатовъ.

Такихъ заблужденій и ошибокъ, въ особенности на первое время, было много, а являлись они прежде всего въ результатѣ взаимнаго непониманія русскихъ и сартовъ, ибо мы не знали ихъ, а они не знали насъ; мы, вслѣдствіе нашей обычной инертности и малой культурности, долгое время не хотѣли отнестись къ туземному міру, какъ къ интересному объекту изученія, и пытались въ своихъ канцеляріяхъ рѣшить административное уравненіе съ тысячею неизвѣстныхъ; сарты, за исключеніемъ туземной администраціи и той части торговцевъ, которая непрестанно соприкасалась съ нами, сторонились насъ и тоже мало интересовались нами, такъ какъ долгое время жили надеждой на то, что мы, подобно прежнимъ мѣстнымъ завоевателямъ, натѣшившись своими военными успѣхами, рано или поздно уйдемъ восвояси.

Мы не знали туземнаго языка и не хотѣли ему учиться, довольствуясь услугами никуда не годныхъ, невѣжественныхъ и вороватыхъ переводчиковъ, по большей части татаръ и оренбургскихъ или сибирскихъ киргизъ, не знакомыхъ съ мѣстными нарѣчіями, въ значительной мѣрѣ разнящимися отъ языковъ татарскаго и киргизскаго.

Невѣжественность этихъ посредниковъ, тоже не находившихъ нужнымъ знакомиться съ мѣстными нарѣчіями, была такова, что волостные управители и казін, получая бумаги, написанныя этими переводчиками, весьма часто не были въ состояніи понять что либо изъ написаннаго, при чемъ было нѣсколько случаевъ, когда нашъ (русскій) судъ впадалъ въ грубыя ошибки, осуждая безусловно не

винныхъ людей, благодаря только невѣжеству тѣхъ толмачей, услугами которыхъ приходилось пользоваться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе нашего поголовнаго незнанія туземныхъ нарѣчій, никакого контроля надъ переводчиками не было и не могло быть. Переводчикъ излагалъ дѣло такъ, какъ ему нравилось или требовалось, и народъ вскорѣ же убѣдился въ томъ, что *тыльмачъ* всемоушъ, ибо во многихъ случаяхъ рѣшеніе того или другого дѣла зависить отъ того, что и какъ скажетъ этотъ *тыльмачъ*. Давно привыкшій къ продажности ханской администраціи, туземецъ въ самомъ непродолжительномъ времени убѣдился въ меньшей продажности и переводчиковъ, состоявшихъ при нашихъ должностныхъ лицахъ и учрежденіяхъ, и сталъ ихъ подкупать. Многіе переводчики, часто не гнушавшіеся исполненіемъ очень некрасивыхъ порученій своихъ патроновъ, а потому съумѣвшіе занять положеніе нужныхъ людей, съумѣли составить себѣ цѣлыя состоянія.

За этими „нужными“ и для насъ и для туземцевъ людьми вскорѣ установилась столь некрасивая репутация, что званіе переводчика, совмѣщающее въ себѣ представленія о невѣжествѣ, пролазничествѣ и продажности, сдѣлалось почти позорнымъ, и потомъ, много времени спустя, сколько нибудь приличные люди старательно уклонялись не только отъ занятія этихъ должностей, сопряженного съ необходимостью именоваться переводчикомъ, но даже и отъ временнаго, случайнаго исполненія переводческихъ обязанностей.

Удовлетворяясь услугами безусловно негодныхъ переводчиковъ и долгое время не признавая полезности и желательности нашего личнаго ознакомленія съ туземнымъ языкомъ, мы столь же ин-

дифферентно относились и къ изученію окружавшей насъ туземной жизни, гдѣ все почти было намъ и неизвѣстно и непонятно. Поэтому мы очень охотно удовлетворялись готовыми формулами, услужливо преподносившимся самозванными знатоками туземнаго міра, не знавшими ни языка, ни религіи, ни быта, ни исторіи туземца и выдавшими послѣдняго лишь изъ оконъ своихъ квартиръ или канцелярій.

Если у туземца все свѣдѣнія о насъ долгое время не шли дальше увѣренности въ томъ, что отъ всѣхъ русскихъ пахнетъ рыбой, то и мы въ свою очередь тоже долгое время не шли далѣе воспринимавшихся отъ самозванныхъ знатоковъ нелѣпыхъ и зачастую противорѣчивыхъ восклицаній, въ родѣ того, что „все сарты фанатики“! „Сарты весьма добродушны и гостепріимны“! „Сарты невѣроятно скупы и алчны“! „Сарты прекрасные садовники и конюхи“! „Сарты не имѣютъ никакого понятія объ агрономіи и животноводствѣ“! „Сарты чрезвычайно развращенный народъ“! „До нашего прихода сюда сарты не знали ни пьянства, ни проституціи“!

Изо дня въ день повторяя этотъ и подобный ему вздоръ, мы постепенно привыкали къ нему, привыкали думать, что все-таки кое-что знаемъ и смыслимъ, привыкали гнать отъ себя мысль о необходимости болѣе солидныхъ отношеній къ дѣлу и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше запутывались въ хаосъ, возникшемъ на почвѣ нашихъ собственныхъ—невѣжества, малой культурности и самомнѣнія.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, наши отношенія къ туземному міру.

Почти такими же были и тѣ отношенія, которыя на первое время установились у туземцевъ къ намъ.

Съ нами соприкасались, насъ изучали (и, конечно, съ одними лишь чисто практическими цѣлями) чины туземной администраціи, никогда не являвшіе собой сливокъ туземнаго общества, относительно мелкіе торговцы, торгаша, гнавшіеся за скорой и легкой наживой около русскихъ, у которыхъ, какъ это казалось туземцамъ на первое время, денегъ куры не клюютъ, мастеровые и чернорабочіе, бывшіе на первыхъ порахъ такого же мнѣнія о нашемъ чуть не поголовномъ, якобы, богатствѣ. Очень экономные и даже прижимистые въ своей частной жизни, привыкшіе считать свои личные расходы на *чеки* (гроши), туземцы не могли, конечно, на первое время, пока не присмотрѣлись поближе, не удивляться тому, что, напримѣръ, русскій офицеръ, даже въ маленькихъ чинахъ, охотно платилъ 20 к. уличному мальчишкѣ, сартенку, за то, что тотъ держалъ или водилъ его верховую лошадь у крыльца дома или на базарѣ въ теченіе какихъ нибудь 15—20 минутъ.

Впослѣдствіи, когда мнимые богачи начали усиленно дѣлать займы у тѣхъ же туземцевъ, при чемъ не всегда аккуратно уплачивали эти долги, мнѣніе о нашемъ богатствѣ, какъ и вообще мнѣніе о насъ, значительно измѣнилось; но на первое время каждый русскій представлялся туземцу съ двумя большими карманами: одинъ всегда туго набитъ деньгами, а въ другомъ всегда заряженный револьверъ.

Итакъ, вокругъ насъ группировались, насъ окружали, изучали насъ и интересовались нами главнымъ образомъ лишь туземная администрація и торгаша, сомнительные элементы туземнаго общества, которые жадно и настойчиво тянули руки къ власти и къ деньгамъ, къ тому, передъ чѣмъ туземецъ средней руки, не поднявшійся выше уровня

толпы, привыкъ преклоняться въ теченіе длиннаго ряда предшествовавшихъ вѣковъ, когда властная рука ежечасно попирала и божескіе и человѣческіе законы, а деньги, отворяя любую дверь, успѣшно конкурировали съ властью, зачастую сводя ее на нѣтъ.

Все остальное, — туземная интеллигенція, которую выше мы позволили себѣ назвать „*книжниками*“, наиболѣе солидная часть торговаго класса и наибольшая часть земледѣльческаго, лѣстя себя надеждой, что мы скоро уйдемъ отсюда во-свояси, отнюдь не интересовались нами и не только не думали о сближеніи съ завоевателями, но, наоборотъ, упорно сторонились насъ, при чемъ многіе представители этого большинства, съ нескрываемымъ презрѣніемъ относясь къ меньшинству, юлившему около русскихъ, гордились тѣмъ, что ихъ ноги не ступали на территорію русскихъ городовъ, а языки не осквернялись произнесеніемъ словъ языка невѣрныхъ.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за нашимъ приходомъ въ край, между нами или, вѣрнѣе, между нашимъ мѣстнымъ правящимъ классомъ и народомъ образовалась тѣсно сомкнувшаяся вокругъ насъ и разобщившая насъ отъ народа и народной жизни стѣна, составившаяся изъ туземной администраціи, торгашей и переводчиковъ. Народъ сносился съ нами черезъ эту непроницаемую для него стѣну, а мы видѣли глазами, слушали ушами и, къ стыду нашему, думали лукавымъ и хищнымъ умомъ этой живой стѣны, постепенно утоляя ее разными способами.

Въ теченіе эпохи нашихъ завоеваній генералы, штабъ и оберъ-офицеры дѣйствовавшихъ здѣсь нашихъ военныхъ частей превращались въ мѣстныхъ администраторовъ лишь въ силу настоятель-

ной необходимости, за неимѣніемъ другого контингента для замѣщенія административныхъ должностей, при чемъ въ ихъ распоряженіи не было ни необходимыхъ знаній, ни сотрудииковъ, знакомыхъ съ языкомъ, съ бытомъ и съ исторіей туземнаго населенія, жизнь котораго во многихъ отношеніяхъ является собой совсѣмъ особый, оригинальный намъ міръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на каждомъ шагу возникали весьма важные вопросы, разрѣшить которые, за неимѣніемъ необходимыми для того знаніями, не могъ никто изъ тогдашнихъ русскихъ туркестанцевъ. Вмѣсто того, чтобы немедленно же приступить къ возможно широкому и тщательному изученію вновь завоеванной окраины, стали обращаться за совѣтами и указаніями къ тѣмъ изъ туземцевъ, которые, произведя благоприятное впечатлѣніе на то или другое начальствующее лицо, проявляли видимую готовность служить этому лицу. Разумѣется, преслѣдуя при этомъ лишь свои личные цѣли и выгоды, главнымъ же образомъ стремясь захватить въ свои руки вліяніе на народъ, подавляя послѣдній представленіемъ о ихъ дѣйствительной или кажущейся близости къ высшей мѣстной русской власти, а слѣдовательно, и о ихъ могуществѣ, чему въ значительной мѣрѣ способствовала та чрезвычайная, имѣвшая столь же некрасивую, сколь и нелегальную подкладку, щедрость, съ которой даже за самыя сомнительныя заслуги раздавались награды въ видѣ почетныхъ халатовъ, медалей и даже орденовъ.

Въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ послѣ завоеванія Ташкента, мы успѣли своими руками создать многочисленную клику такъ называемыхъ „вліятельныхъ“ или „почетныхъ“ туземцевъ, клику бюрократической (среди туземной администраціи)

и финансовой (главнымъ образомъ среди подрядчиковъ) вновь испеченной аристократіи, недавней шуперы, включительно до мелкихъ лавочниковъ, арбакашей (извозчиковъ) и конюховъ, одѣтыхъ въ почетные халаты и увѣшанныхъ медалями.

Мы своими руками неустанно утолщали эту живую стѣну, уже стоявшую между нами и народной жизнью; мы искусственно плодили клику мошенниковъ, нагло обворовывавшихъ народъ и столь же нагло обманывавшихъ нашу подслѣповатую, глухую, нѣмую и не совсѣмъ чистую на руку администрацію. Мошенниковъ, ловко отводившихъ глаза этой администраціи отъ всего того, что ей слѣдовало бы видѣть и знать.

Всѣ сколько нибудь благомыслящіе и сторонившіеся насъ туземцы покачивали головами, удивляясь слѣпотѣ „невѣрныхъ“ и ихъ неумѣнью или нежеланію отличать бѣлое отъ чернаго; а мы упорно продолжали свое, ибо это намъ нравилось, а для многихъ изъ насъ было даже и выгодно.

Не зная народа, смотря на него глазами окружавшей насъ живой и лживой стѣны, повторяя стереотипы, сочиненные нашими самозванными знатоками туземной жизни и заставляя себя вѣрить въ то, что намъ нравилось, что тѣшило наши невысокіе инстинкты, мы старались увѣрить и себя и другихъ въ томъ, что здѣсь, въ Средней Азіи, гдѣ мы обязаны „высоко держать знамя русскаго дѣла и русскихъ интересовъ“, въ глазахъ „полудикихъ азіатовъ“ нашъ престижъ нельзя поддерживать, не окруживъ себя, представителей русской власти, хотя бы частью той помпы, которой были окружены наши предмѣстники ханскихъ временъ и необходимой деталью которой является *анту-*

ражъ, а лучшимъ матеріаломъ для послѣдняго могутъ служить *почетные* туземцы, одѣтые въ нарядные халаты съ медалями.

Это съ одной стороны.

Съ другой стороны среди той туземной мрази, которая лѣзла къ намъ и всѣмъ, иногда самыми непозволительными способами, до сводничества и осуживанія деньгами, нагло выхваченными изъ на-роднаго кармана, включительно, выслуживалась передъ нами, среди этихъ подонковъ туземнаго общества, чѣмъ дальше находилось все большее и большее число негодяевъ, у которыхъ многіе изъ насъ были въ долгу.

Время отъ времени необходимо было уплачивать хоть части этихъ грѣховныхъ долговъ, дабы не лишиться желанныхъ услугъ, при чемъ простѣйшимъ способомъ такой расплаты оказалось включеніе этихъ и подобныхъ имъ кредиторовъ въ списки, ежегодно представлявшіеся уѣздными начальниками губернаторамъ, а губернаторами генералъ-губернатору, у котораго испрашивали награжденія халатами, медалями и орденами *почетныхъ, вліятельныхъ и полезныхъ* для русскаго дѣла туземцевъ.

Народъ видѣлъ и зналъ все это и, конечно, не могъ одобрительно относиться къ подобнаго рода явленіямъ.

Тѣмъ не менѣе по причинамъ, о которыхъ будетъ упомянуто въ дальнѣйшемъ изложеніи, симпатіи къ намъ значительной части туземнаго населенія долгое время замѣтно возрастали, одновременно съ чѣмъ замѣчалась также и быстрая переменна въ сферѣ взаимныхъ отношеній между мѣстными общественно-политическими фракціями, раньше отличавшимися, какъ объ этомъ было уже упомянуто выше, хроническимъ антагонизмомъ, время отъ

времени обострявшимся подъ вліяніемъ общаго государственнаго неблагоустройства, случайныхъ смутъ и усобицъ, а иногда даже и натравливанія однихъ на другихъ, производившагося съ разными цѣлями тѣми, въ чьихъ рукахъ была власть, что имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Ферганѣ въ правленіе Худояръ-хана, въ отношеніи сартовъ и кипчаковъ.

Вторженіе въ страну завоевателей заставило временно забыть эти старые племенные, политическіе и экономическіе счеты, а особенности постепенно устанавливавшася новаго строя мѣстной жизни подъ фѣрулой русскаго закона и русской власти, предъ лицомъ которыхъ сарты, киргизы, кипчаки и др. являлись въ большей или меньшей мѣрѣ равноправными объектами предержанія, упразднивъ ту почву, на которой возросъ этотъ антагонизмъ былого времени, исключали вмѣстѣ съ тѣмъ и причины его возрожденія.

Такимъ образомъ, завоеваніе нами Туркестанскаго края въ средѣ туземнаго мусульманскаго населенія прежде всего сказалось въ ослабленіи прежняго антагонизма между мѣстными общественно-политическими фракціями, въ примиреніи ихъ между собою, въ крупномъ шагѣ къ объединенію всего мѣстнаго мусульманскаго населенія подъ вліяніемъ иноземнаго владычества.

Но кромѣ этого основнаго импульса, кромѣ, такъ сказать, общей политической бѣды, тому же объединенію мѣстныхъ мусульманъ, вслѣдъ за завоеваніемъ края и его умиротвореніемъ, большую службу сослужили и многія частныя послѣдствія этого умиротворенія. Такъ напримѣръ, многіе изъ торговцевъ—сартовъ, раньше не рѣшавшихся оперировать въ киргизской степи, гдѣ, въ ханскія времена не только ихъ имущества, но даже и са-

мая жизнь были далеко не гарантированы отъ всевозможныхъ случайностей, съ водвореніемъ въ край русской власти и относительнаго порядка начали безбоязненно и все въ большемъ и большемъ числѣ проникать въ эту степь, завязывая широкія личныя знакомства среди киргизскаго населенія и постепенно расширяя здѣсь кругъ своей торговой дѣятельности.

Вслѣдъ за торговцами и часто подъ ихъ покровительствомъ въ ту же умиротворенную киргизскую степь стали все въ большемъ и большемъ числѣ пробираться сарты—книжники въ роли насадителей мусульманскаго благочестія. Они являлись сюда главнымъ образомъ въ качествѣ *имамовъ* (настоятелей) мечетей, школьныхъ учителей и продавцовъ книгъ, при чемъ многіе изъ нихъ, будучи *мюридами* (послушниками, учениками) наиболѣе популярныхъ ишановъ, являлись также и предтечами сихъ послѣднихъ, рекламируя среди киргизъ ученость и благочестіе своихъ патроновъ и подготавливая такимъ образомъ большій или меньшій успѣхъ въ дѣлѣ вербованія новыхъ мюридовъ среди киргизъ при послѣдующихъ личныхъ посѣщеніяхъ степи самими ишанами, которые впоследствии, пользуясь удобствами, возникшими на почвѣ водворенія здѣсь русской власти, прежде всего гарантировавшей относительную неприкосновенность личности и принадлежащаго ей имущества, стали обращать все большее и большее вниманіе на неопитовъ—кочевниковъ, ибо усердіе послѣднихъ, выражавшееся въ щедрыхъ подаркахъ деньгами, скотомъ и даже дѣвушками, дѣлавшимися женами зачастую престарѣлыхъ ишановъ, было неизмѣримо больше усердія сартовъ, давно уже начавшихъ извѣриваться въ ученость, мудрость, безкорыстіе и благочестіе своихъ духовныхъ наставниковъ.

На почвѣ этихъ и подобныхъ имъ новыхъ соотношеній въ сферахъ торговой, промышленной и духовной жизни началъ постепенно таять прежній антагонизмъ, разобщавшій мѣстныя фракціи. Этотъ антагонизмъ постепенно, но относительно довольно быстро началъ уступать мѣсто обратному явленію, возникновенію матеріальныхъ и нравственныхъ узъ (напр., при посредствѣ браковъ), легшихъ въ основаніи постепеннаго духовнаго объединенія всего вообще туземнаго мусульманскаго населенія.

Тѣмъ временемъ смолкли послѣдніе, въ теченіе многихъ лѣтъ неумолкавшіе выстрѣлы, и были написаны и подписаны послѣднія, по обыкновенію напыщенные и раздутыя, реляціи о нашихъ „побѣдахъ“ въ Ферганѣ.

Одновременно съ покореніемъ послѣдней для коренныхъ областей вновь завоеваннаго края прекратился героическій, завоевательный періодъ. Насталъ періодъ гражданскій, за время котораго во всемъ вообще бытѣ туземнаго населенія произошло много крупныхъ перемѣнъ и въ матеріальномъ и въ интеллектуальномъ отношеніяхъ.

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію пережитой населеніемъ интеллектуальной эволюціи, для удобства изслѣдованія и изложенія, мы подраздѣлимъ эту почти тридцатилѣтнюю эпоху на два періода, первый и второй.

Первый періодъ интеллектуальной эволюціи.

Попутно съ водвореніемъ во вновь завоеванномъ край русской власти, здѣсь постепенно, одно за другимъ, начали возникать учрежденія нашихъ различныхъ гражданскихъ вѣдомствъ, функционированіе и житейская практика которыхъ, во первыхъ, знакомили туземцевъ съ основами и особенностями нашихъ гражданственности и культуры, а

во вторыхъ, прямо или косвенно вліяли и на многія сторсны ихъ собственной жизни, что въ концѣ концовъ заставило ихъ отказаться отъ надежды на нашъ добровольный уходъ изъ края и помириться съ мыслью о неизбежности если не сближенія съ нами, то во всякомъ случаѣ совместной жизни подъ туркестанскимъ небомъ.

Наименьшее впечатлѣніе, повидимому, произвело на туземцевъ устройство нашего административно-полицейскаго (или какъ раньше называли *военно народнаго*) управленія, ибо, во первыхъ, территорияльное дѣленіе областей на уѣзды и волости въ большинствѣ случаевъ совпадало съ такимъ же приблизительно дѣленіемъ ханскаго времени, а, во вторыхъ, это новое административное устройство, по крайней мѣрѣ на первое время, и по существу имѣло много общаго съ прошлымъ, такъ какъ главнѣйшія функціи уѣзднаго начальника были очень близки къ функціямъ ханскаго *хакима* (или бека), вслѣдствіе чего туземцы преемственно стали называть и до сего времени называютъ уѣздныхъ начальниковъ *хакимами*.

Неизмѣримо большее впечатлѣніе произвели на туземцевъ такіа учрежденія, какъ почта и телеграфъ, которыми, вслѣдъ за ихъ осуществленіемъ, начали широко и чрезвычайно довѣрчиво пользоваться главнымъ образомъ торговцы.

Туземцы въ буквальномъ смыслѣ слова восторгались той абсолютной быстротой, съ которой оказывалось возможнымъ посылать и получать разнаго рода свѣдѣнія по телеграфу, и той относительной быстротой, съ которой стало возможнымъ доѣзжать до Оренбурга или до Троицка на почтовыхъ.

Когда телеграфныя конторы открывались въ городахъ Ферганы, занятой послѣ двухъ другихъ

областей, мѣстное городское населеніе, въ особенности же торговцы, были уже наслышаны объ этомъ учрежденіи отъ своихъ ташкентскихъ и ходжентскихъ родичей и знакомыхъ. Поэтому въ первые дни существованія здѣшнихъ телеграфныхъ конторъ онѣ работали почти безъ перерыва: туземцы не смотря на свою большую расчетливость, торопились посылать нужныя и ненужныя телеграммы, дабы лично, воочію убѣдиться въ правотѣ дошедшихъ до нихъ слуховъ о той невѣроятной быстротѣ, съ которой русскіе передаютъ всевозможныя свѣдѣнія по своимъ проволокамъ,

Съ меньшимъ удивленіемъ отнеслись туземцы и къ тому факту, что деньги и посылки, довѣрчиво сдаваемые ими совершенно неизвѣстному лицу, какому-то, очевидно, мелкому и бѣдному почтовому чиновнику, не только никогда не пропадаютъ, но, наоборотъ, всегда въ цѣлости доходятъ по назначенію въ очень короткій срокъ.

Эти факты, къ которымъ мы давно присмотрѣлись, на туземцевъ, выросшихъ среди правонарушеній и безчинствъ ханскаго правительства, производили глубокое, неотразимое впечатлѣніе, заставляя ихъ волей неволей признать относительное совершенство нашей машины, нравственную высоту нашего закона и право значительной части русскаго служилаго люда на полное довѣріе.

Эти маленькіе факты изъ жизни такихъ маленькихъ и загнанныхъ учреждений, какъ уѣздныя почтовые и телеграфныя конторы, въ свое время сослужили великую службу русскому дѣлу въ краѣ, приучая туземное общество довѣрчиво относиться къ тѣмъ учрежденіямъ, которымъ народъ ввѣрялъ свои трудовыя деньги и свои документы, при чемъ попутно съ этимъ съ первыхъ же шаговъ водворенія здѣсь нашей гражданственности подготавлился

нравственный и матеріальный успѣхъ и другихъ, въ особенности же финансовыхъ учрежденій, каковы казначейства, банки и проч.

Справедливость требуетъ однако же отмѣтить наряду съ вышесказаннымъ и тотъ фактъ, что несколько туземцы отдавали должное нашимъ почтовымъ учрежденіямъ, являвшимъ собой одинъ изъ первыхъ даровъ или благъ русской гражданственности, постолько жѣ ихъ невольно коробило отъ разнаго рода инцидентовъ на почтовыхъ станціяхъ, куда они являлись въ качествѣ проѣзжающихъ, и послѣ того, какъ высшее начальство многократно старалось увѣрить ихъ, что отнынѣ туземцы такіе же подданные Бѣлаго Царя, какъ и природныя русскіе.

Русскій свободно доѣзжалъ на почтовыхъ отъ Ташкента до Оренбурга въ три недѣли. Сартъ ѣхалъ мѣсяцъ, а то и полтора. Если же необходимость заставляла очень торопиться, то приходилось платить большія деньги почтовымъ старостамъ для того, чтобы находились свободныя лошади.

Впослѣдствіи сарты изыскивали и иной путь спасенія: сартъ подыскивалъ себѣ попутчика, русскаго офицера или чиновника, ѣдущаго по казенной надобности, съ такъ называемой казенной по дорожной. Русскій вносилъ въ это предпріятіе казенную подорожную, къ которой иногда присовокуплялъ и меньшую часть денежныхъ путевыхъ расходовъ; сартъ бралъ на себя или всѣ денежные расходы или большую часть ихъ и тогда ѣхалъ быстро.

Но и этотъ способъ не всегда оказывался удовлетворительнымъ, ибо часто случалось, что русскій тура напивался дорогой и колотилъ своего попутчика.

Если на почтовой станціи, кромѣ проѣзжающихъ сартовъ, никого не было, староста, конечно за должное вознагражденіе, охотно ставилъ имъ самоваръ и оказывалъ обычныя въ этихъ случаяхъ услуги. Но вотъ къ станціи подъѣзжаетъ большой тарантасъ, изъ котораго выходятъ русскій тура, его жена и дѣти. Всѣ они входятъ въ комнату для проѣзжающихъ. Дама имѣетъ усталый видъ, садится на жесткій, обитый кожей диванъ, брезгливо смотритъ на сартовъ и говоритъ что-то старостѣ на своемъ непонятномъ языкѣ. Весьма снисходительный раньше, староста сразу дѣлается очень грубымъ и, не давъ допить чая, гонитъ сартовъ на дворъ, гдѣ послѣ долгихъ размышленій они приходятъ къ убѣжденію, что если высшее начальство старалось увѣрить ихъ въ равноправности съ русскими, какъ подданными Бѣлаго Царя, то, конечно, имѣло къ тому основанія, но что эта равноправность должна разсматриваться лишь какъ теоретическая тенденція, практическое значеніе которой зависитъ въ данномъ случаѣ отъ настроенія русской дамы и почтоваго старосты.

И такъ почти во всемъ, почти на всѣхъ стезяхъ общественной и служебной жизни.

И не смотря на это, сартъ долгое еще время преклонялся предъ совершенствомъ нашей машины и одухотворяющаго ее закона, а попадая въ положенія, подобныя вышеописанному, старался думать, что это не болѣе, какъ случайности, зависящія отъ индивидуальной недоброкачественности тѣхъ или другихъ лицъ.

Какъ ни великъ былъ нравственный успѣхъ такихъ учреждений, какъ почта, телеграфъ и даже нашъ прежній мѣстный дореформенный судъ, отличавшійся многими крупными недочетами, какъ

ни великъ былъ этотъ успѣхъ, въ смыслѣ мирнаго завоеванія симпатій къ намъ среди нѣкоторой части населенія, главнымъ образомъ среди торговаго класса, но апогей этого явленія былъ достигнутъ нѣсколько позже, когда введеніе выборнаго начала и реорганизація податнаго дѣла заставили громадное большинство населенія, весь многочисленный земледѣльческій классъ, открыть, наконецъ, глаза и осмотрѣть насъ болѣе или менѣе пристально и внимательно.

Введеніе выборнаго начала, при которомъ народные судьи, (*кази* у осѣдлыхъ и *би* у кочевниковъ), волостные управители и сельскіе (или аульные) старшины избираются самимъ населеніемъ и лишь утверждаются въ должностяхъ подлежащими чинами русской администраціи, губернаторами и уѣздными начальниками, несомнѣнно, не могло не привлечь къ намъ нѣкоторой доли симпатій многочисленнаго сельскаго, земледѣльческаго класса, ибо безличное, безправное и всѣми обиравшееся при ханскомъ правительствѣ, сельское населеніе получивъ такое крупное гражданское право, какъ право избирательное, гарантирующее ему возможность нѣкотораго участія въ дѣлахъ управленія, воспрянуло духомъ, почувствовавъ подъ собой нѣ которую почву, а внутри себя нѣ которую долю нравственной, гражданской силы. Поэтому оно, не взирая на злобное шипѣнье нашей оппозиціи, книжниковъ, продолжавшихъ упорно сторониться насъ, и не взирая даже на продолжавшееся и продолжающееся обирание народа, не могло не смотрѣть относительно любовно на ту руку, которая дала ему это избирательное право.

Особенно же большое значеніе имѣло введеніе выборной системы для кочевого населенія, гдѣ до того времени общественный бытъ держался на ус-

тояхъ родового начала, при которомъ наиболѣе родовитые и богатые люди держали въ своихъ не всегда чистыхъ рукахъ и матеріальную и юридическую жизнь народа.

Выборное начало нанесло рѣшительный ударъ этому старому порядку вещей, ибо народъ, имѣвшій старые счеты съ родовичами, извѣрившійся въ ихъ готовность служить интересамъ бѣднаго люда и возлагавшій надежды на свою собственную среду, (что, конечно, далеко не всегда оправдывалось), въ этой послѣдней сталъ искать себѣ оффиціальныхъ представителей, весьма часто посту- ✓ паясь при этомъ интересами и *цѣлостностью* рода, которая при новыхъ условіяхъ утратила наибольшую часть своего прежняго практическаго значенія.

Подобные этимъ результаты дало и введеніе податной реформы.

Не смотря на многія шероховатости частныхъ этого дѣла, въ родѣ объѣданія и обирания землемѣрами сельскихъ старшинъ и волостныхъ управителей, которые возстановляли такіа нарушенія ихъ личныхъ бюджетовъ на счетъ народнаго кармана, народъ все-таки видѣлъ въ существѣ этой операции стремленіе русской власти упорядочить ✓ податное устройство, устранивъ изъ него все то, что будучи нежелательнымъ съ точки зрѣнія государственнаго фиска, во многихъ отношеніяхъ являлось вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснительнымъ и для населенія, что имѣло, на примѣръ, мѣсто при хераджной системѣ, когда туземецъ не смѣлъ убрать съ поля обмолоченный и провѣянный уже хлѣбъ, чашто гноя его подъ дождемъ до тѣхъ поръ, пока не явится сборщикъ податей, не обмѣрить *хирмана**)

*) Устраиваемый обыкновенно на нивѣ токъ для молотьбы хлѣба.

и не опредѣлить той части зерна или ея стоимости, которая должна поступить въ казну въ качествѣ хераджной подати.

Это благопріятное для насъ общее первоначальное впечатлѣніе, произведенное на туземное населеніе податной реформой, (по крайней мѣрѣ въ Ферганѣ, гдѣ реформа была введена раньше, чѣмъ въ двухъ остальныхъ областяхъ), въ частности усугублялось тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые изъ уѣздныхъ начальниковъ, въ качествѣ председателей уѣздныхъ поземельно-податныхъ комиссій, стоя на стражѣ интересовъ казны, вмѣстѣ съ тѣмъ проявили несомнѣнную и очевидную для туземцевъ заботливость и объ ихъ интересахъ.

На ряду съ большимъ числомъ стяжателей и грабителей, изъ которыхъ большинство остались безнаказанными, среди представителей русской администраціи было всетаки нѣсколько такихъ, которыхъ народъ чтилъ за недюжинный умъ и за еще болѣе недюжинную душу. Народъ, привыкшій видѣть въ ханскихъ *хакимахъ* притѣснителей и грабителей, не могъ не цѣнить тѣхъ, въ комъ встрѣчалъ противоположныя качества.

Такъ было, напримѣръ, въ Ферганѣ съ П. В. Аверьяновымъ, простота образа жизни и обращенія, доступность, человѣчность, правдивость и безукоризненная честность котораго такъ рѣзко бросались въ глаза населенію, что среди послѣдняго одно время ходили даже слухи о томъ, что онъ *хасиль*, т. е., достигшій одной изъ первыхъ степеней святости, когда человѣкъ пріобрѣтаетъ способность являться во снѣ другимъ людямъ и предупреждать ихъ о грозящей опасности.

Наличности среди администраціи небольшого числа лицъ этого разряда оказывалось достаточнымъ для того, чтобы туземцы временно закрывали

глаза на дѣйствія другихъ, оставаясь при убѣжденіи въ совершенствѣ нашей государственной машины и въ высотѣ нашего закона.

Слѣдуетъ упомянуть также и о томъ, что къ намъ, въ особенности на первыхъ порахъ, въ разныхъ слояхъ туземнаго населенія тяготѣли: значительное число молодежи обоихъ половъ и все тѣ, кому прѣтди мелочныя и малоосмысленныя требованія мѣстнаго мусульманскаго домостроя.

Здѣсь необходимо припомнить въ общихъ чертахъ то, что выше было сказано о строѣ духовно-нравственной жизни туземнаго общества наканунѣ нашего прихода въ край.

Масса людей тяготилась во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно тягостными въ то время условіями жизни: однихъ угнетали непрестанные поборы, безчинства и самоуправство клики правительственныхъ агентовъ; другихъ возмущала наглая продажность казиевъ; третьи не могли безъ содроганія не только видѣть то и дѣло совершавшіяся казни, но даже и слышать о нихъ; четвертые тяготились неизбѣжной тогда необходимостью лицемѣрить въ сферѣ показного выполненія по существу невыполнимыхъ требованій мусульманскаго домостроя, оснащенного вѣками установившимися мѣстными обычаями.

Масса людей тяготилась всеѣмъ этимъ; но мысль, прочно замкнутая въ тиски шаріата и совершенно разобщенная съ жизнью остального міра, долгое время томилась, не находя никакого выхода изъ этого заколдованнаго круга.

Нашъ приходъ въ Среднюю Азію внезапно, неожиданно—негаданно для всего мѣстнаго люда, внесъ крупныя перемѣны въ это положеніе, пробивъ широкія бреши въ толстой стѣнѣ, отдѣлявшей до того времени этотъ полусонный, замкнутый мірокъ

отъ неугомонно-шумнаго міра европейской цивилизации, при чемъ все это отразилось главнымъ образомъ на духовной, интеллектуальной жизни осѣдлаго населенія, сартовъ, ибо та же сфера жизни кочевниковъ, не замкнутая въ тиски шаріата, находилась въ относительно лучшихъ условіяхъ.

Водворяясь во вновь занятомъ краѣ, русская власть была поставлена въ неизбѣжную необходимость ввести большія перемѣны въ сферѣ юридической жизни туземнаго населенія: оставивъ послѣднему такъ называемый *народный* судъ, т. е., судъ казіевъ, рѣшающій дѣла по шаріату осѣдлаго населенія, и судъ біевъ, рѣшающій дѣла по адату у кочевниковъ, русская власть должна была значительно ограничить юрисдикцію этого суда, изъясвъ изъ его вѣдѣнія значительное число уголовныхъ, а частью и гражданскихъ дѣлъ и предоставивъ этому суду карать, согласно шаріата и адата, лишь тѣ право и правонарушенія, которыя наказуемы по силѣ нашего кодекса, и налагать лишь тѣ роды наказаній, которые допущены русскимъ закономъ.

Такимъ образомъ оказались упраздненными *Кази-раисы*, побіеніе камнями, отсѣченіе рукъ, плети, все то, на чемъ при ханскомъ правительствѣ держалось зданіе показной нравственности и показного благочестія, чѣмъ сдерживались порывы такъ называемыхъ общественныхъ темпераментовъ, что заставляло любителей женщинъ, вина и азартныхъ игръ тщательно скрывать свои похождения въ укромныхъ уголкахъ, подъ покровомъ темныхъ ночей.

Какъ только *Кази-раисъ* съ его плетью, нещадно бившей раньше туземца за пьянство, за несоблюденіе поста и за непосѣщеніе мечети, оказался упраздненнымъ, люди съ *темпераментомъ*, уви-

дѣвъ себя свободными и болѣе не наказуемыми, дали волю своимъ вождедѣніемъ.

Мужчины толпами шли въ открывавшіяся нами питейныя заведенія. Женщины и дѣвушки охотно шли на содержаніе къ русскимъ. Въ одномъ изъ городовъ Ферганы, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его занятія нами, дочь бывшаго *Кази-раиса* вступила съ сожителемъ съ русскимъ чиновникомъ. Жены уходили отъ мужей, а дочери отъ родителей и поступали въ дома терпимости, издѣваясь надъ тѣми, кто еще нѣсколько дней тому назадъ могъ вывести ихъ за городъ и побить камнями. Мечети стали пустѣть. Случаи почти нескрываемыхъ нарушеній шаріятныхъ постановленій о постѣ стали встрѣчаться все чаще и чаще. Многие, лишь ради соблюденія приличій за 30—40 коп. брали отъ наиболѣе услужливыхъ и покладистыхъ книжниковъ *риваяты*, выписки изъ статей шаріата, согласно которымъ недержаніе поста, въ виду тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, оказывалось законнымъ. Значеніе и авторитетъ *шановъ*, а равно и значеніе *мадраса*, высшей мусульманской школы, разсадникъ мусульманскихъ знаній и благочестія, начинавшаго тоже замѣтно пустѣть, падали, таяли на глазахъ у всѣхъ.

Такъ праздновали свою свободу наиболѣе свободолюбивые туземцы, носившіе при этомъ внутри себя тотъ или другой *темпераментъ*, ибо такъ же всегда и вездѣ ликовалъ всякій рабъ, почувшій свободу; такъ же или почти такъ же и раньше праздновалъ свою свободу всякій человѣкъ, всякій народъ, котораго умышленно и злонамѣренно заставляли долгое время носить тяжкія, несвойственныя ему нравственныя вериги.

Испаны, книжники, фарисеи, лицемѣры разныхъ возрастовъ и разныхъ общественныхъ поло-

женій, старики и старухи, всё тѣ, кто стоялъ въ рядахъ оппозиціи новому порядку вещей, кляли насъ за *слабость* и излишнюю гуманность нашего закона, недопускающаго ни побіенія камнями, ни отсѣканія рукъ, ни плетей; они кляли насъ за то, что мы, якобы ведемъ народъ по пути невѣрія и безнравственности; за то, что мы, якобы, прививаемъ народу пороки, которыхъ онъ раньше не зналъ, при чемъ всегда тщательно умалчивалось о томъ, что всё эти пороки и раньше имѣли широкое распространеніе, но лишь старательно прятались по разнымъ щелямъ и норамъ отъ каръ, уготованныхъ мѣстнымъ домостроемъ. Они кляли и народъ за то, что онъ, тяготѣя къ *невѣрнымъ*, отступился отъ старины и отъ вѣры отцовъ; они грозили народу гнѣвомъ божіимъ и скорымъ пришествіемъ антихриста (*даджаль*). Но народъ, или по крайней мѣрѣ значительная часть его, ради приличія дѣлая сокрушенный видъ и столь же сокрушенно вздыхая, внутренно хихикали при упоминаніи объ антихристѣ, а всё тѣ, кто праздно-валъ свою свободу, не успѣвъ еще вдоволь наѣшиться ею, бѣжали отъ этой злобной воркотни и отъ всего того, что напоминало ненавистные тиски книжническаго, показнаго благочестія.

Попутно съ этимъ и въ матеріальномъ быту большей части туземнаго населенія происходили крупныя перемѣны, вызванныя нашимъ водвореніемъ въ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ прямо или косвенно увеличивавшія среди туземцевъ число если не руссофиловъ, то во всякомъ случаѣ лицъ, коимъ наше присутствіе здѣсь приносило очевидныя выгоды.

Одновременно съ нашимъ водвореніемъ въ Средней Азіи и впослѣдствіи, по мѣрѣ постоянно продолжавшагося (и понынѣ продолжающагося)

увеличенія численности мѣстнаго русскаго населенія, все большее и большее число туземцевъ находили на рынкѣ труда усиленный спросъ на личный трудъ, находили новые и при томъ усиленно оплачивавшіеся заработки въ качествѣ домашней прислуги, ямщиковъ, извозчиковъ, разносчиковъ разныхъ продуктовъ, а главнымъ образомъ черно-рабочихъ и мастеровъ при устройствѣ быстро, одинъ за другимъ возникавшихъ и постепенно ширившихся русскихъ городовъ, при чемъ черно-рабочій, получавшій до нашего прихода сюда отъ 10 до 15 коп. въ день, сталъ получать отъ 20 до 25 коп., *) плотникъ и штукатуръ съ 30—40 коп. перешли на 60 и даже 80 к., а работникъ (слуга), получавшій до того времени у состоятельнаго сарта 19 руб. (10 *тыллей*) въ годъ съ очень скудными пищей и одеждой, нанимался въ услуженіе къ русскимъ, сталъ получать, тоже при готовой, но болѣе обильной пищѣ, отъ 4 до 7 руб. въ мѣсяцъ.

Появленіе въ краѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ русскихъ войскъ, чиновниковъ и торговцевъ, ничего матеріально не производившихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привыкшихъ къ удовлетворенію, сравнительно съ умѣренными и экономными туземцами, относительно широкихъ потребностей, а потому непрестанно предъявлявшихъ требованія на значительныя количества разнаго рода сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, живности, топлива, фуража, строительныхъ матеріаловъ и т. п., сразу же дало сильный толчекъ расширенію многихъ отраслей туземнаго сельскаго хозяйства, лѣсоводства, садоводства и виноградарства.

Одновременно съ этимъ, благодаря умиротворенію киргизской степи, значительно расширилась,

*) Нынѣ (1905 г.) отъ 80 до 1 р. 20 к.

носившая почти исключительно мѣновой характеръ, торговля между осѣдлымъ и кочевымъ населеніемъ края.

Сарты въ удвоенныхъ и утроенныхъ количествахъ повезли въ степь туземныя матеріи, ватныя одѣяла, халаты, тюбетейки, обувь, ножи, сушеные фрукты и т. п., обмѣнивая все это на скотъ, кожи, грубыя шерстяныя матеріи и кошмы.

Въ Ферганѣ, напримѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ ея завоеванія, замѣчалось значительное усиленіе производства предметовъ, вывозившихся отсюда въ киргизскіе аулы Ауліэатинскаго уѣзда, Сыръ-Дарьинской области, и въ Семирѣчье, пока все это не стало постепенно вытѣсняться такими же предметами русскаго производства.

Развитіе земледѣлія, торговли и отхожихъ промысловъ съ попутнымъ общимъ повышеніемъ цѣнъ на трудъ и на продукты имѣло своимъ прямымъ и немедленнымъ послѣдствіемъ значительное увеличеніе количества денежныхъ знаковъ, обрацавшихся среди населенія, которое, благодаря этому, имѣло возможность, почти повсемѣстно въ краѣ, безнедоимочно уплачивать подати.

Все это выстѣ взятое, не смотря на никогда не прекращавшееся злобное шипѣнье нашей оппозиціи, долгое время, приблизительно до половины восьмидесятыхъ годовъ, служило большую службу русскому дѣлу въ краѣ, постепенно увеличивая въ туземной средѣ число лицъ, сознательно полагавшихъ, что новые, русскіе порядки во многихъ отношеніяхъ лучше прежнихъ, ханскихъ, что общественная безопасность, неприкосновенность личности и имущества, постепенное приобрѣтеніе народомъ разнаго рода полезныхъ практическихъ знаній, благоустроенность сферы юридической жизни населенія, а равно и степень его общаго благосо-

стоянія несомнѣнно возрастаютъ подѣ охраной русскаго закона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ среди туземцевъ начали постепенно выдѣляться и такіе, которые, не ограничиваясь вышеупомянутыми отношеніями спокойнаго, объективнаго одобренія части новыхъ порядковъ, спокойнаго отданія должнаго, пошли дальше и постепенно все болѣе и болѣе увлекаясь воѣмъ русскимъ, стали превращаться въ болѣе или менѣе ярыхъ руссофиловъ.

Толпа сейчасъ же обратила на нихъ вниманіе и заклемила ихъ кличкой *чокунды*, выкrestoвъ.

Одни изъ нихъ тотчасъ же робко и подальше спрятали свое руссофильство; а другіе, какъ напримѣръ, покойный Сатаръ-ханъ Абду Гафаровъ, навсегда попали въ положеніе отщепенцевъ, которые отъ своихъ отстали, а къ чужимъ не пристали, ибо имъ на каждомъ шагѣ приходилось сталкиваться съ той русской дамой и почтовымъ старостой, о которыхъ было упомянуто выше.

Примѣры неудачъ Сатаръ-хана и нѣсколькихъ, немногихъ правда, подобныхъ ему трактовались нашей оппозиціей, какъ примѣры кары небесной за тяготѣніе къ „невѣрнымъ“, какъ блестящія доказательства того, поскольку стоитъ служить этимъ „невѣрнымъ“, которые, щедро награждая халатами и медалями негодяевъ, грабящихъ народъ, оставляютъ умирать съ голоду тѣхъ, кто, подобно преданному псу, служилъ имъ вѣрой и правдой.

Къ этимъ разговорамъ стали присоединяться и другіе, главнымъ образомъ на тему о взяточничествѣ и продажности русскихъ служащихъ лицъ и даже цѣлыхъ учреждений.

Два уѣздныхъ начальника (Н-е и Г-съ) ушли въ Сибирь за казнокрадство и лихоимство. За ними туда же, хотя и по другому дѣлу, ушелъ правитель канцеляріи генераль-губернатора (С-въ). Одинъ изъ военныхъ губернаторовъ (Г-въ), завѣдомо принимавшій дѣятельное участіе въ грязныхъ дѣлахъ казнокрадовъ и грабителей, отдѣлался однимъ лишь увольненіемъ отъ службы только благодаря заступничеству генераль-губернатора и снисходительности Царя.

Масса другихъ, подобныхъ имъ, продолжали тѣ же или подобныя имъ дѣла, оставшіяся безнаказанными.

Одинъ, являясь съ волостными управителями, втихомолку скупалъ у туземцевъ земли по очень выгоднымъ для себя цѣнамъ; другой, принимая *благодарности* отъ богатыхъ туземцевъ за разныя нелегальныя поблажки, строилъ хлопкоочистительныя заводы, куда полицейскіе силой доставляли хлопокъ для очистки; третій, вступивъ въ кампанію съ винодѣломъ, такимъ же путемъ добывалъ виноградъ; четвертый взымалъ мзду съ волостныхъ управителей и съ казѣвъ за *хлопоты* по утвержденію ихъ въ должностяхъ; пятый облагалъ необременительной данью туземныхъ проститутокъ; шестой просто *бралъ*, не специализируясь и не упуская ни одного удобнаго случая; седьмой по дорожной цѣнѣ продавалъ „бездѣйствіе власти“.

Рѣдкаго изъ уѣздныхъ начальниковъ туземецъ могъ видѣть лично, не уплативъ переводчику мзды за устройство такого свиданія.

Оппозиція громко вопіяла по поводу этихъ и подобныхъ имъ темныхъ, грязныхъ сторонъ нашей гражданственности, и многимъ изъ нашихъ сторонниковъ-туземцевъ приходилось, скрѣпя сердце, говорить: „да, къ сожалѣнію, все это правда“.

Народъ видѣлъ и зналъ всѣ эти темныя стороны русской служебной жизни. Одно онъ видѣлъ лично, своими глазами; другое онъ зналъ черезъ посредство окружавшей насъ живой стѣны, которая въ своихъ личныхъ выгодахъ не стѣснялась лгать, за частую умышленно преувеличивая въ глазахъ народа степень продажности нашего служилаго люда, ибо когда народъ обращался къ стѣнѣ съ просьбой устроить то или другое дѣло, стѣна заявляла, что это будетъ стоить очень дорого, потому, что надо дать такому то и такой то, изъ коихъ каждый беретъ не менѣе такой то суммы. Зачастую взяточниками выставались люди, въ этомъ отношеніи безусловно безгрѣшные, что народъ узнавалъ, къ сожалѣнію, очень поздно и совершенно случайно, а иногда и совсѣмъ не узнавалъ.

Окружавшая насъ живая стѣна, почти сплошь состоявшая изъ алчныхъ, наглыхъ и продажныхъ авантюристовъ самаго низкаго разбора, очень скоро убѣдилась въ томъ, что не только цѣной крупной взятки, но даже цѣной хорошаго завтрака съ шампанскимъ можно очень многое купить у многихъ мѣстныхъ представителей русской власти, любящихъ хорошо поѣсть и попить и склонныхъ къ разыгрыванію большихъ баръ, при полномъ почти отсутствіи личныхъ средствъ для удовлетворенія этихъ мелкихъ и грязненькихъ вождѣлѣній.

Выдающимся пионеромъ такого рода проникновеній туземцевъ въ страну продажности многихъ представителей русскаго служилаго люда въ Ташкентѣ въ свое время былъ очень неглупый по своему С-А-бай, за которымъ смѣлыми шагами пошли (и уже не въ одномъ только Ташкентѣ) длинныя вереницы крупныхъ и мелкихъ мошенниковъ, изъ коихъ позже многіе, дойдя до большихъ степеней

виртуозности, добились очень солидных материальных результатов.

Главнейшими причинами большого успеха этих господь были наши распущенность и лживость и наши вождельнія.

Въ то время, какъ туземцы, постепенно освобождаясь подъ охраной русскаго закона отъ ига мѣстнаго древняго домостроя, ревниво охранявшагося ханскимъ правительствомъ, которому это было необходимо во многихъ отношеніяхъ, осматрѣвшись среди новыхъ порядковъ и новыхъ условий жизни и трезво разобравшись въ прежнемъ хаосѣ, постепенно начали изгонять изъ своего быта ненужный хламъ, по существу давно уже превратившійся въ тягостный и зачастую вредный, развращающій толпу пережитокъ, стали добровольно упрощать, а тѣмъ самымъ и удешевлять свою жизнь, добровольно и сознательно отказываясь отъ дорогихъ, украшенныхъ серебромъ и золотомъ конскихъ сбруй, отъ бархатныхъ чепраковъ, отъ многочисленной прежде челяди и другихъ атрибутовъ помпезности, поддерживавшейся и поощрявшейся ханскимъ правительствомъ, мы, руководясь только своими интересами и не желая наблюдать фактовъ народной жизни, продолжали попрежнему утверждать, что для успѣшнаго управленія „полудикими азіатами“ надо производить на нихъ впечатлѣніе, а потому надо по возможности окружать себя нѣкоторой долей блеска, въ чемъ намъ охотно поддакивала окружавшая насъ стѣна, которой всѣ эти затѣи были очень и очень на руку и которая тщательнѣе умалчивала о томъ, что народъ, давно уже познавшій степень личной состоятельности всей этой пыжающейся русской голи и хорошо знающій, откуда берутся средства для разыгрыванія безнравственной комедіи, именуемой „представительностью“,

видить въ послѣдней грубый, балаганный фарсъ, которымъ нынѣ въ туземной средѣ уже нельзя болѣе никого обить съ толку.

Народъ все это видѣлъ, зналъ и понималъ; а типичнѣйшіе и наиболѣе предприимчивые представители окружавшей насъ живой стѣны, увидѣвъ себя хозяевами возникшихъ положеній и соотношеній, плавали во всей этой грязи, какъ рыба въ водѣ. (Намъ дарили ковры, лошадей и экипажи. Насъ осужали деньгами, которыхъ мы по большей части не возвращали обратно. Намъ помогали приобрѣтать по дешевымъ цѣнамъ земли и строить дома).

Между нами и юлившими вокругъ насъ туземными проходимцами возникали интимныя связи, поворныя для русскаго служащаго лица и опутывавшія насъ по рукамъ и по ногамъ, ибо намъ приходилось молчать и изворачиваться, когда, опутавъ насъ въ достаточной мѣрѣ, насъ начинали эксплуатировать, ведя по пути цѣлаго ряда проступковъ и преступленій.

Сдѣлавшись подневольными людьми, запутавшись въ своихъ личныхъ дѣлахъ, тѣсно связанныхъ съ дѣлами и съ интересами купившихъ насъ туземцевъ, мы волей неволей служили и Богу и мамонѣ.

Каждая поѣздка генералъ-губернатора по краю была истязаніемъ для народа; но этого никто не хотѣлъ знать; всѣ въ одинъ голосъ повторяли попрежнему: „надо производить впечатлѣніе на полудикихъ азіатовъ“.

И вотъ этихъ полудикихъ азіатовъ которые во многихъ отношеніяхъ неизмѣримо культурнѣе нашего народа, нашей толпы, въ страдную, рабочую пору надолго отрывали отъ полевыхъ и другихъ хозяйственныхъ работъ.

Однихъ тысячами гнали ровнять и поливать дорогу на всемъ пути слѣдованія начальства; другихъ заставляли одѣваться въ новыя халаты, запасаться провизіей и фуражемъ на нѣсколько дней и гнали на разные пункты по пути слѣдованія, гдѣ эти люди, не успѣвшіе во время полить или убрать своихъ полей, должны были изображать живописныя группы населенія, якобы, съ восторгомъ встрѣчающаго обожаемое имъ начальство. Со всѣхъ же вообще собирали деньги, въ 10—20 разъ больше того, что дѣйствительно требовалось для устройства торжественныхъ встрѣчъ съ арками, съ иллюминаціями, фейерверками и поднесеніемъ хлѣба-соли на дорогахъ блюдахъ.

Народъ злобно подводилъ итоги своимъ недочетамъ; оппозиція вопіяла; мы продолжали безсмысленно гоготать: „надо производить впечатлѣніе на полудикихъ азіатовъ“; губернаторы старались подражать генераль-губернаторамъ уѣздные начальники губернаторамъ, а по стопамъ уѣздныхъ начальниковъ шли ихъ подчиненные.

Бывали случаи, когда послѣ разорительной для населенія поѣздки генераль-губернатора, сопровождавшейся обычно невыгодными для насъ нравственными послѣдствіями, отъ населенія поступали жалобы на поборы; но эти жалобы обыкновенно не имѣли никакихъ послѣдствій. Да и что можно было бы сдѣлать по нимъ? Всѣ очень хорошо знали, что туземная администрація наживается на этихъ триумфахъ отрицательнаго значенія; но что можно предпринять противъ нея, противъ туземной администрации, когда она, въ сущности говоря, лишь творить волю пославшихъ.

Общая сумма неудовольствій противъ насъ начинала замѣтно возрастать, а разговоры о всемъ этомъ среди туземцевъ начинали замѣтно усили-

ваться, когда на выручку намъ явились старательно афишировавшіяся мѣстной (правительственной) туземной газетой извѣстія о нашихъ успѣхахъ во время послѣдней турецкой войны.

Русь одержала верхъ надъ Турціей, о которой тогда наши туземцы не имѣли еще достаточно опредѣленныхъ и вѣрныхъ представленій, но которая считалась ими величайшей и сильнѣйшей мусульманской державой, при чемъ за главой ея, султаномъ, весь мусульманскій міръ суннитскаго толка признавалъ права *халифа*.

Если эти событія не могли свести на нѣтъ невыгодныхъ впечатлѣній вышесказаннаго порядка, то они во всякомъ случаѣ являли собой неопровержимое и очевидное для туземцевъ того времени доказательство государственной мощи Россіи и совершенства устройства ея государственной машины, что въ свою очередь поддерживало во многихъ туземцахъ раньше сложившіяся отношенія къ дѣлу, т. е., ихъ мнѣніе о совершенствѣ основъ и о неудовлетворительности лишь нѣкоторыхъ деталей.

Тѣмъ временемъ мѣстная жизнь подъ вліяніемъ сильнаго толчка, произведеннаго нашимъ приходомъ въ край, шла все впередъ и впередъ, внося въ разные углы туземного быта струи все новыхъ и новыхъ теченій. Попутно съ развитіемъ внутренней и внѣшней торговли, съ постепеннымъ усовершенствованіемъ путей и способовъ сообщенія, съ расширеніемъ хлопковаго дѣла и съ постепеннымъ увеличеніемъ среди туземцевъ числа лицъ, усвоивавшихъ практическое знаніе русскаго языка, (въ чемъ мы значительно отстали отъ нихъ), раньше крайне малоподвижные туземцы стали все чаще и все охотнѣе предпринимать, съ торговыми цѣлями, поѣздки не только по обширному Турке-

станскому краю, но даже и далеко за его предѣлы, во внутреннія губерніи Россіи, главнымъ образомъ въ Нижній-Новгородъ, въ Москву, Одессу, Харьковъ и въ Петербургъ.

На первое время туземцы, попадавшіе въ Европейскую Россію, повидимому, очень слабо ориентировались и разбирались въ хаосъ массы совершенно новыхъ и непривычныхъ для нихъ впечатлѣній. Въ то время отъ туземцевъ, вернувшихся изъ Россіи, на вопросъ о томъ, что они видѣли тамъ, часто можно было слышать очень наивные отвѣты: „ѣхали безъ конца; много земли у Бѣлаго Царя; и городовъ много. Войскъ тоже много; въ каждомъ городѣ войска. Хорошихъ лошадей много видѣли, особенно въ Петербургѣ у военныхъ. Въ городахъ дома большіе, не такіе какъ въ Ташкентѣ и въ Самаркандѣ. А еще видѣли какихъ-то громадныхъ собакъ“.

Однако же такая *sancta simplicitas* продолжалась очень недолго. Вскорѣ же сарты присмотрѣлись къ очень многимъ новинкамъ и довольно быстро начали разбираться въ прежнемъ хаосѣ первыхъ, смутныхъ, почти безформенныхъ впечатлѣній.

Прежде всего за время этихъ поѣздокъ они весьма основательно ознакомились съ вексельнымъ правомъ. Затѣмъ узнали, что такое сенатъ и какое они могутъ имѣть касательство къ этому учрежденію. Въ точности опредѣлили, гдѣ и въ какое время наиболѣе успѣшно сбываются ихъ товары. Вполнѣ обстоятельно выяснили, что разнаго рода увеселительныя заведенія въ Петербургѣ и Одессѣ обставлены лучше, чѣмъ въ Москвѣ и въ Нижнемъ. Приняли къ убѣжденію, что во внутренней Россіи взятки берутъ совершенно такъ же, какъ и въ Туркестанѣ. Рѣшили при первой же возможно-

сти пробраться за границу, при чемъ начали очень лукаво спрашивать, вѣрно ли, что русское государство сильнѣе нѣмецкаго, и почему русскіе не умѣютъ выдѣлывать кожъ такъ же хорошо, какъ англичане.

Возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ по Европейской Россіи, съ которой они знакомились все ближе, пытливо заглядывая въ укромные, интимные уголки тамошней жизни, туземцы, осторожно умалчивая о своихъ шалостяхъ и похожденияхъ, охотно дѣлились съ соплеменниками всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ на Руси, давая въ руки нашихъ недоброжелателей все большее и большее количество доказательствъ того, что нѣтъ причинъ особенно увлекаться русской жизнью и умиляться передъ русскими порядками.

Весьма неблагоприятное впечатлѣніе произвели рассказы о русскомъ простонародѣ, о такъ называемыхъ *муджукахъ* (мужики), съ которыми значительной части туземцевъ вскорѣ же пришлось познакомиться на мѣстѣ, въ Туркестанѣ, и при обстоятельствахъ, не способствовавшихъ установленію дружескихъ соотношеній.

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Сыр-Дарьинской области администрація усиленно занялась русской колонизаціей, устройствомъ русскихъ крестьянскихъ поселковъ, при чемъ однако же вся обстановка этого дѣла отнюдь не гарантировала сколько нибудь солиднаго успѣха.

Для каждого тогда уже было ясно, что наши государственные интересы въ Средней Азіи не могутъ удовлетвориться однимъ только завоеваніемъ этихъ окраинъ силою оружія; что возможныя, а частью даже и несомнѣнныя перспективы будущаго настоятельно требуютъ также и мирнаго, этнографическаго завоеванія, между прочимъ, путемъ осу-

ищественія здѣсь широкой и удовлетворяющей дѣйствительнымъ мѣстнымъ потребностямъ русской колонизаціи.

Къ этимъ теоретическимъ соображеніямъ, какъ это часто случается, присоединились и чисто личные побужденія, — у высшихъ чиновъ въ видѣ погонѣ за реномэ опытныхъ и дѣятельныхъ администраторовъ, а у низшихъ въ видѣ сокровенныхъ расчетовъ на получение чина, ордена или повышенія по службѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ни свободныхъ орошенныхъ земель, пригодныхъ для устройства на нихъ поселковъ, ни сколько нибудь подходящаго переселенческаго контингента въ распоряженіи администраціи не было; было лишь неутомное желаніе, непреклонное рѣшеніе во чтобы то ни стало, какой бы то ни было цѣной добиться устройства хотя бы нѣсколькихъ поселковъ.

Въ концѣ концовъ все это удалось кое-какъ устроить при посредствѣ услужливости и расторопности „вліятельныхъ“ туземцевъ съ одной стороны и русской уѣздной администраціи съ другой. Официально значилось, что у туземнаго населенія нашлись „излишнія“ для него земли, которыя, якобы „съ согласія“ этого населенія, оказалось возможнымъ „изъять изъ его пользованія, не причинивъ ущерба хозяйству“ и платежной способности владѣльцевъ этихъ земель, на каковыхъ земляхъ и водворены переселенцы, пожелавшіе „навсегда водвориться въ край“.

Въ дѣйствительности же дѣло обстоило совсѣмъ иначе. Земли насильственно отбирались у туземнаго населенія вопреки прямымъ указаніямъ подлежащихъ статей закона, а устраивалась на нихъ бродячая Русь, давно уже оторвавшаяся отъ своей собственной земли, побывавшая на Дону, въ Но-

вороссіи, въ Сибири и въ Семпрѣчьи, давно привыкшая къ скитаніямъ, нигдѣ не могшая прочно осѣсть и прикрѣпиться къ новой землѣ, ибо въ безконечныхъ поискахъ сказочныхъ палестинъ съ молочными рѣками весь этотъ людъ привыкъ съ большой легкостью бросать малонасѣженные мѣста при первомъ слухѣ о возможности получить новые земельные надѣлы и новыя денежныя пособія. Получивъ здѣсь большіе земельные надѣлы (свыше 10 десятинъ орошеннаго лесса), это бродячая Русь, оказавшаяся въ земледѣльческомъ отношеніи стоящей на неизмѣримо низшей ступени культурности, чѣмъ осѣдлый туземецъ, частью опять стала разбредаться, а частью стала сдавать свои земли въ аренду тѣмъ же туземцамъ, у которыхъ были отняты эти земли, предпочитая земледѣльческому труду иные, болѣе легкіе и болѣе доходные заработки.

Врядъ-ли нужно распространяться о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на туземцевъ рядъ этихъ колонизаторскихъ предпріятій (впослѣдствіи во всѣхъ трехъ коренныхъ областяхъ), отнюдь не сослужившихъ никакой хорошей, полезной службы русскому дѣлу въ край, но прибавившихъ много новыхъ и мрачныхъ строкъ въ томъ скорбномъ листѣ, который методично велся и ведется народной памятью, при чемъ въ народный умъ и въ народную душу начали все глубже и глубже проникать сомнѣнія въ правдивости и искренности заявленій мѣстной власти о гражданской равноправности туземцевъ и русскихъ и о непрестанныхъ, якобы, попеченіяхъ этой власти о нуждахъ туземнаго населенія.

При такого рода обстоятельствахъ народилось новое явленіе мѣстной жизни, попытка возможно широкаго распространенія среди туземцевъ знаній

русского языка, русской грамоты и др. предметов нашего школьного преподавания, при чемъ за этой официальной, гласной вывѣской прятались смутныя и тщательно маскировавшіяся негласныя надежды на возможность русификаціи туземнаго населенія, надежды, впоследствии оказавшіяся безусловно несбыточными.

Это происходило въ то время, когда большинство интеллигентныхъ русскихъ людей, интересовавшихся жизнью нашихъ инородческихъ окраинъ, съ искреннимъ убѣжденіемъ и съ несокрушимой вѣрой въ ихъ непреложность, повторяли слова бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого: „одной изъ величайшихъ государственныхъ задачъ Россіи является распространеніе знаній государственнаго языка среди населенія инородческихъ окраинъ“.

За спиной этихъ словъ стояли надежды на возможность русификаціи инородцевъ путемъ распространенія среди нихъ знаній русскаго языка, надежды, несбыточность которыхъ въ то время большинствомъ считалась невозможной и невѣроятной.

Лѣтомъ 1884 года генералъ Розенбахъ, тогда только что назначенный на должность туркестанскаго генералъ-губернатора, собралъ въ Ташкентѣ особую *секретную* комиссію, на которую возложилъ выясненіе вопроса о томъ что нужно и можно предпринять въ сферѣ интеллектуальной жизни туземнаго населенія. Въ составъ комиссіи вошло нѣсколько лицъ, бывшихъ уже въ достаточной мѣрѣ знакомыми съ языкомъ туземнаго населенія, съ его бытомъ, религіей и міровоззрѣніемъ.

Эти члены комиссіи заявили, что знакомство съ народной жизнью и съ исламомъ заставляеть очень умѣренно и осторожно относиться къ надеждамъ на возможность успѣшной русификаціи ту-

земнаго населенія, въ особенности сартовъ, ибо до тѣхъ поръ, пока они останутся мусульманами, они врядъ ли могутъ обрусѣть, при чемъ не можетъ быть даже и разговора объ обращеніи ихъ въ христіанство, ибо одно только допущеніе къ край миссіонеровъ неизбежно повлекло бы за собой самыя нежелательныя затрудненія, не давъ никакихъ солидныхъ положительныхъ результатовъ, потому что исламъ, какъ религія, очень жизнеспособенъ и устойчивъ въ силу своей большой приспособленности къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ народовъ, стоящихъ на той ступени развитія, на которой стоятъ наши туземцы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣруя въ непреложность словъ графа Толстого въ ихъ прямомъ значеніи и имѣя въ виду наличность среди мѣстнаго населенія значительнаго числа лицъ, нами интересовавшихся и намъ симпатизировавшихъ, комиссія признала желательнымъ и полезнымъ приступить къ распространенію среди населенія знаній русскаго языка и *общеобразовательныхъ* предметовъ преподаванія въ надеждѣ, что это можетъ служить постепенному интеллектуальному сближенію съ нами туземцевъ и къ устраненію предубѣжденія противъ насъ, какъ завоевателей и инновѣрцевъ. Начать же первые опыты распространенія упомянутыхъ знаній, по мнѣнію названныхъ членовъ комиссіи, слѣдовало бы, подыскавъ подходящихъ лицъ, знакомыхъ съ языкомъ и бытомъ населенія, не въ низшей, а въ высшей туземной школѣ, въ *мадраса*, которое продолжало въ значительной мѣрѣ вліять на камертонъ духовной жизни туземнаго общества.

Съ точки зрѣнія закона это представлялось тѣмъ болѣе удобоисполнимымъ, что съ 17 мая 1875 года всѣ инородческія школы края *de jure* нахо-

дился въ вѣдѣніи мѣстныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. (De facto этотъ законъ по разнымъ причинамъ до 1891 года оставался неосуществленнымъ). Въ духъ вышеприведенныхъ мнѣній членовъ коммисіи былъ составленъ и протоколъ засѣданій, къ которому были приложены три особыхъ записки: о бытѣ осѣдлаго населенія, о бытѣ кочевого населенія и объ исламѣ, какъ о теократическомъ кодексѣ.

Генералъ-губернаторъ, опасаясь проявленія неудовольствія со стороны туземнаго населенія, не рѣшился произвести опытъ ввода русскаго учителя въ туземную школу, а потому обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учрежденіи (согласно вышеупомянутому закону) должности особаго инспектора для завѣдыванія туземными мусульманскими школами края съ просьбой о разрѣшеніи приступить къ постепенному открытію во всѣхъ областяхъ края особыхъ начальныхъ русско-туземныхъ школъ, съ двумя учителями, русскимъ и туземнымъ.

Первая русско-туземная школа была открыта въ Ташкентѣ 19 декабря 1884 года при обстоятельствахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особливо благоприятныхъ.

Хлопоты по „привлеченію“ дѣтей въ открывавшуюся школу были возложены генералъ-губернаторомъ на городскую полицію, знавшую о непреклонномъ рѣшеніи начальства открыть школу и понимавшую также, что по доброй волѣ никто изъ туземцевъ дѣтей не отдастъ.

Полиція оказалась въ весьма затруднительномъ положеніи, но вышла изъ него, сверхъ ожиданій, самымъ блестящимъ образомъ, обративъ вниманіе на туземное купечество, всегда зависимое отъ полиціи, трусливое и податливое. (Въ старое вре-

мя сарты говорили: „саудагаръ, халкы лманѣ, куркакъ, буладуръ“, т. е., „купечество народъ очень робкій. Теперь времена перемѣнились“.

Гдѣ уговорами и упрашиваніями, гдѣ угрозами, а гдѣ обѣщаніями невѣроятныхъ благъ, ожидаемыхъ отъ обученія въ новой школѣ, полиціи удалось ко дню открытія школы набрать 41-го мальчика въ средѣ наиболѣе состоятельнаго купечества, уже приходившаго тогда въ соприкосновеніе съ русскими.

Изъ школьной обстановки, кромѣ классной доски, русскихъ азбукъ и тетралей, было исключено все русское. Дѣти, а съ ними и русскій учитель сидѣли на полу, на коврикахъ. Родителямъ было объявлено, что они могутъ во всякое время посѣщать школу и присутствовать на урокахъ.

На открытіи школы присутствовали мѣстный губернаторъ, заявившій туземцамъ, что открытіе этой школы есть новое доказательство непрестанныхъ заботъ русской власти о нуждахъ туземнаго населенія, которому необходимо выйти изъ зависимости отъ не всегда добросовѣстныхъ переводчиковъ и имѣть возможность непосредственно пользоваться услугами такихъ русскихъ учреждений, какъ печать, телеграфъ и проч., при чемъ ихъ дѣти, по успѣшномъ окончаніи курса въ школѣ, могутъ рассчитывать на предпочтительное полученіе должностей волостныхъ управителей, арыкъ-аксакаловъ (завѣдывающихъ ирригаціонными каналами, арыками, и распределеніемъ воды между населеніемъ) и (даже) казіевъ.

Туземцы дѣланно улыбались, кланялись, говорили, что они не знаютъ, какъ благодарить правительство и мѣстную власть за непрестанныя заботы о нихъ самихъ и ихъ дѣтяхъ, но въ дѣйствительности ничему изъ сказаннаго не вѣрили и дол-

гое время не могли рѣшить вопроса о томъ, зачѣмъ открыта эта новая и врядъ-ли необходимая для населенія школа. Одни высказывали предположеніе, что дѣтей здѣсь будутъ готовить въ солдаты; другіе полагали, что это не болѣе, какъ праздная выдумка людей, получающихъ хорошіе оклады и ничѣмъ серьезнымъ не занятыхъ; третьи утверждали, что школа кому то и зачѣмъ-то нужна, но зачѣмъ, пока трудно узнать, ибо держится генераль-губернаторомъ въ строжайшемъ секретѣ.

Осенью слѣдующаго 1885 года были открыты еще двѣ школы: въ селеніяхъ Пскентъ и Чиназъ, Ташкентскаго уѣзда.

Здѣсь дѣло пошло совсѣмъ иначе.

Сельское населеніе, видящее въ подросткахъ прежде всего рабочую силу, не признающее необходимости для своихъ дѣтей поголовнаго знанія ими не только русской, но даже и своей грамоты, наотрѣзъ отказывалось отдавать своихъ дѣтей въ новыя русскія школы. Не хотѣли отдавать ихъ сюда и чины туземной администраціи и „почетные, вліятельные“ туземцы.

Часть дѣтей (было приказано доставить ихъ въ опредѣленномъ количествѣ, насколько помнится не менѣе 20 душъ) была насильственно взята у разной мелкоты, находившейся въ личной зависимости отъ волостныхъ управителей и сельскихъ старшинъ; другую часть наняли у бѣднѣйшаго населенія, обѣщая давать каждому мальчику полную туземную обмундировку и уплачивать родителямъ за cadaго отъ 20 до 30 рублей въ годъ.

Въ Пскентѣ открытіе школы состоялось въ присутствіи губернатора.

Рано утромъ собрали попраздничному отдѣльныхъ дѣтей. У нѣкоторыхъ губы отъ страха побѣлѣли и дрожали. Но вскорѣ же мальчики обош-

лись, стали играть въ бабки и даже затѣяли драки. У воротъ и дверей стояли джигиты волостного управителя, опасавшагося, что въ критическій моментъ дѣти разбѣгутся.

На плоскихъ крышахъ домовъ, сосѣднихъ съ помѣщеніемъ школы, сидѣло нѣсколько сотъ туземныхъ женщинъ, закрытыхъ по обыкновенію, покрывалами.

Пріѣхалъ губернаторъ. Его тотчасъ-же окружила живая стѣна услужливыхъ приспѣшниковъ. Не успѣли послѣдніе разинуть рта, дабы начать свои обычные увѣренія въ преданности населенія, въ его неизрѣченной благодарности и т. д. какъ на крышахъ поднялся невѣроятный вой: сартянки, матери, сестры, бабушки и знакомыя будущихъ знатоковъ русскаго языка голосили, причитывая о нихъ, какъ о покойникахъ. Губернаторъ былъ очень смущенъ, ибо оказался въ крайне двусмысленномъ положеніи; но джигиты быстро разогнали бабъ и „порядокъ“ былъ восстановленъ.

Деньги, требовавшіяся для найма учениковъ для русско-туземной школы были, въ видѣ особаго негласнаго налога, собраны волостнымъ управителемъ и сельскими старшинами со всѣхъ домовъ селенія въ размѣрѣ, много разъ превышавшемъ дѣйствительную потребность, что оказалось весьма удобнымъ для представителей туземной администраціи тѣмъ болѣе, что за нѣкоторыхъ нанятыхъ мальчиковъ, какъ это выяснилось впослѣдствіи, не было уплачено родителямъ условленной платы.

Столь прибыльные обстоятельства обратили на себя обычно алчное вниманіе волостныхъ управителей въ Тойтубе, въ Каризѣ, въ Тилляу, въ Аблыкѣ. (Селенія Ташкентскаго уѣзда). Ранней весной слѣдующаго 1886 года уѣздный начальникъ (полковникъ А.—ъ) началъ усиленно заявлять гу-

бернатору, что „ему нѣтъ покоя отъ туземцевъ, которые черезъ волостныхъ управителей настойчиво требуютъ открытія школъ“ чуть не во всѣхъ волостяхъ уѣзда*).

Начальство, отлично знавшее, въ чемъ заключаются суть и причина такого рвенія, дѣлало видъ, что оно вѣритъ этимъ заявленіямъ, и продолжало открывать школы при тѣхъ же, вышеизложенныхъ условіяхъ.

Въ Петербургъ писалось, что населеніе чуть не ломится въ школы; что если будутъ даны денежныя средства, то весь Туркестанскій край въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ покрытъ цѣлою сѣтью сихъ полезнѣйшихъ учрежденій, практическіе успѣхи которыхъ не оставляютъ желать ничего лучшаго.

А на самомъ дѣлѣ результаты 2—3 лѣтней практики этихъ школъ, по крайней мѣрѣ результаты нравственные были очень скверны.

Уѣздная администрація, въ угоду генераль-губернатору и учебному начальству, которые, написавъ въ Петербургъ много лишняго и несоотвѣтствовавшаго дѣйствительности, находились въ весьма некрасивомъ положеніи, отдавала соотвѣтствующія, по части доставленія въ школы учениковъ, приказанія волостнымъ управителямъ. Волостные управители, пользуясь столь удобнымъ случаемъ и столь доходной статьей, грабили народъ. Родители нанятыхъ учениковъ роптали на неплатежъ обѣщанныхъ денегъ. Ученики разбѣгались изъ школъ. Учебное начальство жало учителей, обвиняя ихъ въ неумѣнн интересовать туземныхъ дѣтей, привлечь ихъ въ школу и заставить полюбить эту послѣднюю. Учителя по необходимости обращались

*) Черезъ годъ или два послѣ этого названный уѣздный начальникъ долженъ былъ оставить службу, такъ какъ былъ уличенъ въ очень некрасивыхъ дѣлахъ.

къ администраціи съ просьбами согнать сартятъ въ школы. Администрація, въ свою очередь, заявляла, что при открытіи школъ она на вербовала указанное ей начальствомъ число учениковъ, а дальнѣйшее удержаніе ихъ въ школѣ и наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не разбѣгались—дѣло учителей, а не уѣздной администраціи.

Въ 1887 году лицу, ревизовавшему русско-туземныя школы Ташкентскаго уѣзда было подано туземцами нѣсколько прошеній съ жалобами на дѣйствія туземной администраціи. Разслѣдованіемъ на мѣстѣ было выяснено, что ученики нанимаются; что населеніе облагается незаконными поборами; что туземная администрація, обворовывая народъ, часто не платитъ родителямъ за нанятыхъ учениковъ.

Но когда все это было доложено генераль-губернатору, онъ выразилъ неудовольствіе по поводу возбужденія столь непріятнаго дѣла, противорѣчавшаго всему тому, что уже было написано въ Петербургъ, и замаялъ это дѣло, передавъ его для *переразслѣдованія* уѣздному начальнику, одному изъ главныхъ виновниковъ всѣхъ этихъ безобразій, въ рукахъ котораго все оказалось, якобы, благополучнымъ.

Насколько же въ дѣйствительности дѣло обстоило неблагополучно, явствуетъ изъ того, что въ самомъ непродолжительномъ времени, во избѣжаніе сугубыхъ скандаловъ, пришлось упразднить школы въ Аблыкѣ, въ Тилляу и въ Каризѣ и перевести ихъ въ уѣздные города.

Все это и подобное этому, къ вѣщему соблазну туземнаго населенія, не находившаго никакихъ оправданій такимъ дѣйствіямъ русской власти, долгое время продолжало совершаться во всѣхъ трехъ областяхъ края. И въ настоящее время ник-

то не можетъ съ увѣренностью сказать, что это не продолжается мѣстами и понынѣ.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы принялись за осуществленіе проекта — покрыть край цѣлой сѣтью полезнѣйшихъ учрежденій, именуемыхъ русско-туземными школами.

Много грязнаго и безнравственнаго было сдѣлано на этомъ поприщѣ если не нашими руками, то во всякомъ случаѣ съ нашего вѣдома.

Какую же пользу принесли въ теченіе 20 лѣтъ нѣсколько десятковъ этихъ школъ русскому дѣлу въ край и туземному обществу, много заплатившему за эту затѣю?

Въ теченіе 20 лѣтъ черезъ эти школы прошло нѣсколько тысячъ туземныхъ мальчиковъ. Часть ихъ разбѣгалась и разбѣгается, не кончивъ курса и не унося изъ школы никакихъ знаній. Другая, меньшая часть, усвоивъ кое что, кромѣ русской рѣчи, быстро и невозвратно забываетъ все воспринятое, ибо по роду, по образу своей жизни почти не соприкасается съ русскимъ людомъ. Лишь наименьшая часть эксплуатируетъ усвоенныя знанія русскаго языка и ариметики въ качествѣ торговцевъ мелкой и средней руки.

Что-же выиграли мы, что выиграли туземцы отъ того, что въ теченіе 20 лѣтъ на туземныхъ базарахъ появлялось нѣсколько десятковъ или даже сотенъ лишнихъ лавочниковъ, знающихъ русскій языкъ? И можетъ ли этотъ фактъ имѣть не только государственное, но даже и сколько нибудь серьезное общественное значеніе?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, проанализируйте тщательно міровоззрѣніе этихъ бывшихъ учениковъ русско-туземныхъ школъ, прослѣдите ихъ инстинкты, вкусы, стремленія и вожденія, и вы увидите, что они ничѣмъ не выдѣляются изъ окружающаго ихъ

туземнаго общества, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ туземцевъ, которые научились тому-же русскому языку не въ школѣ, а, такъ сказать, на улицѣ.

Конецъ восьмидесятыхъ годовъ ознаменовался открытіемъ правильнаго движенія по Закаспійской желѣзной дорогѣ и былъ началомъ второй половины или второго періода изслѣдуемой нами эволюціи.

Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого второго періода, попробуемъ подвести нравственные и интеллектуальные итоги перваго и начнемъ съ матеріальной стороны туземнаго быта, которую невозможно игнорировать, ибо всегда и вездѣ она находится въ самой непосредственной, въ самой тѣсной связи съ сферой духовной жизни и отдѣльнаго лица, и цѣлаго общества.

Въ зависимости отъ умиротворенія края, послѣ чего прекратились непрестанныя прежде усобицы, всегда почти сопровождавшіяся гребезомъ, при которомъ значительная часть частныхъ лицъ безвозвратно лишалась своего имущества, въ зависимости отъ повышенія цѣнъ на продукты, производимыя мѣстнымъ сельскимъ хозяйствомъ, отъ нѣкотораго уширенія общей площади орошенной и воздѣлываемой земли и значительнаго усиленія интенсивности хозяйства, отъ повышенія цѣнъ на личный трудъ и на произведенія мѣстной кустарной промышленности, отъ усовершенствованія путей и способовъ сообщенія, вмѣстѣ съ умиротвореніемъ края, давшимъ толчекъ значительному расширенію торговли, благосостояніе осѣдлаго населенія въ общемъ, несомнѣнно, возрасло, что, разумѣется, не исключало одновременнаго съ этимъ увеличенія численности пролетаріата, особенно городского, вслѣдствіе обычной неравномѣрности рас-

предѣленія возраставшаго народнаго благосостоянія и что начало особенно сильно сказываться по мѣрѣ развитія въ край торговли вообще и хлопковаго дѣла въ частности, постепенно сосредоточивавшихъ значительные капиталы въ рукахъ небольшого сравнительно числа лицъ.

Нѣсколько иначе обстояли дѣла кочевого населенія.

Попутно съ значительнымъ увеличеніемъ общей численности населенія края*) и съ значительнымъ, почти повсемѣстнымъ расширеніемъ земледѣлія, сопровождавшагося во многихъ мѣстностяхъ постепеннымъ осѣданіемъ части кочевниковъ, постепенно же обращающихся изъ скотоводовъ въ земледѣльцевъ, пастбищныя угодья стѣснялись все болѣе и болѣе; скотъ по прежней многовѣковой привычкѣ его хозяевъ круглый годъ оставался на подножномъ корму; фуражъ въ зимнее время не заготавливался. Поэтому скотоводство замѣтно приходило въ упадокъ, а благосостояніе той части населенія, которая жила главнымъ образомъ доходами отъ скотоводческаго хозяйства, замѣтно уменьшалось.

Косвеннымъ образомъ на увеличеніе благосостоянія осѣдлаго населенія вліяли и нѣкоторыя явленія въ сферѣ его умственной жизни, а именно: критическія отношенія къ режиму ханскаго времени и къ образу жизни русскою интеллигенціи и русскаго правящаго класса, а равно и постепенно

*) Русское населеніе края увеличивалось (и продолжаетъ увеличиваться) какъ путемъ естественнаго прироста, такъ равно и вслѣдствіе постояннаго прилива въ край все новыхъ и новыхъ лицъ.

То же происходило и въ отношеніи туземнаго населенія, ибо изъ сосѣднихъ ханствъ непрестанно шелъ въ наши предѣлы весь тотъ людъ, который искалъ тишины, спокойствія, неприкосновенности личности и имущества подъ охраной русскаго закона.

укоренявшійся индифферентизмъ въ отношеніи религіи и религіознаго ритуала.

Вспоминая режимъ стараго времени и сопоставляя бытовые явленія этого прошлаго съ настоящимъ, туземцы постепенно стали приходить къ убѣжденію, что и въ прошломъ и въ настоящемъ было и есть много лишняго, не только ненужнаго, но даже и вреднаго, не приносящаго человѣку ни пользы, ни удобствъ, но создающаго массу quasi—потребностей, для легальнаго удовлетворенія которыхъ у большинства людей не можетъ быть личныхъ законныхъ средствъ, а потому поскольку нелѣпо создавать эти quasi—потребности въ ущербъ равновѣсія своего бюджета и благосостоянія, постольку же безнравственно и практиковать удовлетвореніе этихъ затѣй, вводя въ соблазнъ завистливыхъ, умственно ограниченныхъ и слабохарактерныхъ людей.

Эти и подобныя имъ соображенія заставили нѣкоторыхъ туземцевъ, никогда не читавшихъ Толстого, придти къ заключенію о необходимости *отроститься*, т. е., по возможности изгнать изъ своей житейской обстановки все то, что, не принося ни пользы, ни практичныхъ удобствъ, требуетъ относительно большихъ расходовъ.

Раньше каждый туземецъ, занимавшій сколько нибудь солидное общественное положеніе, передвигался, въ особенности въ городѣ, не иначе, какъ верхомъ, при малѣйшей къ тому возможности на хорошей лошади, съ дорогой сбруей и съ сопровожденіемъ нѣсколькихъ слугъ или домочадцевъ. При этомъ долгое время ѣзда въ русскихъ экипажахъ, въ особенности среди книжниковъ, считалась ересью и неприличіемъ. Никто изъ нихъ долгое время не рѣшался проѣхать по городу на русскомъ извоз-

чикъ такъ же, какъ никто изъ насъ не рѣшиться пройти по улицѣ въ одномъ бѣльѣ, не взирая на то, что на нашихъ глазахъ и на глазахъ нашихъ женщинъ масса туземцевъ лѣтомъ не носятъ ничего, кромѣ бѣлья, зачастую ограничиваясь во время тяжелой работы одними штанами.

Но время продолжало идти, а туземцы продолжали думать и разбираться въ впечатлѣнiяхъ, вызывавшихся явленiями новой жизни, неустанно и своевольно ломавшей многія части зданiя мѣстнаго домостроя.

Сначала наиболѣе рѣшительные и самобытные, а за ними и многіе остальные начали мало по малу упразднять многое изъ того суетнаго, что осталось въ наслѣдіе отъ ханскихъ временъ.

Прежде всего начали сокращать многочисленную раньше челядь; за челядью упразднили дорогія сѣруи, кто побѣднѣй,—стали ходить пѣшкомъ. Кто былъ побогаче и имѣлъ необходимость по личнымъ или служебнымъ дѣламъ быть въ постоянныхъ разъѣздахъ, тѣ начали постепенно заводить недорогіе русскіе экипажи, убѣдившись въ томъ, что это и не грѣховно и не зазорно, а вмѣстѣ съ тѣмъ иногда выгоднѣе и удобнѣе верховой лошади.

Нѣкоторый шикъ въ этомъ отношеніи проявляли лишь тѣ представители торговаго люда, которыхъ побуждали къ этому постоянныя сношенія съ русскими, просвѣщавшими туземцевъ по части *savoir vivre*.

То-же или почти то-же наблюдалось и въ сферѣ ритуала, вѣками установившагося на почвѣ религиозныхъ вѣрованій.

Когда началъ постепенно улегаться бурный взрывъ атеизма, ворвавшійся въ туземную жизнь вслѣдъ за послѣднимъ вздохомъ упраздненнаго нами *кази-ранса*, взрывъ одурманившій главнымъ об-

разомъ молодежь и лишь относительно небольшую часть людей зрѣлаго возраста, взрывъ, вызвавшій дикій вопль въ нѣдрахъ противоположнаго лагеря, не успокоившагося и по настоящее время, нейтральная полоса, осмотрѣвшись и разобравшись въ этихъ новыхъ, небывалыхъ впечатлѣнiяхъ и убѣдившись въ томъ, что безбожники, преданные анаоемъ книжниками, оставались и остаются ненаказанными ни земной властью, ни громами небесными, мало по малу пришли къ убѣжденію, что страхи, проповѣдуемые книжниками, слѣдуетъ понимать лишь очень и очень относительно, а потому, пользуясь свободой дѣйствій, гарантируемой русскимъ закономъ, несомнѣнно можно и должно произвестить нѣкоторые упрощенія въ сферѣ религиозно-бытового ритуала.

Опять нашлось нѣсколько смѣльчаковъ, за которыми молча пошла большая часть туземной толпы, свободно вздохнувшая послѣ того, какъ съ легкой руки ея вожаковъ она, навсегда вѣроятно, отдѣлалась отъ многихъ дорого стоявшихъ обычаевъ: отъ обычая устройства пышныхъ, дорого стоявшихъ празднествъ по случаю обрѣзанія сыновей и ихъ женитьбы, что стало совершаться неизмѣримо скромнѣе и съ производствомъ неизмѣримо меньшихъ противъ прежняго расходовъ; отъ дорогихъ поминокъ, отъ такъ называемыхъ *худан* (жертвоприношеній), по самымъ разнообразнымъ случаямъ; отъ ежегодныхъ богомолій на наиболѣе чтимыхъ *мазарахъ* (могилы святыхъ), куда нынѣ богомольцевъ стекается неизмѣримо меньше, чѣмъ въ прежнее время.

Значительная часть населенія утратила прежнюю духовную потребность въ религіи, къ которой стала относиться критически. Религія мало по малу для многихъ стала обращаться въ пережитокъ,

въ формальность, требующуюся лишь кодексомъ общественныхъ приличій, въ то верхнее платье, безъ котораго *неудобно* выйти на улицу.

Въ теченіе тѣхъ 10--12 лѣтъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ отдѣлѣ изложенія, туземное общество, сначала въ лицѣ отдѣльныхъ представителей разныхъ общественныхъ классовъ, а затѣмъ, благодаря значительной компактности общества и отсутствію рѣзкой кастовой розни, и всей почти своей массой, успѣло воспринять отъ насъ немалое количество разнаго рода полезныхъ, практическихъ знаній въ области ремеселъ, архитектуры и строительства вообще, въ области земледѣлія, торговли и счетоводства, въ области общедоступныхъ, такъ сказать ходячихъ, свѣдѣній по части законовъ, географіи, этнографіи и исторіи.

Одновременно съ этимъ туземцы начали постепенно вводить въ свой домашній обиходъ многое изъ предметовъ производства нашей фабричной и мануфактурной промышленности, въ видѣ утвари, разнаго рода матерій, обуви и т. п., и здѣсь останавливаясь главнымъ образомъ на томъ только, что обращало на себя ихъ вниманіе удобствомъ и практичностью, что, въ свою очередь, доказывало не косность ихъ, какъ это полагаютъ многіе изъ русскихъ, знающихъ и видящихъ туземную жизнь лишь изъ оконъ своихъ квартиръ, а трезвую разсудительность и осторожность, удерживающую ихъ отъ подобнаго нашему легкомысленнаго прыганія на встрѣчу иногда самымъ нелѣпымъ новинкамъ, въ чемъ туземцы проявляютъ большое сходство съ желтой расой, нѣкогда, въ глубокой древности, вліявшей на жизнь и культуру аборигеновъ Средней Азии.

Книжники и фарисеи, раньше неумолимо гнавшіе всякія вообще новшества и заимствованія чего бы то ни было отъ *неверныхъ*, постепенно должны были придти къ убѣжденію, во первыхъ, что они не въ состояніи бороться съ всеокружающей жизнью, а, во вторыхъ, что и сами они въ концѣ концовъ никуда не уйдутъ ни отъ произнесенія словъ языка *неверныхъ*, ни отъ сношеній съ русскими, ни отъ русскихъ ситцевъ и суконъ, ни отъ резиновыхъ калошъ, ни отъ самоваровъ и экипажей.

Поэтому они измѣнили направленіе своей тактики и стали проповѣдывать, что все, на чемъ не лежитъ абсолютнаго запрещенія шаріата, подобно вину, азартной игрѣ, роскоши въ домашней жизни и т. п., все на потребу человѣку; все это можетъ считаться дозволеннымъ, *халаль*, если только это практично, полезно, не ведетъ къ развитію роскоши, порицаемой ортодоксальнымъ исламомъ, и можетъ служить къ благу въ дальнѣйшей жизни мусульманскаго общества, не разлагая его краугольных основъ.

Не мало перемѣнъ произошло за упомянутый періодъ времени и въ сферѣ отношеній туземцевъ къ намъ, къ русскимъ вообще и къ русскому правящему классу въ особенности. Прежде всего туземцы, въ особенности сарты, не только вполне избавились отъ паническаго страха, наводившагося на нихъ раньше однимъ лишь словомъ „русскій“, но, наоборотъ, зачастую, имѣя основанія считать себя въ томъ или другомъ случаѣ совершенно неуязвимыми, туземцы начали проявлять къ русскимъ очень безцеремонныя отношенія, ибо они прекрасно соображали и понимали, что многія стороны мѣстной экономической жизни находятся безусловно въ ихъ рукахъ, такъ какъ русскіе, стремясь къ

скорой и крупной наживѣ, считал многія овчинки нестоющими выдѣлки потому только, что на этихъ овчинкахъ невозможно наживать по 60 и по 100 процентовъ,—по складу своей жизни и по грандіозности своихъ ни съ чѣмъ не сообразуемыхъ, (кро-мѣ мѣщанскаго желанія не отстать отъ другихъ), аппетитовъ не въ состояніи съ ними, съ сартами, конкурировать, и что, кромѣ того, благодаря постепенному накопленію въ ихъ (туземныхъ) рукахъ денежныхъ средствъ, не истощаемыхъ жизнью не по средствамъ, жизнью на показъ, являющей собой большое мѣсто русскихъ вообще, а русскаго правящаго класса въ особенности, они, туземцы, многое могутъ купить въ кабинетахъ и въ канцеляріяхъ многихъ русскихъ служащихъ людей.

Избавившись отъ паническаго страха передъ словомъ „русскій“, туземцы мало по малу перестали столь же панически относиться и къ уѣздному начальнику, который раньше въ ихъ глазахъ былъ прямымъ замѣстителемъ безгранично властнаго ханскаго хакима.

Ознакомившись съ подлежащими статьями положенія объ управленіи края и присматриваясь къ соотношеніямъ между нашими органами разныхъ вѣдомствъ, туземцы мало по малу начали приходить къ убѣжденію, что русскій уѣздный начальникъ далеко не то же, что ханскій хакимъ, ибо законъ предоставляетъ уѣздному начальнику сравнительно небольшой кругъ административныхъ правъ; что такіе органы, какъ прокурорскій надзоръ, при желаніи съ ихъ стороны, имѣютъ возможность во многихъ случаяхъ ограничивать произволъ администраціи, чему бывали и примѣры; что лютость и юридическая мощь прокурора, въ свою очередь, очень часто разбиваются объ изумительную изворотливость адвоката; что государственная машина,

поражавшая когда-то ихъ воображеніе казавшейся стройностью и призрачнымъ совершенствомъ своего устройства, при ближайшемъ ознакомленіи оказывается лишь обширнымъ лабиринтомъ не всегда достаточно свѣтлыхъ залъ и корридоровъ; но, какъ доказываютъ опыты, производившіеся многими изъ ихъ компатріотовъ, всегда можно найти снисходительныхъ и услужливыхъ людей, которые за достаточную мзду охотно проведутъ по этому лабиринту и столь же любезно и благополучно выведутъ на свѣтъ Божій изъ его мрачныхъ корридоровъ и отпустятъ душу на покаяніе.

Упомянувъ выше объ уѣздномъ начальникѣ, мы сознательно умолчали о губернаторѣ и генералъ-губернаторѣ, ибо въ глазахъ народа ихъ значеніе неизмѣримо меньше, чѣмъ значеніе хакима, потому что народъ считаетъ ступеньки служебной лѣстницы своимъ, особымъ счетомъ.

Въ его глазахъ самое большое начальство полостной управитель и участковый приставъ; за ними слѣдуетъ уѣздный начальникъ. Губернаторъ и генералъ-губернаторъ въ представленіи наибольшей части туземнаго населенія существуютъ, какъ нѣчто почти отвлеченное.

Достаточно сказать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія генерала Иванова, раньше долго служившаго въ краѣ, на должность генералъ-губернатора, за смертью генерала Духовского, туземцы, живущіе въ 10 верстахъ отъ Ташкента, (около Дурмана, что за Никольскимъ поселкомъ), при упоминаніи о новомъ генералъ-губернаторѣ, съ изумленіемъ спрашивали пишущаго эти строки: „а гдѣ же старый?—(они не знали его фамиліи). „Когда назначенъ новый? Кто онъ такой и откуда пріѣхалъ?“

Второй періодъ эволюціи.

Съ устройствомъ Закаспійской желѣзной дороги и съ открытіемъ правильнаго пассажирскаго и товарнаго движенія между Самаркандомъ и Узунъ-ада, (съ дальнѣйшимъ движеніемъ на Батумъ или на Ростовъ), съ возникновеніемъ такимъ образомъ удобныхъ и относительно дешевыхъ способовъ сообщенія края не только съ Европейской Россіей, но даже и съ Западной Европой, прежняя малая подвижность туземцевъ начала все шире и шире уступать мѣсто обратному явленію. Торговля, въ особенности съ развитіемъ въ краѣ хлопководства, все больше и больше ширилась и разнообразилась; все большее и большее число туземцевъ стало посѣщать Россію, все шире и глубже знакомясь съ тамошней жизнью, съ тамошними порядками и явленіями общественнаго быта.

Нѣкоторые, наиболѣе предприимчивые туземцы стали проникать въ Западную Европу. Другіе, получая обыкновенные заграничные паспорта, начали тайно проникать черезъ Турцію въ Мекку, паломничество куда долгое время не разрѣшалось нашимъ туземцамъ подъ предлогомъ эпидемій въ Аравіи.

Туземцы, возвращавшіеся изъ этихъ дальнихъ поѣздокъ, вездѣ были желанными гостями, ибо общались очень много интереснаго.

Побывавшіе въ Западной Европѣ повѣствовали о видѣнныхъ ими *фарангахъ*, *инглисахъ* и *немцахъ*; о великолѣпіи и благоустройствѣ европейскихъ городовъ; о богатствѣ и культурности видѣнныхъ ими странъ; о томъ, насколько отстала отъ нихъ обширная, но сравнительно бѣдная и малокультурная Россія.

Еще большій интересъ представляли *хаджи*,

богомольцы, совершившіе поклоненіе меккскимъ святынямъ. Святая вода изъ колодца *Замзамъ*, меккская земля, камешки изъ ближайшихъ окрестностей Мекки и раковинки изъ морей, ближайшихъ къ Аравіи—многими принимались и даже покупались съ внѣшнимъ, нерѣдко дѣланымъ благоговѣніемъ. Но наибольшій интересъ представляли не эти святыни, а рассказы и повѣствованія о Турціи, о халифѣ и о туркахъ.

Здѣсь необходимо упомянуть о томъ, что каждый разъ, когда въ Стамбулѣ узнавали о прибытіи туда проѣзжихъ паломниковъ изъ Средней Азіи, ихъ немедленно же разыскивали и окружали всевозможнымъ вниманіемъ включительно до предоставленія возможности лицезрѣть *халифа*.

Возвращавшіеся изъ этихъ поѣздокъ туземцы не безъ преувеличеній рассказывали о величіи султана и о блескѣ его двора, о гостепріимствѣ турокъ въ отношеніи средне-азіатскихъ путниковъ, о полезности для туземцевъ общенія съ Турціей ради общемусульманскаго дѣла подъ верховной эгидой халифа, о полезности, по примѣру турокъ, заимствовать отъ невѣрныхъ все то полезное и практичное, что можетъ способствовать увеличенію матеріальной, а слѣдовательно и политической мощи мусульманства, которое, быть можетъ, съ божіей помощью вернется къ старому, вновь сдѣлавшись единой религіозной общиной.

Все это вмѣстѣ съ подарками, присылавшимися изъ Турціи заочнымъ знакомымъ, мѣстнымъ корифеямъ книжничества и книжническаго благочестія, производило на туземцевъ очень сильное впечатлѣніе, которое время отъ времени поддерживалось и подновлялось разными не особенно дорогими способами, въ родѣ присылки изъ Стамбула турецкихъ газетъ и иллюстрированныхъ изданій,

при посредствѣ которыхъ туземцы знакомились съ Турціей и съ турецкимъ языкомъ, во многомъ разнящимся отъ мѣстныхъ тюркскихъ нарѣчій.

Эти корреспонденціи, а равно и посѣщенія края турецкими эмиссарами замѣтно участились во время греко-турецкой войны, когда присылавшіяся сюда турецкія газеты и иллюстрированныя изданія были наполнены сообщеніями о турецкихъ побѣдахъ, о мощи турецкихъ арміи и флота, что хотя и далеко не соответствовало дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе служило большую службу увеличенію популярности Турціи въ глазахъ той части мѣстнаго населенія, которая или читала эти газеты, или слышала о ихъ содержаніи.

Наша администрація узнала объ этихъ нашествіяхъ турецкаго вліянія нѣсколько поздно, во первыхъ, а, во вторыхъ, если бы и узнала во время, то все равно не была бы въ силахъ бороться съ упомянутымъ явленіемъ и не допустить этихъ вторженій, ибо къ услугамъ туземнаго населенія слишкомъ много способовъ для того, чтобы такъ или иначе провезти въ край то, что имъ нужно или желательно.

Всѣ эти, только что отмѣченныя обстоятельства, вмѣстѣ съ раньше отмѣченнымъ постепеннымъ практическимъ ознакомленіемъ туземнаго населенія съ многими отрицательными сторонами нашей официальной жизни, неизбѣжно вели къ постепенному значительному уменьшенію среди туземнаго общества числа симпатизирующихъ намъ лицъ, къ постепенному ослабленію прежняго престижа русскаго имени и къ постепенному же и значительному усиленію фракціи книжниковъ, которые, подъ вліяніемъ новыхъ теченій мѣстной жизни, тоже не оставались *in status quo*, шли впередъ и изъ обыкновенныхъ ветхо-завѣтныхъ книжниковъ, откинувъ

значительную долю древняго фарисейства, успѣли преобразиться въ болѣе или менѣе активныхъ общественныхъ дѣятелей, при чемъ въ ихъ рукахъ *исламъ*, раньше бывшій только домостроемъ, стѣснявшимъ и удручавшимъ частную и общественную жизнь, бывшій только религіозно-юридическимъ кодексомъ, налагавшимъ на отдѣльныхъ лицъ и на цѣлыя общества много ненужныхъ и тяжелыхъ веригъ, въ значительной мѣрѣ утративъ эту часть своего прежняго религіознаго значенія, мало по малу сталъ превращаться въ знамя общемусульманскаго пробужденія и объединенія.

Все это, конечно, не было въ Туркестанскомъ краѣ исключительно мѣстнымъ явленіемъ, такъ какъ находилось въ самой неразрывной связи съ явленіями и новыми вѣяніями общемусульманской жизни, гдѣ, въ наиболѣе интеллигентныхъ сферахъ значительной части разрозненныхъ пока мусульманскихъ обществъ, началась на первыхъ порахъ малозамѣтная, а затѣмъ все болѣе и болѣе энергичная, но неспѣшная, упорная и методичная работа, направленная къ пробужденію и объединенію мусульманства во всѣхъ частяхъ свѣта, дабы оградить его отъ нежелательныхъ съ мусульманской точки зрѣнія вліяній европейской культуры (цивилизаціи), направить на путь осмотрительныхъ заимствованій отъ европейцевъ того только, что можетъ впослѣдствіи пригодиться мусульманскому міру для успѣшной борьбы съ христіанской (европейской) культурой, и подготовить этотъ полусонный пока міръ къ новой, самобытной жизни, достаточно огражденной отъ непрошеныхъ вторженій и назойливыхъ посягательствъ европейскихъ народовъ, позволяющихъ себѣ все это только по праву сильного.

Значительное число интеллигентныхъ мусуль-

манъ давно уже принялись за эту работу и методично продолжаютъ ее, при чемъ въ Турціи, въ Египтѣ и въ мусульманской Индіи издается много журналовъ этого, панисламистскаго, направленія*).

Въ Индіи къ числу наиболѣе тенденціозныхъ и имѣющихъ наибольшее распространеніе панисламистскихъ органовъ принадлежитъ газета „Хабль-уль-метинъ“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ *крѣпкую* (неразрывную) *связь* и объясняется редакціей въ смыслѣ необходимости единенія между шіитами и суннитами во имя одного, общаго имъ всѣмъ дѣла.

Эта газета издается (на персидскомъ языкѣ) уже 13 лѣтъ и распространена почти во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, не исключая и Средней Азии.

Она негласно субсидируется турецкимъ султаномъ, персидскимъ шахомъ, афганскимъ эмиромъ и многими другими автономными мусульманскими правителями.

Такимъ образомъ, разбуженное нашимъ приходомъ сюда мѣстное мусульманское общество, просыпаясь, подобно значительной части остальнаго мусульманскаго міра, и протирая глаза послѣ многолѣтней спячки, во время которой успѣлъ накопиться большой запасъ потенциальной нервной силы, вступаетъ нынѣ на путь новой жизни съ готовой политической программой въ рукахъ, а потому не имѣетъ причинъ ни торопиться, ни метаться изъ стороны въ сторону.

Достаточно внимательно присмотрѣться къ тому, чѣмъ живетъ нынѣ мусульманскій міръ, доста-

*) Нынѣ (1912 г.), на основаніи какъ личныхъ наблюденій, такъ равно и данныхъ, въ теченіе послѣднихъ 4-5 лѣтъ почерпнутыхъ изъ текущей литературы, я имѣю основанія полагать, что панисламистское движеніе чѣмъ дальше все чаще и чаще встрѣчаетъ оппонента въ лицѣ социализма, тезисы и тенденціи котораго начинаютъ постепенно проникать въ нѣдра многихъ мусульманскихъ народовъ.

точно принять во вниманіе грандіозность запаса жизненныхъ силъ, накопленныхъ въ теченіе многолѣтняго отдыха, и грандіозность той бездны, которая отдѣляетъ европейскую цивилизацію отъ ислама, чтобы понять, какъ дѣтски наивны и какъ жалки наши попытки руссифицировать туземцевъ, да еще при посредствѣ такихъ безусловно слабыхъ учреждений, какими въ дѣйствительности являются наши русско-туземныя школы и иные способы нашей просвѣтительной дѣятельности, или совѣмъ не дающіе результатовъ, или дающіе результаты, противоположные тѣмъ, которые ожидались.

По этому послѣднему поводу мы скажемъ только, что туземные юноши, которымъ удается получить сколько нибудь солидное развитіе и образованіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, почти поголовно становятся или панисламистами, или дѣятельными сторонниками пробужденія и автономіи неавтономныхъ нынѣ мусульманскихъ обществъ, что, конечно, совершенно естественно.

Время шло, а неумолимая жизнь, какъ бы насмѣхаясь надъ нами, продолжала, какъ въ панорамѣ, демонстрировать передъ туземнымъ обществомъ все больше и больше такихъ картинъ, которыя ничего не могли сказать въ нашу пользу.

Пьянство среди туземнаго населенія стало доходить до небывалыхъ размѣровъ. Въ праздничные дни нельзя было выйти на улицу, не наталкиваясь почти ежеминутно на пьяныхъ и подгулявшихъ туземцевъ, носившихся по русскимъ и туземнымъ городамъ, развываясь въ извозничьихъ экипажахъ, съ громкими и не всегда пристойными пѣснями, очевидно, въ подражаніе русскимъ пьянымъ мастерамъ и солдатамъ. Тѣ же пьяные валялись на скамейкахъ городскихъ бульваровъ. Возмущались не только книжники, постепенно превращав-

піеся въ общественныхъ дѣятелей новаго направленія, но и большинство русскихъ Повсемѣстно усиливались воровство, торговые обманы и общая, такъ сказать, распущенность.

До невозможныхъ степеней продажности и лиценпріятія дошелъ народный судъ. А когда туземцы, еще не извѣрившіеся въ судъ русскій, стали дѣлать попытки переносить свои завѣдомо правыя дѣла въ этотъ русскій судъ, имъ отказывали, ихъ, такъ сказать, гнали изъ храма русскаго правосудія, ибо, по силѣ нашего мѣстнаго закона, дѣла между туземцами могутъ разсматриваться въ русскомъ судѣ лишь при желаніи обѣихъ тяжущихся сторонъ, (а не одной только); вмѣстѣ съ тѣмъ не правая, но состоятельная сторона обыкновенно предпочитала судъ народный, гдѣ то или другое рѣшеніе почти всегда оказывалось возможнымъ купить за достаточную мзду.

Да и самъ русскій судъ успѣлъ уже за это время многое утратить въ глазахъ туземнаго населенія. Такъ напримѣръ, случаи, когда одно и то же дѣло получало различныя рѣшенія въ разныхъ инстанціяхъ суда нерѣдко приводили туземцевъ въ большое недоумѣніе.

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ въ краѣ появилась саранча. Мѣстами она отраждалась время отъ времени; мѣстами чуть не ежегодно. Въ самый важный и опасный моментъ заложения яицекъ наблюденія за этимъ не было; отложенія саранчевыхъ кубышекъ не регистрировались; а потому частую саранча отраждалась на слѣдующій годъ тамъ и въ такихъ количествахъ, гдѣ этого никто не ожидалъ.

Уничтоженіе отраждавшейся саранчи производилось натуральной повинностью, нарядомъ рабочихъ, что во многихъ отношеніяхъ было неудоб-

нымъ; поэтому впослѣдствіи нарядъ рабочихъ переводился на деньги, на которыя нанимались желающіе, при чемъ туземная администрація обкрадывала народъ, а русская дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ этому присоединились требованія русской администраціи о составленіи сельскими обществами приговоровъ о сборѣ съ населенія особыхъ средствъ на приобрѣтеніе аппаратовъ Вермореля. Въ концѣ концовъ народъ открыто сталъ говорить, что его поѣдаетъ не саранча, а тѣ господа, которые отъ нечего дѣлать забавляются ея истребленіемъ.

Общая сумма взимаемыхъ съ населенія податей государственныхъ и земскихъ постепенно и значительно возрастала; а вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ сколько нибудь значительныхъ улучшеній въ важныхъ для мѣстной экономической жизни частяхъ, какъ напримѣръ дорожной, населеніе не видѣло.

Оно ежегодно платило значительныя суммы на наемъ ночныхъ караульщиковъ; но значительной части ихъ на дѣлѣ не было, ибо, вмѣсто несенія своихъ прямыхъ обязанностей, они несли обязанности разсыльныхъ, не смотря на то, что воровство и разбои, въ особенности въ Ферганѣ, одно время возрастали до размѣровъ, невольно обращавшихъ на себя вниманіе всѣхъ и каждаго, не исключая и русской администраціи, которая обыкновенно старалась увѣрить подлежащее начальство въ томъ, что во ввѣренномъ районѣ все обстоитъ благополучно.

По этому послѣднему поводу невольно хочется упомянуть о нижеслѣдующемъ. Въ 1902 году въ Ферганѣ возникло нѣсколько дѣлъ по обвиненію чиновъ (русской) уѣздной администраціи въ очень

неблаговидныхъ дѣлахъ. Въ началѣ осени того же года генераль-губернаторъ, посѣтивъ эту область, обратился къ одному изъ мѣстныхъ служащихъ лицъ съ вопросомъ, при какихъ обстоятельствахъ въ Ферганѣ могли вырасти новѣйшіе муромскіе лѣса, населенные господами въ родѣ Р., К. и Р., о дѣяніяхъ которыхъ были только что произведены дознанія, тогда уже переданныя слѣдственной власти. Но это былъ данъ такой отвѣтъ: „почвой для этого послужила прежде всего наша *малая правдивость*, ибо уѣздный начальникъ, вопреки дѣйствительности увѣряетъ губернатора въ томъ, что въ его уѣздѣ все обстоитъ благополучно; губернаторъ, получивъ совершенно такіа же заявленія отъ всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ, увѣряетъ въ благополучіи области генераль-губернатора; а послѣдній спѣшитъ увѣрить въ томъ же высшее правительство, но уже въ отношеніи всего края“.

Здѣсь мы желали бы обратить вниманіе читателей еще на одно немаловажное обстоятельство, что заставляетъ насъ вернуться назадъ.

Съ половины 80-хъ годовъ, частью вслѣдствіе воздѣйствіе администраціи, а главнымъ образомъ благодаря тому, что болѣе сметливые туземцы къ этому времени успѣли уже убѣдиться въ выгодности весьма настойчиво рекомендовавшагося имъ дѣла разведенія американскаго хлопчатника, начавшаго вслѣдъ за тѣмъ быстро вытѣснять туземный, и о расширеніе хлопководства въ коренныхъ областяхъ края быстрыми шагами пошли впередъ, при чемъ хлопчатникъ, вытѣсняя другія культуры, началъ захватывать все большія и большія площади ирригаціонныхъ земель. Прежде всего онъ вытѣснилъ въ Ферганѣ марену, которая, какъ красильное вещество, легко замѣнилась красками, (хотя и худшаго качества) привозимыми изъ Россіи.

Затѣмъ повсемѣстно начали вытѣсняться пшеница, ячмень, люцерна, джугара (сорго), кукуруза и пр., что тотчасъ же вызвало новое и значительное повышение цѣнъ на эти продукты. Такъ на примѣръ, въ Наманганскомъ уѣздѣ сотня сноповъ люцерны, стоившая при завоеваніи края въ самое дорогое время, въ концѣ зимы и въ началѣ весны, не выше 3 руб., стала продаваться отъ 10 до 14 руб.

Такое небывалое нарушеніе равновѣсія, доказывая самымъ неотразимымъ образомъ совершенную недостаточность наличной пахотной земли при вновь установившихся условіяхъ *), заставило туземное населеніе изыскивать возможные и удобные для него способы расширенія запаекъ. Поэтому туземцы, имѣя въ виду относительно малую потребность для хлопчатника въ орошеніи, начали усиленно засѣвать слабо орошенныя земли, на которыя раньше они обращали мало вниманія и эксплуатировали очень неохотно.

Эти земли стали засѣваться почти исключительно хлопчатникомъ и начали приносить весьма большой доходъ, требуя, конечно, особенно тщательной обработки.

Это внезапное, такъ сказать, увеличеніе доходности раньше малопродуктивныхъ или даже совсѣмъ таки пустовавшихъ земель совершенно неожиданно, хотя и косвенно, но очень широко отразилось на другомъ полюсѣ туземной жизни, на ея духовно-нравственной сторонѣ.

Дѣло въ томъ, что многія изъ многочисленныхъ *мадраса*, (высшихъ туземныхъ школъ) Фер-

*) Вслѣдъ за занятіемъ нами Ферганы, среднее количество орошенной земли, приходившееся на душу не превышало $\frac{1}{2}$ десятины.

Въ Наманганскомъ уѣздѣ менѣе $1\frac{1}{2}$ десятины на дворъ.

ганы, обладая значительнымъ количествомъ слабо орошенныхъ вакуфныхъ земель, раньше почти не имѣли отъ нихъ никакого дохода. Съ развитіемъ же и расширеніемъ мѣстнаго хлопководства, доходы такихъ *мадраса* сразу увеличились въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ 5 и даже болѣе разъ, одновременно съ чѣмъ пропорціонально увеличились и размеры стипендій, которыя стали получаться *муллами*, учениками этихъ школъ.

Молва объ этомъ быстро распространилась далеко за предѣлами области, и въ здѣшнія *мадраса*, въ особенности въ кокандскія, учащаяся молодежь, искавшая знанія мусульманской науки и усиленныхъ стипендій, ринулась не только изъ Ташкента и Самарканда, но даже и изъ бухарскихъ предѣловъ, при чемъ въ кокандскихъ *мадрасахъ*, по словамъ старѣйшихъ *мударрисовъ* и *мутаваллиевъ*, никогда не бывало такого количества учащихся, какъ въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ.

Врядъ ли нужно говорить о томъ, что уже одинъ этотъ приливъ молодежи въ высшую туземную школу не могъ не отразиться на усиленіи въ туземномъ обществѣ того, что смѣло можетъ быть названо усиленнымъ тяготѣніемъ къ исламу и къ распатавшимся устоямъ мѣстной старины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ указанное явленіе, случайно быть можетъ, совпало съ общимъ поворотомъ направленія духовно-нравственной жизни туземца, имѣвшимъ, въ свою очередь, несомнѣнно самую тѣсную (хотя быть можетъ тоже случайную) связь съ современными этому крупными шагами панисламизма.

Какъ ни велико было увлеченіе свободой, опянившей часть мѣстнаго общества одновременно съ паденіемъ *кази раиса* и былой мощи мѣстнаго до-

мостроя, но съ теченіемъ времени реакція настала всетаки и при томъ настала безшумно, незамѣтно, неожиданно.

Прежде другихъ люди, такъ сказать, средняго, уравновѣшеннаго образа мыслей стали задумываться надъ вопросомъ: „Куда же мы идемъ и куда, къ чему придемъ, идя и далѣе въ этомъ направленіи“?

Людь, нѣкогда шумно ликовавшій свободой употребленія горячихъ напитковъ, достаточно накуражившись, находился въ состояніи той выбитости изъ колеи, того нравственнаго похмѣлья и недовольства самимъ собой, при которомъ достаточно одного умѣлаго окрика для того, чтобы погнать это стадо въ любомъ направленіи.

Какъ ни велико было сравнительно недавнее увлеченіе свободой, но въ концѣ концовъ врожденные привычки, вліяніе семьи вообще и женщины, всегдашней носительницы традицій, въ особенности, вліяніе общественнаго мнѣнія, въ значительной мѣрѣ поддерживаемаго авторитетомъ близкой Бухары, до сего времени сохранившей всѣ наружные признаки и атрибуты показного благочестія, до *раисовъ* и побіенія камнями включительно, взяли верхъ, и блудные сыны ислама мало по малу стали возвращаться къ пенатамъ.

При такихъ обстоятельствахъ голосъ нашей оппозиціи, державшей уже въ своихъ рукахъ обновленное знамя ислама, призывавшее мусульманъ къ пробужденію и единенію, сталъ обращать на себя вниманіе все большей и большей части туземнаго общества, все больше и больше разочаровывавшагося въ насъ, въ нашей силѣ, въ нашей культурности и въ нашей правдивости.

Тогда оппозиція, поднявъ голову и развернувъ длинный скорбный листъ, который неустанно

и методично вела она вмѣстѣ съ народной памятью, стала говорить этому народу такія рѣчи.

„Всезнающій и Всевидящій, Гнѣвный и Карающій предалъ насъ и землю нашу въ руки враговъ нашихъ, въ руки невѣрныхъ, враговъ вѣры нашихъ отцовъ за жестокость и сребролюбіе правителей, за неправосудіе казиевъ, за грѣхи народа, забывшаго завітѣ Пророка, да благословитъ его Господь и да привѣтствуетъ его“. „Когда невѣрные вторглись въ нашу землю и стали одинъ за другимъ занимать наши города, что дѣлали мѣстные мусульмане? Выполнили-ли они завітчанное имъ о войнѣ съ невѣрными? Истомили ли они все усилія для того, чтобы не допустить невѣрныхъ попираеть копытами своихъ коней могилы нашихъ предковъ? „Ничего этого они не сдѣлали. Лишь незначительная часть ихъ пала на поляхъ битвъ и въ день страшнаго суда предстанетъ предъ Судіей судей съ бѣлыми лицами, въ своихъ обогранныхъ кровью одеждахъ, въ одеждахъ *шахидовъ*, мучениковъ, павшихъ по завітѣ Пророка за святую вѣру“.

„Остальные робко бѣжали, предпочтя суетную и безславную жизнь неувядаемому вѣдцу мученичества. Подъ Ташкентомъ они малодушно оставили смертельно раненаго Алимъ-Кула, бѣжали и, рассчитывая на вѣрнѣйшее спасеніе, бросились въ разлившійся Чирчикъ. Но десница Гнѣвнаго покарала ихъ; многіе изъ нихъ утонули въ бурлившей рѣкѣ, которая потомъ много лѣтъ выбрасывала на отмели ихъ шашки, ружья и кольчуги“.

„Когда невѣрные завоевали нашу землю, малодушнѣйшіе изъ насъ, забывъ слова корана—*„втрующіе не должны брать себѣ въ друзья невѣрныхъ“*, бросились въ объятія русскихъ и, дабы снискать ихъ расположеніе, стали глумиться надъ вѣрой своихъ отцовъ, начали пьянствовать вмѣстѣ

съ невѣрными, или подражая имъ, начали подводить имъ своихъ женъ, сестеръ и дочерей, начали давать охотно пріемлемыя ими взятки, осужденныя и проклятыя Богомъ и Пророкомъ, да благословитъ его Господь и да привѣтствуетъ его“.

„Въ слѣпотѣ вашей, которой Богъ искушалъ васъ, вы, порицая своихъ бывшихъ правителей и все то, что было здѣсь до прихода русскихъ, плѣнялись суетностью тѣхъ кажущихся благъ, которыя невѣрные крупницами бросали вамъ, дабы обольстить васъ, а вы, подобно псамъ, лизали за это руки тѣхъ, кому Предвѣчнымъ предвѣчно уготована геена огненная“.

„Опомнитесь, осмотритесь вокругъ себя и вы увидите, что настоящее не лучше прошлаго. Невѣрные вмѣстѣ съ тѣми изъ насъ, которые лукавятъ предъ лицомъ Бога и людей, всячески обираютъ нашъ народъ и всеми способами развращаютъ его, дабы низвести на него гнѣвъ Божій и тѣмъ его въ конецъ ослабить при помощи ихъ вѣрнаго союзника, искуителя—сатаны“.

„Искушеніями его, проклятаго, и стараніями невѣрныхъ среди насъ не осталось болѣе правосудныхъ, неподкупныхъ казиевъ; не осталось дѣтей, почитающихъ своихъ родителей, и родителей, искренно любящихъ своихъ дѣтей и желающихъ имъ блага; не осталось болѣе честныхъ торговцевъ, за совѣсть гнушающихся обманомъ, обчетомъ, обмѣриваніемъ и обвѣшиваніемъ; нѣтъ болѣе благочестивыхъ людей, помнящихъ о меньшей братіи, о которой въ священномъ коранѣ сказано—*„подайте нищему, просящему у васъ, и бѣдному не смѣющему просить“*; достатки ваши вы тратите на роскошь, на подкупы и на угожденіе невѣрнымъ; а вашимъ бѣднымъ подаютъ кяфыры, лукавящіе передъ Богомъ и думающіе обмануть Всевидящаго, о

которомъ въ коранѣ сказано, что онъ — „*искусный изъ хитрецовъ*“; нѣтъ болѣе благочестивыхъ мусульманъ, которые не гнались бы за суетными милостями невѣрныхъ, забывъ о возмездіи въ день страшнаго суда“.

„Опомнитесь и осмотритесь! Въ тѣхъ самыхъ *урдахъ*, въ которыхъ при ханахъ жили именитые беки и хакимы, управлявшіе народомъ, опираясь на уставы ислама, теперь водворились волостные управители, чуть не на половину ничтожества, вытасканные изъ грязи руками невѣрныхъ; пьяницы и мошенники, служившіе прежде поварами и конюхами у русскихъ, воровавшіе у нихъ пятаки и двугривенные, теперь они ограбляютъ народъ на тысячи и десятки тысячъ рублей“.

„Квартира или собственный домъ каждого такого волостного управителя—кабакъ, заѣзжій домъ, въ которомъ останавливаются, пьянствуютъ и играютъ въ карты русскіе“.

„Когда вы справедливо жалуетесь русскому начальству на мошенническія продѣлки содержателей этихъ кабаковъ, васъ штрафуютъ или арестовываютъ“.

„Одумайтесь и осмотритесь вокругъ себя! Подумайте, можно ли дольше жить такъ правовѣрно-му мусульманскому обществу; можно ли дольше *мариться* съ творящимися безобразіями; можно ли спокойно смотрѣть на все это, не думая о томъ, какъ вырвать народъ и его душу изъ нечистыхъ рукъ невѣрныхъ и ихъ вѣрнаго сообщника, діавола“.

Все чаще, все грознѣй и громче произносились эти и подобныя имъ рѣчи, которыхъ не знала и не слышала наша администрація, ибо не хотѣла и не могла ихъ слышать.

Она не хотѣла ихъ слышать, потому что ус-

лышавъ ихъ и откровенно заговоривъ по ихъ поводу, она неизбежно должна была бы выдать самое себя; она не могла ихъ слышать, потому что оставалась окруженной живой стѣной негодяевъ, обманывавшихъ и ее и народъ; она оставалась въ отношеніи народа слѣпой глухой и нѣмой, ибо, сидя за стѣной продажныхъ приспѣшниковъ, по-прежнему не видѣла народной жизни, не слышала народнаго голоса и не могла говорить по душѣ съ народомъ, такъ какъ давно утратила довѣріе и расположеніе народа, подробно знакомаго со всеміи ея похождениями и авантюрами которыя методично заносились народной памятью въ скорбный листъ.

Все чаще, все громче и грознѣй раздавались рѣчи и вопли нашей оппозиціи, пока, наконецъ, вызванное ими, на почвѣ напихъ служебныхъ недуговъ, нервное возбужденіе, постепенно охватывавшее все большую и большую часть туземнаго общества всего вообще края, не разразилось въ Ферганѣ возстаніемъ Дукчи—ишана.

Весьма слабо и неумѣло оборудованное въ техническомъ отношеніи, возстаніе было быстро подавлено; но счеты съ его нравственными результатами быть можетъ придется сводить лишь въ будущемъ, ибо народная память врядъ ли уничтожитъ скорбный листъ, а русскій правящій классъ врядъ ли окажется въ состояніи купить какой либо цѣной *искреннія* симпатіи извѣрившагося въ него населенія.

Быстро подавивъ вооруженной силой возстаніе ишана, мы много писали и говорили по поводу этого инцидента.

Мы много говорили и писали объ идущихъ и не идущихъ къ дѣлу вещахъ: о косности туземцевъ; о мусульманскомъ фанатизмѣ; о проискахъ Англіи и Турціи; о панисламизмѣ; о неблагодарности ту-

Вземцевъ, якобы, облагодѣтельствованныхъ Россіей; о чрезмѣрномъ, якобы, увеличеніи народнаго благосостоянія, дающаго возможность туземцамъ заниматься не общепольными дѣлами, а разными глупостями; о необходимости держать туземное население въ ежесѣчныхъ рукавицахъ, и т. д. Мы договорились и дописались даже до такихъ нелѣпостей, какъ необходимость время отъ времени, периодически, проходить по краю съ *огнемъ и мечомъ*, дабы производить на полудикихъ азіатовъ должное впечатлѣніе и держать ихъ непрестанно въ клѣткѣ того спасительнаго паническаго страха, который они пережили раньше, въ дни побѣдоноснаго вступленія нашихъ войскъ въ постепенно занимавшіеся нами туземные города.

Статья, написанная въ этомъ духѣ какимъ-то безстыжимъ авторомъ, въ свое время была помѣщена въ одной изъ русскихъ газетъ.

Мы говорили и писали по поводу возстанія очень много, но ни однимъ словомъ не обмолвились о самой главной, наиболѣе существенной причинѣ этого возстанія, о тѣхъ тяжкихъ, хроническихъ недугахъ нашей оффиціальной жизни, (служебной и общественной), которыя, будучи нежелательными и вредными вообще, представляются сугубо вредными и весьма опасными на мусульманской окраинѣ, и географически и духовно тѣсно связанной съ значительной частью остального мусульманскаго міра, интеллигенція котораго не можетъ не интересоваться Средней Азіей и не помнить о ней, ибо она въ свое время дала мусульманству нѣсколько солиднѣйшихъ и популярнѣйшихъ работъ по части шаріата, выдвинувъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколькихъ выдающихся поэтовъ—суфистовъ, какъ Миръ-Али Ширъ, Ахмадъ Ясави и Суфи Аллаяръ.

Возстаніе не только не заставило насъ задуматься надъ нашими недугами, но даже, наоборотъ, въ особенности въ Ферганѣ, послужило къ обостренію этихъ недуговъ и къ увеличенію числа пораженныхъ ими лицъ.

И мѣстная русская власть, и мѣстное (русское) общественное мнѣніе, не давая себѣ труда поглубже вдуматься и поосновательнѣй разобратся во всей суммѣ фактовъ и явленій, послужившихъ главнѣйшими причинами возстанія, утверждали одно: „надо прибрать туземцевъ къ рукамъ, взять ихъ въ ежесѣчные рукавицы и усилить административно полицейскій надзоръ за населеніемъ“.

Въ конечномъ результатѣ все свелось къ одному лишь значительному увеличенію числа участковыхъ приставовъ и къ назначенію волостныхъ управителей не по выбору населенія, а по избранію администраціи, о практическихъ результатахъ чего было уже упомянуто выше. Значительное увеличеніе числа приставовъ требовало подысканія такого же числа подходящихъ лицъ, которыхъ не имѣлось ни въ виду администраціи, ни въ ея распоряженіи.

По старо-туркестанской традиціи, не имѣющей никакихъ достаточныхъ основаній ни въ законѣ, ни въ логикѣ здраваго смысла, ибо административно-полицейская дѣятельность отнюдь не вызываетъ необходимости въ знакомствѣ съ уставами военной службы, мѣстная власть, набирая приставовъ, обратилась къ воинскимъ частямъ, изъ коихъ многія, пользуясь удобнымъ случаемъ, поснѣшили избавиться отъ несовсѣмъ подходящихъ офицеровъ, часть которыхъ и на новомъ поприщѣ оказалась тоже несовсѣмъ подходящими, увеличивъ такимъ образомъ процентъ ненадежнаго элемента въ рядахъ мѣстной русской администраціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ общій тонъ дѣятельности послѣдней въ отношеніи туземнаго населенія, подъ вліяніемъ свѣжаго еще впечатлѣнія, произведеннаго на всѣхъ возстаніемъ, принялъ сыскной и репрессивный характеръ, что вмѣстѣ съ нѣкоторымъ увеличеніемъ временной запуганности населенія подъ впечатлѣніемъ совершившихся казней и ссылокъ, дало широкій просторъ темной и грязной дѣятельности тѣхъ чиновъ администраціи, у которыхъ явилось желаніе ловить рыбу въ этой мутной водѣ.

Хищенія, поборы, вымогательства, незаконные наряды рабочихъ и измышленія русской администраціей заговоровъ среди населенія, съ корыстными, преступными цѣлями, возрасли до невѣроятныхъ степеней.

Возникшія въ 1902 году дѣла Р—на, Р—ка и К—ва приподняли лишь незначительный уголокъ завѣсы, за которой скрывалась масса самой возмутительной грязи, при чемъ нигдѣ, повидимому, эти оргіи административной разнузданности не доходили до такихъ гомерическихъ размѣровъ, какъ въ Андиканскомъ уѣздѣ въ концѣ девяностыхъ и въ началѣ девятисотыхъ годовъ.

Въ мѣстныхъ газетахъ то и дѣло печатались обличительныя корреспонденціи, правдивость большей части которыхъ впоследствии подтвердилась; но уѣздная и областная администраціи тщательно прикрывали всѣми способами эту возмутительную грязь.

Всѣ эти печальные обстоятельства, за которыми неустанно слѣдилъ народъ и на которые тщательно закрывала глаза мѣстная русская власть, еще въ концѣ девяностыхъ годовъ породили было въ Ферганѣ, въ туземномъ обществѣ, нѣкоторый расколъ.

Нашлось, незначительное правда, число туземцевъ, которые, указывая на неудержимо возрастающій произволъ русской администраціи, начали говорить, что причиной усиленія этого и безъ того хроническаго народнаго бѣдствія былъ казненный ишанъ, который предпринялъ безумное дѣло, не могшее дать выгодныхъ для народа результатовъ, понапрасну и преждевременно раздражилъ русскихъ и тѣмъ самымъ навлекъ на народъ новыя бѣды.

Партія нашей оппозиціи продолжала доказывать, что ишанъ мученикъ, указавшій народу путь, которымъ онъ рано или поздно долженъ будетъ идти, если намѣренъ и въ будущемъ оставаться мусульманскимъ народомъ.

Нейтральная полоса двоилась: часть молча соглашалась съ оппозиціей, разъ навсегда признавъ ишана святымъ; другая часть колебалась, ибо, стараясь держаться точки практическаго воззрѣнія на бурный водоворотъ всѣхъ пережитыхъ и переживавшихся явленій, недоумѣвала, кто правъ и кто неправъ.

Въ 1900 году было снято запрещеніе съ *хаджа*, паломничества въ Мекку.

Среди населенія, душа котораго была подавлена впечатлѣніями послѣднихъ трехъ лѣтъ, замѣчался подъемъ если не религіознаго чувства, то во всякомъ случаѣ желанія такъ или иначе отвести душу. Около десяти тысячъ однихъ только ферганскихъ паломниковъ, (не считая богомольцевъ изъ двухъ другихъ областей), частью съ заграничными паспортами, а частью безъ нихъ, ринулись въ Мекку.

Нѣкоторые изъ нихъ повезли съ собой тысячи и даже десятки тысячъ рублей; большинство двинулось съ сотнями; не мало было и такихъ, ко-

торые рискнули отправиться въ путь съ самыми недостаточными средствами. Въ числѣ этихъ послѣднихъ было немало стариковъ, значительная часть которыхъ, какъ то явствуетъ изъ официальной переписки, на обратномъ пути умирали на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ отъ совершеннаго истощенія силъ.

Черезъ два-три года этотъ подъемъ паломническихъ стремленій началъ замѣтно ослабѣвать, ибо многіе изъ паломниковъ, повидимому, возвращались въ значительной мѣрѣ разочарованными: путь, въ особенности для малосостоятельныхъ лицъ, оказался во многихъ отношеніяхъ очень труднымъ; въ Стамбулѣ, при такомъ громадномъ наплывѣ средне-азиатскихъ гостей, не представлялось возможнымъ оказать всѣмъ имъ достаточное вниманіе; арабы, въ особенности держащіе въ своихъ рукахъ святыни Мекки и Медины, притѣсняли и обирали паломниковъ такъ же, какъ нашихъ обираютъ въ Иерусалимѣ.

Все это въ значительной мѣрѣ поддерживало среди туземнаго населенія Ферганы тотъ вышеотмѣченный расколъ, который явился было послѣдствіемъ различныхъ отношеній къ ближайшимъ практическимъ результатамъ возстанія, поднятаго ишаномъ, и трудно, конечно, сказать, какія новыя теченія возникли бы на этой почвѣ, если бы неповѣдимая судьба вновь не потрясла умъ и душу и безъ того выбитаго изъ коленъ мирной, размѣренной жизни ферганскаго населенія ужасами андижанскаго землетрясенія въ декабрѣ 1902 года.

Десятки тысячъ зданій, разрушенныхъ и поврежденныхъ въ городѣ и въ селеніяхъ, тысячи задавленныхъ и искалѣченныхъ людей, тысячи задавленныхъ и искалѣченныхъ домашнихъ животныхъ, отсутствіе надежныхъ убѣжищъ отъ холода

и непогоды и непрестанно продолжавшіяся мощныя сотрясенія почвы, часто сопровождавшіяся сильнымъ подземнымъ гуломъ, производили на населеніе тяжкое, удручающее впечатлѣніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ голодное и холодное, не успѣвшее оправиться отъ первыхъ впечатлѣній укаса, не успѣвшее вытащить своихъ покойниковъ и калѣкъ изъ-подъ грудъ развалинъ, не успѣвшее сколько нибудь устроить свои семьи, населеніе Андижана и окрестныхъ селеній сгонялась администраціей для расчистки тѣхъ улицъ, по которымъ долженъ былъ проѣхать генераль-губернаторъ, спѣшившій на мѣсто катастрофы.

Нѣсколько позже то же населеніе, черезъ посредство своихъ добрыхъ агентовъ всегда находящееся въ курсѣ многихъ сокровенныхъ тайнъ нашихъ канцелярій, знало, что добровольныя пожертвованія, отовсюду стекавшіяся въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія, неполностью доходятъ до него

.
.
.
.
.
.
.

Могъ-ли народъ благодушно смотрѣть на все это? Могла ли наша оппозиція не видѣть и не понимать, какое оружіе мы даемъ въ ея руки противъ самихъ себя?

Конечно, нѣтъ.

И вотъ оппозиція смѣлѣе прежняго подняла голову и настойчивѣе прежняго стала громить истомленную душу народа своими грозными, обличительными рѣчами.

„Вы прогнѣвили Гнѣвнаго и овъ простеръ на васъ и на семьи ваши свою карающую десницу, поразивъ васъ ужасами землетрясенія“.

„И какъ было не карать васъ ему, Всевидающему, Всеслышающему, Всезнающему“.

„Не Андижанъ ли, подобно древнему Содому, былъ гнѣздомъ всякаго беззаконія; гнѣздомъ продажности казіевъ, гнѣздомъ насилій, лихоимства и притѣсненій администраціи, гнѣздомъ пьянства, разврата и всеобщей распущенности вашей, людей, дерзающихъ именовать себя мусульманами“?

„Не вы ли въ помраченіи умовъ и сердецъ вашихъ дерзнули произносить хулу на святого мученика, показавшаго вамъ примѣръ пренебреженія суетой этого тѣннаго міра, гдѣ каждый изъ насъ путникъ, проходящій путь земной жизни въ теченіе нѣсколькихъ дней и запасаящійся за этотъ короткий срокъ тѣмъ, безъ чего нѣтъ блаженства въ будущей, не временной, а уже вѣчной жизни“?

„Опомнитесь и покайтесь, если вы не хотите, чтобы десница карающаго поразила васъ новыми и еще худшими бѣдствіями“. „Покайтесь и гоните изъ своей среды и изъ своей жизни все то, что, подобно пьянству, проституціи, азартнымъ играмъ, роскоши, безчестности и всякой неправотѣ, будучи противнымъ догматамъ нашей святой религіи, уподобляетъ васъ нечистымъ свиньямъ и столь же нечистымъ *кяфырамъ*“.

Справедливость требуетъ сказать, что эти и подобныя имъ рѣчи, несомнѣнно, производили на толпу очень сильное, отрезвляющее впечатлѣніе, заставляя большинство внимательно анализировать темныя стороны жизни. Такъ напримѣръ, не подлежитъ сомнѣнію, что вслѣдъ за землетрясеніемъ значительная часть многочисленныхъ раньше, проживавшихъ въ Андижанѣ туземныхъ проститутокъ,

видимо не считая себя болѣе безопасными и гарантированными отъ равнаго рода непріятностей, поспѣшили разѣхаться по другимъ городамъ края; пьянство среди туземцевъ г. Андижана на нѣкоторое время тоже замѣтно уменьшилось.

Несомнѣнно также, что возстаніе ишана и землетрясеніе провели глубокій рубецъ на коллективной душѣ мусульманскаго населенія не одной только Ферганы, а всего вообще края, ибо послѣ этихъ передрагъ, конечно, не безъ связи и съ другими явленіями туземной жизни, въ родѣ все болѣе и болѣе *внутренней* эмансипаціи туземной женщины, по внѣшности какъ бы остающейся все въ прежнемъ положеніи, ибо она попрежнему закрыта двойнымъ покрываломъ, начали замѣтно уменьшаться бачебазство и пьянство, одно время, какъ уже было отмѣчено выше, повсемѣстно доходившія до неслыханныхъ размѣровъ.

Однако же было бы большою ошибкой думать, что результаты моральнаго воздѣйствія возстанія ишана и землетрясенія, въ связи съ ярко обрисовавшейся для туземцевъ картиной патологии нашего служебнаго и общественнаго быта, ограничились только нѣкоторымъ уменьшеніемъ числа пьяницъ и бачебазовъ.

Съ несомнѣнной увѣренностью можно сказать, что туземное населеніе края, навсегда признавъ ишана за святого, за мученика, указавшаго народу одинъ изъ способовъ практическаго осуществленія въ будущемъ мусульманской политической программы, чѣмъ дальше будетъ все крѣпче держать эту программу все большимъ и большимъ числомъ *со-*
знательно

.
.
.
.

Прощаясь съ читателями, туземцами и русскими, прошу позволенія повторить то, что было сказано мною въ самомъ началѣ.

Я предложилъ вашему вниманію нѣкоторую часть результатовъ моихъ сорокалѣтнихъ наблюденій надъ мѣстной жизнью не для того, чтобы бросать въ кого либо камешки обвиненій.

Я далъ, какъ мнѣ кажется, довольно вѣрную картину сообщая пережитаго нами прошлаго для того только, чтобы легче было избавить будущее отъ повторенія темныхъ пятенъ пережитаго, чтобы сдѣлать это будущее возможно болѣе свѣтлымъ, жизнерадостнымъ.

А теперь я прошу: довольно о прошломъ; свалимъ этотъ старый хламъ, этотъ навозъ жизни въ мусорную яму исторіи, дабы забыть старые счеы, разъ навсегда повернуться спиной къ злопамятству и дружно, рука объ руку идти далѣе по широкому пути общечеловѣческаго прогресса и общечеловѣческаго единенія.

Sans rancune.
